

**Тамара
Максимова**

**Музыкальный
Ринг**

Музыкалы кауырдың Тамара Макумова

**Тамара
Максимова**

**Музыкальный
Р/И/Н/Г**

Москва «Искусство» 1991

Оглавление

Между двумя «Аквариумами» 5

Второе рождение 39

Открытие Леонтьева 59

Нужен ли был «Форум»? 85

Вот так «Браво»! 115

Боярский без маски 155

Время бардов 181

Зов крови предков 219

От «Секрета» до Билли Джоэла 251

Конец, который может стать началом 297

ББК 85.38
М17

В книге использованы фотографии
Ю. Васильева, А. Зудина, Г. Казаринова,
Л. Козлова, В. Копытковского, Б. Кремера,
Л. Кудиновой, В. Потапова, В. Сафронова, А. Усова

Художник *В. К. Завадовская*

Гонорар за эту книгу автор передает
в Международный фонд спасения
Петербурга—Ленинграда

М 4503000000-016 20-90
025(01)-91

ISBN 5-210-00114-8

© Т. В. Максимова, 1991 г.

**Между двумя
АКВАРИУМАМИ**

Когда меня спрашивают, с чего и как начинался «Музыкальный ринг», я испытываю некоторое замешательство. Не могу с уверенностью сказать, что идея этой программы возникла в такое-то время и в такой-то час. Ведь «Ринг» появился на девятый год моей работы на Ленинградском телевидении с режиссером Владимиром Максимовым. За это время благодаря нашему «семейному подряду», в котором режиссер и журналист (они же — муж и жена) двадцать четыре часа в сутки не расставались, придумано было десять циклов передач для детей и молодежи. И в каждом есть элементы будущего «Музыкального ринга».

Взять, к примеру, ту передачу 1981 года, в которой главным действующим лицом стал Раймонд Паулс.

В начале лета всегда загруженный до предела маэстро вдруг неожиданно согласился на съемку. Правда, приехать в Ленинград он мог только на один день, но зато с сюрпризом — с молодыми талантливыми музыкантами, которых недавно открыл в Лиепае.

Мы, конечно, обрадовались, хотя несколько смущала необходимость выйти на запись без предварительных обсуждений и репетиций. Это было не в наших правилах. Но ведь в каждом правиле есть исключения.

И вот 1-я студия Ленинградского телевидения готова к съемке. Мизансцена отдаленно напоминает будущий «Музыкальный ринг»: в амфитеатре человек сто пятьдесят — двести, у свободной стены на возвышении место для выступающих. Я сижу в первом ряду с новой трехъярусной прической, на которую потратила полдня, чтобы рядом с маэстро выглядеть на европейском уровне. Из-за этого хитроумного сооружения даже не успела заглянуть на съемочную площадку, где Володя с утра репетировал с музыкантами.

По отмашке оператора, чувствуя себя как никогда элегантной, улыбаюсь на камеру и представляю публике еще более элегантного Паулса. А потом, зная, что дальше на экране пойдут крупные планы музыкантов, неза-

Я сижу в первом ряду с новой трехъярусной прической, на которую потратила полдня, чтобы рядом с маэстро выглядеть на европейском уровне.

метно достаю листок, чтобы по нему за кадром прочитать без ошибок сложные латышские имена и фамилии.

— «Раймонд Паулс и рок-группа «Кредо»!

Только я успеваю это произнести, как под оглушающие звуки электрогитар в центр студии выскакивают длинноволосые, совсем не элегантные парни и начинают бегать и прыгать по декоративной сцене.

«Она же провалится!..» — с ужасом успеваю подумать я. И тут один из музыкантов действительно проваливается вместе со своей гитарой. Но песня на неизвестном языке продолжает греметь еще мощнее.

Вижу, публика в зале просто ошарашена происходящим. Еще бы! Ведь в то время появление на Ленинградском телевидении такой неистовой рок-группы должно было казаться чем-то из области фантастики.

А Паулс, едва утих последний аккорд, с невозмутимым видом заявляет:

— Это была рок-группа «Кредо», и в ее исполнении вы слышали фрагмент из моего нового мюзикла «Сестра Керри». Мы хотим показать вам кое-что еще из этого спектакля. Конечно, с вашего позволения, Тамара...

Но я уже пришла в себя.

— Раймонд, вы так любите Драйзера?

— Да, обожаю, — улыбается Паулс.

— А Толстого вы любите?

— Да, конечно.

— А Достоевского?

— Да, — отвечает Раймонд, но уже несколько настороженно, чувствуя какой-то подвох.

— Тогда, маэстро, не написать ли вам, например, мюзикл «Война и мир» или рок-композицию «Преступление и наказание»?

Может быть, идея ринга закладывалась еще раньше, в первом нашем всесоюзном цикле передач — «Один за всех, все за одного».

— Вы знаете, блестящая идея! Нужно подумать, когда вернуться в Ригу. А пока... Пока следующий номер — рок-н-ролл!

Зал взрывается аплодисментами, а Паулс так хитро на меня посматривает.

Сама не знаю, то ли в отместку за столь неожиданный сюрприз, то ли просто от отчаяния, — ведь шла запись совсем «непреходного» материала и нужно было как-то спасти положение, — но я стала задавать Раймонду самые что ни на есть провокационные вопросы. Совсем как будет потом иногда на «Музыкальном ринге».

Правда, маэстро и виду не подал, что вопросы непривычные. С присущей латышам иронией он не только включился в словесную дуэль, но и сам переходил в наступление.

Потом Володя рассказывал, что в режиссерскую аппаратную набилось полным-полно народу из тех, кто был в это время свободен на студии. И без конца раздавались возгласы:

— Так, Тамара!

— Ну, Паулс, молодец!

— Нет, вопрос некорректный! Удар ниже пояса.

— Два один в пользу Паулса!..

Это был совсем уже как бы мини-ринг. И три года спустя, выстраивая режиссерскую концепцию «Музыкального ринга», Володя учитывал опыт той передачи с Паулсом. А я на встрече с первой ринговской аудиторией в пример приводила наши с Раймондом диалоги.

Но, может быть, идея ринга закладывалась еще раньше, в первом нашем всесоюзном цикле передач — «Один за всех, все за одного»? Хотя эти передачи привлекали в основном детей, некоторые взрослые тоже с интересом ждали очередной выпуск телеигры для пионерских отрядов и их шефов. Особенно в тех городах и поселках, откуда в Ленинград на съемку приезжали победители.

Пионерские отряды получали специальные задания из штаба телеигры. Находился он в детской редакции Ленинградского телевидения. На связь каждые две недели выходи-

ли с помощью канала, предоставленного нам Центральным телевидением. А особо отличившиеся отряды по нашему приглашению приезжали в Ленинград сниматься на телевизионной игровой площадке. Приходилось проявлять массу изобретательности, чтобы эти игры не надоели нашим маленьким и большим зрителям.

Начинался ли «Музыкальный ринг» с той нашей телеигры для детей или уже со следующей — для молодежи?

По теме эта программа, пожалуй, ближе к «Рингу». Но не по форме, так как практически это был первый советский телемост. Ленинград проложил его в эфире между Ригой, Вильнюсом и Таллином в 1978 году, когда и самого понятия «телемост» еще не существовало. Мы назвали этот цикл «Телеигра для городов Прибалтики и Ленинграда «Янтарный ключ». (Там-то в одном из выпусков и появился Раймонд Паулс с группой «Кредо».) Команды четырех городов готовили для этой информационно-музыкальной программы вопросы, которые потом ведущие каждого города по очереди задавали в эфире. Кстати, из четырех ведущих двое теперь хорошо знакомы всесоюзному зрителю. Это Урмас Отт и Владимир Мукусев.

Параллельно с молодежью Прибалтики и Ленинграда мы решили включить в наши телевизионные игры и более солидную публику. Для нее были придуманы телевизионные «игры деловых людей». Предполагалось, что наша передача поможет предприятиям города более эффективно строить производственные отношения и даже решать конфликтные ситуации. Конечно, без помощи психологов и социологов у нас ничего бы не вышло. И мы завязали контакт с людьми науки. Впоследствии этот опыт натолкнул нас на мысль создать при «Музыкальном ринге» специальную группу научной подготовки передачи.

Так мы с Володей играли-играли в разные телеигры и доигрались до того, что наш совместный путь на студии чуть не оборвался.

Тут и начинается вторая история появления на свет «Музыкального ринга».

Только недавно я осознала, что само существование «семейного подряда» в государственной организации середины 70-х — начала 80-х годов уже можно поставить в связь с будущим «феноменом Ленинградского телевидения», о котором столько теперь пишут. Нам с Володей предоставили невиданную по тем временам творческую свободу — возможность работать вместе, в одной редакции, а мы по молодости и легкомыслию не могли оценить, каким счастливым исключением нас сделали. Ведь на Центральном телевидении семейным парам не разрешалось работать даже в разных зданиях!

Вероятно, в чьих-то глазах мы выглядели неблагодарными, кому-то казалось, что у нас явные симптомы «звездной болезни». Но мы, ничего не замечая, продолжали «высовываться», придумывая по мере сил свое телевидение, стараясь найти свой стиль, свой почерк. И так продолжалось целых семь лет, пока однажды нас все-таки не разлучили. Володю перевели в редакцию пропаганды, а я осталась в молодежной. Сначала мы удивились, потом возмутились, потом обиделись, но вскоре поняли, что еще счастливо отделалась: кто знает, а вдруг бы постановили развести нас и в личной жизни?

Произведенная над нами хирургическая операция привела к тому, что мы перестали делать авторские передачи. Теперь признаю: это был наш маленький бойкот Ленинградскому телевидению. Такое решение было, вероятно, наивным, но ничего иного мы придумать тогда не сумели. Выполняли свои функции редактора и режиссера в передачах других авторов — и только. Так продолжалось не много не мало — два года.

Мы оба пришли на Ленинградское телевидение в пятнадцать лет и, хотя произошло это в разное время, начинали одинаково — с азав.

Первую свою передачу я как автор и ведущая сделала уже в восьмом классе, а в шест-

В роли одного из ведущих «Янтарного ключа» дебютировал на телевидении Владимир Мукусев.

надцать лет получила удостоверение внештатного корреспондента телевидения и, конечно, очень гордилась этим.

А Володю в шестнадцать лет уже зачислили в штат студии. Он начинал монтировщиком декораций. Был помощником и ассистентом режиссера, причем так работал, что на самые ответственные спектакли приглашали именно его. Когда меня приняли наконец на работу в редакцию передач для детей, он уже считался мастером. Во всяком случае, так мне его представили, и я удивилась: такой молодой, а на висках сединки...

Недавно исполнилось двадцать пять лет Володиной работы на телевидении, а он считает, что меньше: два года были простоем.

...Неожиданно в начале 1984 года меня пригласили в качестве музыкального редактора в молодежную программу «Горизонт», которую решили реанимировать, помня ее популярность в шестидесятые годы. Мне отдавали 15-минутную музыкальную страничку в конце программы.

Сразу прежние обиды забылись. Музыкальная страничка в «Горизонте» стала ка-

Володю в шестнадцать лет уже зачислили в штат студии.

заться смыслом жизни. Володя радовался за меня, а сам тихо переживал: у него ведь все оставалось по-прежнему...

За два года в музыкальной жизни города произошло много изменений. Особенно в молодежной культуре. Началось массовое увлечение рок-музыкой. Появились десятки новых групп. Становился на ноги городской рок-клуб.

Я бросилась к писателю Александру Житинскому, автору «Записок рок-дилетанта», которые пользовались в начале восьмидесятых бешеной популярностью.

— Я открыл одну потрясающую группу, — сразу же сообщил он мне при встрече. — В Доме писателей даю слушать кассету с их песнями каждому. Многие удивляются — очень

В то время Александр Житинский не пропускал ни одного концерта Гребенщикова.

необычно. Не профессионалы, но живут только музыкой. Репетируют ночами в кухне коммуналки под абажуром. Представляете: круглый стол, чай, виолончель и гитара!

Это было похоже на то, что я искала. Рок-лаборатория в коммунальной квартире... Свободная камера и свободный микрофон в кухне под абажуром...

Когда на следующий день Александр Житинский появился вместе с Борисом Гребенщиковым в редакции, я прямо с порога начала предлагать им одну идею за другой.

Невзрачный, плохо одетый мальчик слушал, казалось, внимательно, но без каких-либо эмоций. Особенно, помню, меня поразили огромные заплаты на локтях его потертой кожаной курточки и таких же потрепанных джинсах. Тогда я еще не знала, что это необходимая атрибутика рокмена того времени.

— Мы будем семь вечеров снимать репетиции «Аквариума». И главное — творческий процесс! — вдохновенно расписывала я будущий сценарий.

Борис соглашался на все. Сквозь падающую на глаза белесую прядь смотрел бесцветным взглядом на меня, на женщину-режиссера, которая должна была работать вместе со мной над этой программой. Послушно кивал:

— Можно и так... И так тоже можно...

— Говорить не сможет, и фактуры никакой, — шепнула мне режиссер с досадой.

Но я даже не огорчилась — так увлекла меня идея «рока под абажуром».

Прихватив страниц двадцать-тридцать с текстами Гребенщикова, я помчалась домой выбирать песни для первой 15-минутной передачи.

Тексты, признаться, поначалу озадачили.

«Я выкрашу комнату светлым,
Я сделаю новые двери.
Если выпадет снег,
Я узнаю об этом только утром.

годы испытывал любопытство к «аквариумо-мании».

Вообще этой болезнью переболели в первой половине восьмидесятых годов многие. Те, кому было лет 25—30, с жадностью впитывали то, чего недополучили в свои юношеские годы. То же самое происходило и с теми, кто открывал для себя русскую рок-музыку в 35—40 лет. Этим людям можно было встретить на концертах «Аквариума», «Алисы», «ДДТ», «Телевизора». Немолодые, солидно одетые люди с юношеским блеском в глазах увлеченно обменивались впечатлениями до и после концертов, как бы заново открывая себя и то поколение, которому в годы застоя рок-музыка дала возможность так вызывающе говорить, кричать о наблевшем.

«Мы ждали так долго,
Что может быть глупее,
чем ждать...» —

пел в «Музыке серебряных спиц» Борис Гребенщиков. Зал напряженно молчал, вслушиваясь в каждое слово. Я тоже, замерев, слушала бередящий призыв «Музыки серебряных спиц» и краснела, вспоминая свои бредовые идеи насчет репетиции у абажура.

Воображаю, как подсмеивались над наивной музредакторшей Житинский с Гребенщиковым, как радовались, что нашли возможность хоть как-то протащить на экран две-три самые безобидные из песен «Аквариума», чтобы многочисленные слушатели магнитофонных записей смогли наконец увидеть автора и его группу.

Чем яснее я представляла себе эту картину, тем больше злилась на себя. А когда так злишься, голова начинает работать лучше. И вот у меня появилась одна крамольная идея: что если дать в моей музыкальной страничке все самые острые, самые «непроходные» песни Гребенщикова, закамуфлировав их под жанр музыкальной пародии? Но только нужно уговорить автора пойти на эту условность...

Борис согласился неожиданно легко и быстро, хотя, по-моему, в успех операции не поверил. Тогда же я обрадовала его, сказав, что у нас будет другой режиссер — мужчина. Он улыбнулся и облегченно вздохнул: «Режиссер — это уже лучше». И я впервые за два с лишним года отправилась к руководству молодежной редакции с просьбой. А просьба состояла в том, чтобы мне разрешили пригласить в музыкальную страничку «Горизонта» режиссера из другой редакции. Меня даже не спросили, кого я имею в виду. Само собой разумелось, что это Владимир Максимов.

И вот — уже втроем — мы несколько дней работаем над сценарием. Труднее всего оказалось придумать канву, которая помогла бы обойти рамки цензуры.

Я не раз буду упоминать в этой книге о цензуре. Но не думайте, что речь пойдет о какой-то одной специальной службе строгих блюстителей порядка в эфире. Долгие годы внутренний цензор прятался едва ли не в каждом, кто давал передаче дорогу на экран. А таких людей на разных этапах — от запуска в производство до монтажа, да и после — было немало. Даже «Сказка за сказкой» шла в эфир только с вереницей виз, собранных в специальной папке, после того как рецензенты (существовала такая должность) писали положительные отзывы. Вообще лиц, решавших, что должен видеть телезритель, а о чем следует умолчать, было до недавнего времени на телевидении более чем достаточно не только в редакциях, где передачи готовились, но и еще в нескольких инстанциях, которые и создавались-то специально для фильтрации материалов. Как правило, там работали люди, никакого отношения к творческому процессу не имевшие, зато обладавшие правом вычеркнуть, заставить переснять, перемонтировать, изъять вообще.

Провести цензуру пытался, наверное, за свою телевизионную жизнь каждый небезразличный редактор, но обычно по мелочам. С «Аквариумом» же дело обстояло серьезнее.

Володя предложил необычную мизансцену, в которой по кругу сидели бы сотни зрителей, а среди них «наши люди» — те, кто позже были названы завсегдатаями «Музыкального ринга».

«Почему в ваших передачах часто можно увидеть одних и тех же неприятных людей, которые задают какие-то иезуитские вопросы?» — нередко спрашивали рассерженные зрители в почте «Ринга». Так вот, эти «неприятные люди» стояли у истоков передачи, и, взяв смелость лицедействовать с риском для себя (ведь среди них были комсомольские работники, руководители музыкальных клубов, дискотек), они помогли осуществить задуманную нами операцию по проведению «Аквариума» через цензуру.

Для них это было чем-то вроде игры с необычными правилами. Перед каждой песней, которая подавалась как пародия на кого-то или что-то, следовал вопрос — «вход» в песню, а потом вопрос — «выход» из нее. У Гребенщикова была партитура ответов, но «наших людей» он в лицо не знал, иначе передача превратилась бы просто в спектакль с отрететированными репликами участников.

Итак, шесть песен — двенадцать «входов» и «выходов». Остальное строилось на чистой импровизации. И если учесть, что в концертную студию «Горизонта» были приглашены не только поклонники «Аквариума», то от зрителей можно было ожидать чего угодно.

— И сколько я должен так продержаться? — спросил на последней репетиции Борис.

— Сколько сможешь. Как на ринге.

— Как на ринге? — переспросил Гребенщиков, и мы все засмеялись, потому что в задуманной конструкции передача становилась действительно рингом для всех, кто к ней причастен, и каждый мог оказаться нокаутированным.

Так впервые прозвучало у нас это слово — «ринг». А зафиксировано как название передачи оно было уже во время записи, когда в аппаратной кто-то воскликнул:

— Ну, ребята, да это же как на ринге!

— На музыкальном ринге, — автоматически поправила я.

И вдруг поняла, что все происходящее в студии — это и есть «Музыкальный ринг».

...В полутьме большой телевизионной студии — два скрещивающихся луча прожектора. Там, где они пересекаются, — фигурки музыкантов: флейтист, виолончелист, гитарист.

Звучит песня.

«Встань у реки — смотри, как
течет река.
Ее не поймать ни в сеть, ни рукой.
Она безымянна, ведь имя есть лишь
у ее берегов.
Забудь свое имя и стань рекой.
Встань у травы — смотри, как
растет трава,
Она не знает слова «любовь».
Однако любовь травы не меньше
твоей любви.
Забудь о словах и стань травой.
Встань у травы — смотри, как
течет река...».

Река, один из постоянных символов поэтического творчества Гребенщикова, образ, переходящий из одной песни в другую... Сейчас она как бы вышла из берегов, готовая принять в свое русло все новых слушателей. Но многие встретились с «Аквариумом» впервые и вовсе не понимают, куда зовет их река и зачем. Борис чувствует это, но внешне спокоен.

Вижу крупный план, снятый слева, — милое, романтически просветленное лицо. А возьмет камера план справа — и в том же профиле видится что-то дерзкое, даже демоническое, и глаз ястребиный.

Этот феноменальный эффект двойного профиля открылся еще на репетиции песен, поэтому операторы снимают осторожно.

Перед камерами Борис держится уверенно. Никогда не скажешь, что на телевидении впервые.

Вот он закончил петь и вызывающе вскинул голову, отбросив назад прядь несколько длинноватых — если судить по съёмочным нормам того времени — волос. Да, тогда и на длину волос на экране существовали свои нормы! И цензура даже за этим следила рьяно.

— Сегодня, — негромко, но твердо произносит Борис, — у нас очень необычная программа. Подобранная нами специально в жанре музыкальной пародии. Я думаю, если вы будете слушать внимательно и сумеете установить с нами контакт, вы поймете, зачем мы вышли на эту сцену. Послушайте песню «Еще один, упавший вниз...». — И продолжает, как задумывалось в сценарии: — Это песня, может быть, о тех, кто любой ценой пытается быть оригинальным в искусстве и обрекает себя на очень печальную участь. А в итоге, естественно, остается один.

На первом аккорде Борис вдруг от себя добавляет:

— Но, может быть, это песня и о другом. Думайте.

Явная неосторожность с его стороны!

«При монтаже эту фразу легко будет вырезать», — мелькает в голове, и я решаю не прерывать по громкой связи действие в студии.

А Борис уже поет.

«Искусственный свет на бумажных
цветах — это так смешно.

Я снова один, как истинный новый
романтик.

Возможно, я сентиментален —
таков мой каприз.

Ох-ох-ох, еще один, упавший вниз
На полпути вверх.

Нелепый конец для того, кто
так долго шел иным путем.

Геометрия ломов в хрустальном
пространстве.

Я буду петь, как синтезатор, —
таков мой каприз.

Ох-ох-ох, еще один, упавший вниз
На полпути вверх».

*Возьмет камера план
справа — и в том же про-
филе видится что-то
дерзкое, даже демоничес-
кое.*

— Это что у вас за тексты? — спрашивали меня, когда я сдавала сценарий будущей передачи.

Раньше было совершенно обязательным правилом: текст любой песни, с первого до последнего слова, включая «ей-ей-ей» и «ай-ай-ай», представлять на утверждение. В каждой инстанции спрашивали: «Кто это — упавший вниз»? На что намек?»

— Это песня-пародия. В сценарии автор песни все объясняет перед началом.

— А что будет после того, как песня закончится?

— Там тоже написано — читайте...

По сценарию вслед за последним аккордом тут же следовала молниеносная атака «нашего» зрителя, чтобы, как пелось в одной из песен Гребенщикова, «сбить со следа». Так было и в передаче.

«Наш» зритель спрашивал:

— Не кажется ли вам, что песня, которую вы только что исполнили, является в некотором роде пародией на вас самого?

Гребенщиков:

— Возможно. Но это вы к чему?

«Наш» зритель:

— Я хотел в этой связи узнать, чувствуете ли вы ответственность, когда подбираете репертуар?

Гребенщиков должен был на съемке вести двойную игру: следуя разработанной нами сценарной канве, чтобы спасти отобранные для передачи песни, оставаться в то же время самим собой. Он не вправе был дать повод для разочарования поклонникам «Аквариума». А они выражали свои чувства иногда самым причудливым способом. Например, подъезд дома на улице Софьи Перовской, где жил Борис, был расписан строками-лозунгами из его песен: «Рок-н-ролл мертв, а я еще нет!», «На нашем месте в небе должна быть звезда...» и прочее.

На съемке Гребенщиков помнил о своих «фанах», поэтому говорить старался так, чтобы не выраженное в словах ощущалось в

интонации. Так он ответил и на вопрос о репертуаре:

— Все, что мы делаем в «Аквариуме», продиктовано в первую очередь чувством ответственности, которое мы испытываем, живя в своей стране. Основной критерий лично для меня — петь о том, что подсказывает время и вот это... (И он показал на сердце.)

Между тем в атаку пошел «не наш» зритель, решив по аналогии с предыдущим участником передачи задать вопрос тоже довольно резкий по отношению к человеку, стоящему в лучах прожекторов на эстраде:

— Мне довелось, даже посчастливилось в какой-то мере, быть на вашем концерте. И многие говорили, что уж как-то вы слишком сложно пишете. Зачем это? Не из желания ли прослыть оригинальным? Может, для людей-то нужно попроще?

Близоруко щурясь, Гребенщиков старался разглядеть спрашивающего, но без очков вряд ли видел выражение его лица. Ему, рок-звезде, пусть еще не той величины, какой он стал теперь, пришлось тогда на ринге нелегко. И отвечать на вызывающие вопросы следовало так, чтобы не уронить своего достоинства, но и не обидеть спрашивающего. Для этого требовалась настоящая школа дипломатии, и Борис оказался первым, кто интуитивно открывал формулы общения с такой сложной аудиторией, как ринговская.

Гребенщиков:

— Разве мало таких, кто пишет для людей слишком уж просто? Мы стараемся, чтобы люди поневоле задумывались: а о чем же может быть эта песня? И когда человек начинает думать, понимаете, думать, мы считаем, что первый шаг к цели уже сделан. Но если вы еще чего-то не поняли, не расстраивайтесь. Вот еще одна песня, про которую можно сказать, что она тоже сложна. Но если хорошо поразмыслить, о чем это, станет ясно. Можете тоже считать ее пародией. А на что? Решайте.

Моей звезде не суждено
Тепла, как нам, простым
и смертным.
Нам — сытый дом
под лампой светлой,
А ей — лишь горькое
вино,
А ей — лишь горькая
беда
Сгорать, где все бегут
с пожара.
Один лишь мальчик
скажет: «Жалко.
Смотрите, падает звезда».

— Вы любите повторять, что вы партизан, только вместо автомата у вас гитара. Против кого же вы воюете, объясните?

— Против пошлости, против пассивной жизненной позиции, против примиренчески настроенных обывателей — могу набрать еще много слов и понятий из того же ряда, если вам нужно еще...

«Аквариум» продержался в кадре час, и съемку не прекратили. А такая опасность была: ведь останавливали же выступления рок-групп на концертах, и зрителей разгоняли. Но все прошло благополучно. Все песни, намеченные в сценарии, Гребенщиков исполнил, на вопросы отвечал осторожно.

Через неделю 45-минутную (вместо 15-минутной!) рубрику программы «Горизонт» сдавали большому худсовету студии.

Когда я вернулась из директорского кабинета, то сквозь дымовую завесу в просмотровой с трудом разглядела четырех заговорщиков. Они сразу же набросились на меня.

— Ну что? — спросил непривычно возбужденный Житинский.

— Положили на полку, — со вздохом, как всегда в те времена, предсказал Сокуров.

— Когда перемонтаж? — сразу же поинтересовался по-деловому Володя.

И только Гребенщиков, дрожащей рукой теребя папироску, продолжал молча смотреть на погасший телеэкран, словно не веря, что все это только что действительно показывали, пусть и для внутреннего, студийного просмотра.

— В пятницу мы в эфире, — как можно спокойнее сказала я.

Пауза.

— Вы что, не поняли? В следующую пятницу — «Музыкальный ринг» с «Аквариумом»! Все сорок пять минут!

— Этого не может быть, — растерянно сказал Гребенщиков и раскрыл «беломорину»...

Весть о том, что «Аквариум» выступал по Ленинградскому телевидению, молниеносно

облетела и другие города. Ореол таинственности и как бы нелегальности был с группы наконец снят. Последовали приглашения на съемки в Москву — в передачи «Веселые ребята», «Мир и молодежь», «Музыкальный почтальон». «Аквариум» привлек внимание и музыкантов-профессионалов. То ли отдавая дань моде, то ли признав талант, контакт с Борисом Гребенщиковым установил сам Андрей Павлович Петров, бывший совсем недавно суровым обличителем «разрушающей духовность рок-музыки».

Но споры вокруг «Аквариума» не прекращались. И вот через два года Гребенщиков решил еще раз выйти на телевизионный ринг, чтобы попытаться завоевать уже всесоюзного зрителя. (Тут, опережая события, надо заметить, что наша передача с 1986 года стала регулярно идти по Центральному телевидению.)

Этой съемки в Ленинграде ждали как настоящего праздника. Теперь уже отпала необходимость изощряться в каких-то хитростях. Можно было называть вещи своими именами, не опасаясь административных последствий.

Программу отобрали большую: двенадцать новых песен из последнего альбома — «День серебра». Решили исполнять песни «вживую», а не под фонограмму, как это часто бывает на телевидении. Но Борис волновался перед съемкой не только из-за неважного технического оснащения студии. За два года ринговская аудитория научилась вести разговор о современной музыке требовательно и бескомпромиссно. Выработались у нее и свои критерии оценки творческой личности, претендующей на то, чтобы быть звездой. Накал страстей в студии и вправду напоминал подчас боксерский поединок, где можно проиграть по очкам или даже получить нокаут.

Для Гребенщикова ситуация осложнялась еще и тем, что признание «Аквариума» профессионалами, легализация группы вызвали у некоторых «фанов» чувство протеста. Им

десять лет назад, — эта экстравагантность костюмов, подчеркнутая атрибутика, как вы сказали, — все это было. Но не забывайте, что нам тогда исполнилось по двадцать — двадцать три года. Эта яркость, расчет на внешний эффект свойственны такому возрасту. Теперь нам за тридцать. Мы изменились,

— Мы изменились, повзрослели. И у нас теперь тот имидж, который естествен для человека нашего возраста...

повзрослели. И у нас теперь тот имидж, который естествен для человека нашего возраста... И еще большая к вам просьба: не обращайтесь только ко мне и не говорите, пожалуйста, «ансамбль Гребенщикова». «Аквариум» — это ни в коем случае не есть дело одного человека. Это группа, где каждый музыкант — и Александр Ляпин, и Всеволод Гаккель, и Михаил Васильев, и Игорь Бутман, и Андрей Романов, и Александр Титов, и Петр Пращенко, — поверьте, не менее интересны, чем Гребенщиков. А в подтверждение моих слов — следующая песня, которая могла появиться только в результате творчества всех, кого я назвал».

И Гребенщиков запел.

«Возьми меня к реке, положи меня
в воду.

Учи меня искусству быть смиренным...»

Как только в финале повтором отзвучало «Возьми меня к реке...», тут же, не дав даже затихнуть неуверенным аплодисментам, градом посыпались со всех сторон атакующие вопросы.

З р и т е л ь. Люди, которые любят слушать «Аквариум», делятся, с моей точки зрения, на две категории. Одни воспринимают ваши песни чисто эмоционально — просто в их воображении появляется какая-то картинка, какой-то образ. Он и остается в душе. Другие списывают ваши тексты и пытаются в каждую строчку вникнуть: что такое «сыновья молчаливых дней», что такое «мандариновая трава», что такое «золото на голубом» и так далее. Мне хотелось бы знать, какое вы предпочитаете восприятие ваших песен — эмоциональное или интеллектуальное?

Г р е б е н щ и к о в. Да любое! Только воспринимайте.

З р и т е л ь (другой). Есть Гребенщиков. Есть «Аквариум». И есть непонятные тексты...

В о з г л а с ы из зала:

— Кому непонятные?!

— Пусть люди думают, когда слушают музыку!

— Спросите, кому они непонятны!

З р и т е л ь. Хорошо. Пусть выйдет тот человек, которому ясен смысл последней песни. Я сам увлекаюсь поэзией, по профессии режиссер массовых зрелищ. Люблю поэзию и знаю ее, не боюсь так смело утверждать. Но в этой песне я почти ничего не понял. Честное слово! А исполнитель должен же видеть, что стоит за каждым словом. Вот здесь — о реке. Что ты видишь, Борис, скажи?

Г р е б е н щ и к о в. Я не просто вижу — я чувствую. Чувство сильнее видения.

З р и т е л ь. Ты ушел от ответа!

Г р е б е н щ и к о в. Я не ушел от ответа. Я пою о том, что мне важно. Вы, воспринимая эту песню через свое чувство, будете размышлять о том, что важно для вас. А другой задумается над тем, что считает важным для себя.

З р и т е л ь (новый). В продолжение этого спора... Я не принадлежу к числу явных поклонников или гонителей вашего творчества. Скорее, отношусь к первым. Но вот какие мысли у меня появились еще два года назад, когда я впервые услышал ваше выступление. Тогда я не уловил ни единой строчки. Затосковал от собственной неполноценности, потому что многие в зале просто неистовствовали. Я решил, что не подготовлен к прослушиванию столь сложных песен. Достал тексты, стал читать — и опять ничего не понял. И с тех пор, пытаюсь проанализировать ваше творчество, я пришел к выводу: в некоторых песнях вы выступаете не только как автор. Не только как музыкант. Но еще и как великолепный мастер иллюзий. Знаете, в каком смысле? Вы пытаетесь вкладывать в ничего не значащие слова, в абсолютно пустые формы какую-то глубокомысленность. И я даже иногда думаю, что в этом вашем «иллюзионе» вы успешно используете опыт и знания, приобретенные вами на факультете прикладной математики ЛГУ, который вы закончили десять лет назад. Уж очень мастерски вы

Смолк последний гитарный аккорд, а в студии гробовая тишина.

Взрывая ее, встает композитор Сергей Белимов. Лицом, манерой говорить он похож на человека прошлого века, но сейчас, на ринге, его не узнать.

«Б е л и м о в. Я, по-моему, единственный здесь из профессиональных композиторов. Вернее, из тех, кто является членом Союза композиторов. Поскольку и те музыканты, которых мы сейчас слушаем, — профессионалы. Это мое мнение. Прежде всего мне нравится в этих песнях сама поэзия. Не вся. Но есть песни, которые я считаю высокими образцами песенного творчества. И мне здесь странно было слышать, что кто-то чего-то не понимает.

Вы знаете, недавно я играл свою новую симфонию в Министерстве культуры. Она длинная, идет больше часа. И когда я закончил, один министерский деятель спрашивает: «Скажите, а это у вас про что?» Да про все! Понимаете, про все... Вот так же и песни Гребенщикова — про все. И смысл возникает не от того, что рядом стоят слова «рука» и «река». Главное, что за текстом возникает образ — в результате сочетания этих и многих других слов.

Любой художник — это камертон. Он говорит на своем языке, но отражает наше время. Вот смотрите, в последней песне — какие-то маленькие приметы нашей жизни: «Пенсионеры в трамваях говорят о звездной войне». Разве это проявление индивидуализма? В этом мире существует человек, который видит и красоту и хрупкость мира. Он испытывает тревогу за этот мир, он смотрит на себя, заставляет вас посмотреть на своего соседа, заглянуть в его глаза и подумать — для чего ты живешь на земле? Что движет тобой в жизни — добро или зло? А ведь землю только и может спасти любовь к ней человека!

З р и т е л ь н и ц а. По-моему, самая сильная сторона творчества «Аквариума» в том, что он несет образность и романтику. Это

та романтика, по которой соскучилась наша молодежь. Потому что большинство песен, которые звучат с эстрады, не отвечают этой потребности молодой души. А здесь вы включаете воображение, и сделать это помогает музыка. Она у Гребенщикова органично связана со словом. Без слова «Аквариума» нет, но нет «Аквариума» и без музыки.

З р и т е л ь. Допустим, здесь с вами можно согласиться. Но значит, это искусство для избранных, если я с первого раза ничего не понимаю, а должен думать, чтобы после третьего и даже четвертого разобраться, о чем это он там хотел мне сказать.

З р и т е л ь н и ц а. Так, может быть, это и хорошо, что он заставляет вас размышлять? Может, предназначение истинного искусства в том и заключается, чтобы не предлагать вам готовые ответы, а заставить ваше сердце потрудиться!

З р и т е л ь. Скажи, Борис, без каких качеств нельзя сегодня обойтись музыканту? Вот Валерий Леонтьев, стоя на этом месте, сказал, что главное — это уметь ладить с людьми. А если уж ты вышел на сцену, то должен соответствовать представлению публики о себе и найти способ ей понравиться. Иначе нужно идти не в артисты, а в ночные сторожа. Я знаю, в трудные времена тебе приходилось работать ночным сторожем. Что ты по этому поводу думаешь?

Г р е б е н щ и к о в. Я никак не могу согласиться с Валерием Леонтьевым, потому что соответствовать представлению публики значит идти на компромисс с собой. А музыка, душа, искусство — разве они могут продаваться? Это еще хуже, чем тело продавать. Музыка должна идти от сердца и в первую очередь быть честной».

Одна почтенного возраста зрительница, очарованная романтическим образом Гребенщикова, решила выступить в этой — молодежной в основном — аудитории. Пожалуй, стоит привести диалог, который у них состоялся.

— Вот одежда вашего флейтиста... Мне кажется, что это неуважение к публике. У него, простите, «из-под пятницы торчит суббота».

«Зрительница. Я здесь выступаю, так сказать, от старого поколения. Спасибо вам, конечно, за музыку. Нравится, хотя и для молодежи... Манера ваша нравится, что редкость. Держите вы себя отлично. Голоса приятные. Но я вам сейчас задам неприятный вопрос. *(Музыканты насторожились.)* Вот одежда вашего флейтиста... Мне кажется, что это неуважение к публике. У него, простите, «из-под пятницы торчит суббота». Он такой симпатичный парень, великолепно играет. Я не хочу ни в коем случае его обидеть, но его жилет, эта жеваная незаправленная рубашка...

Гребенщиков. Я вас понимаю. Я постараюсь объяснить это. За последние десять лет появилась так называемая рок-культура. И не только в музыке она имела извращения вкуса, чувства меры, но и в одежде, в стиле поведения, общения. Мы росли и формировались вместе с этой рок-культурой и впитывали в себя и то позитивное, что она несла, и негативное тоже. Но ведь главное — суть наша, душа наша — это же не изменилось! Вы же видите это в музыкантах нашего ансамбля.

Зрительница. И все-таки с вашим образом я согласна, а с его — нет. Уж очень неаккуратно он выглядит, неэстетично, как бы вы это ни называли — «рок-культура», «романтика»... Вы вышли на сцену — и вы эталон. На вас все смотрят. И вы должны нести людям искусство во всех своих проявлениях.

Гребенщиков. Видите ли, ведь он не актер. Он музыкант.

Зрительница. Музыкант — это еще более почетное и ответственное звание!..».

И с таким уважением к «Аквариуму» это прозвучало, что все, в том числе и сами музыканты, заплодировали диалогу, в котором люди двух столь разных поколений, споря, всерьез пытались понять друг друга.

Интересно, что выступление пожилой зрительницы имело неожиданное продолжение.

Через несколько дней после съемки я получила письмо:

«Уважаемая Тамара!

Мне посчастливилось побывать на записи «Музыкального ринга». В потрясенном состоянии я вернулась домой, удивляясь своей отчаянной смелости ввязаться в дискуссию молодых о рок-музыке, с которой, по сути, соприкоснулась так тесно впервые. Впечатлений так много, что всего значения знакомства с группой «Аквариум» сразу и не охватишь. Но одно для меня ясно стало сразу: вы дали путевку в большую жизнь талантливому коллективу.

Борис Гребенщиков меня покори́л, и я теперь переживаю, не обиделись ли ребята на мой наболевший вопрос об одежде на сцене. Но это действительно наболело, и я считаю свой вопрос справедливым по отношению к такому прекрасному музыканту, как флейтист Романов. Он тоже безусловно талантливый молодой человек, и хотелось бы, чтобы это читалось и во внешнем облике.

Многое хотелось бы еще высказать «Аквариуму», но все только в восторженных словах. Ребята стали победителями на «Музыкальном ринге», а вы знаете, что теперь это бывает все труднее.

С искренним уважением,

Лариса Евгеньевна Нечаева,
по образованию преподаватель
русского языка и литературы,
59 лет».

На признание этой передачи зрителями старшего поколения, откровенно говоря, ни мы, ни Гребенщиков не рассчитывали. Между тем даже в «Литературной газете» писатель Григорий Горин в обзоре телевизионных программ ЦТ назвал «Музыкальный ринг» с «Аквариумом» лучшей передачей месяца. Правда, видел он его не на всесоюзном экране, а в записи на видеокассету.

Прочитав это, мы с Володей глазам не поверили: передача советского телевидения на кассете, где экономят место для американ-

ских фильмов и клипов! Но наши видеобизнесмены спрос знали лучше телевизионных социологов. Записывая выпуски передачи, шедшей в ленинградском эфире, они неплохо зарабатывали на «Музыкальном ринге», который за два года между раундами Бориса Гребенщикова сумел завоевать популярность во многих городах страны. Как это получилось, попробую сейчас рассказать.

A blue-tinted photograph showing a woman in the upper left holding a camera. In the center, a hand is reaching out towards the camera. The background is dark and indistinct.

**Второе
рождение**

Молва о необычных музыкально-спортивных состязаниях, затеянных Ленинградским телевидением в программе «Горизонт», быстро разнеслась по свету. За два года в «Музыкальном ринге» выступили двадцать шесть самых популярных в то время исполнителей молодежной музыки: Владимир Кузьмин и Александр Барыкин, Гедрюс Купривичюс с группой компьютерной музыки «Арго» и Михаил Файзинберг с ансамблем «Круг», группа «Тамбурин», Сергей Сарычев, Михаил Литвин и многие другие поп-музыканты, чьи песни по телевидению и радио еще не звучали, а завоевывали почитателей с помощью магнитофонных записей. Их слушали дома, в компаниях, на дискотеках и, как правило, даже не зная своих кумиров в лицо, «балдели» от модных тогда песенок «Каракум» и «Парк культуры», «Чужестранец» и «Цунами».

Когда же магнитофонные короли появлялись на «Музыкальном ринге», наступал довольно сложный для них момент. С одной

За два года в «Музыкальном ринге» выступили самые популярные в то время исполнители молодежной музыки. Среди них был и ленинградский «Тамбурин».

стороны, наконец-то зрители могли рассмотреть на экране их лица, костюмы, прически. С другой — ответы на ринговские вопросы волей-неволей переключали внимание поклонников с внешнего облика музыканта на уровень его мышления, представлений о жизни.

Разочарования наступали нередко и бывали одинаково болезненны и для тех и для других.

Когда Александр Барыкин, чьи песни звучали на всех дискотеках Ленинграда, выпорхнул на ринг в ярко-розовом пиджаке, даже его поклонники были удивлены несоответствием возраста и костюма.

— А не боитесь ли вы, что самое оригинальное в вашей программе — розовый пиджак, а не ваши песни? — спросили его.

Ответа на этот вопрос у Барыкина тогда не было, как не было ответа на некоторые ринговские вопросы и у музыкантов из его группы «Карнавал». В результате — нокдаун.

После съемки на ринге группа распалась. То же произошло и с «Кругом» Михаила Файзинберга, с «Динамиком» Владимира Кузьмина, а позже и с «Форумом» Александра Морозова.

Совпадение ли тут или, пройдя ринговские испытания и увидев себя со стороны, исполнители и вправду становились требовательнее к себе, друг к другу? Не знаю. Но факт остается фактом: не все выдерживали эту — иногда жестокую — игру. И тем не менее, как ни удивительно, популярность «Музыкального ринга» среди музыкантов не падала. Наоборот, очередь желающих принять участие в поединках росла, а с ней и число приверженцев передачи.

Судя по письмам, приходившим в редакцию, молодежь привлекала не только возможность увидеть на телеэкране все еще полулегальные группы, но и то, что ринг не ставил точек над «і», — смотрите и решайте сами! Это была борьба со стереотипами в жизни и на телевидении, и она находила отклик у зрителей. Стремление к самовыражению чувствовалось в каждом втором письме. Вот, например, — из почты 1985 года:

«Почти после каждого «Музыкального ринга» разгораются наши баталии с папиным поколением: быть или не быть «Рингу»? Конечно, их любимый аргумент — как можно показывать артистов в том виде, в каком они существуют в жизни? Особенно — рок-музыкантов. Не лучше ли их помыть, почистить и выпустить в эфир, как это положено на телевидении, в простой передаче типа «Музыкальный киоск»?

Но нам надоело читать простые книги и слушать примитивную музыку. Мы не такие простаки, какими нас порой хотели бы видеть. Нам надоело, что к нам относятся как к подопытным крысам с вживленными в мозг

электродами и защищают диссертации на тему «Влияние рок-музыки на несформировавшуюся психику подростков»!

...«Ринг» дает нам не пищу, нет, пищей для размышления нас и так насытили, но живительную влагу, способную хоть на время утолить нашу жажду к самостоятельному мышлению. Спасибо!

*Елена Журавель, 16 лет,
Москва».*

Мы старались в дискуссиях на ринге оставлять открытый финал, хотя давалось это с каждым разом все труднее. То, что нравилось нашим телезрителям, не вызывало особых восторгов у руководства «Горизонта», с которого то и дело требовали молодежные передачи заканчивать «нужными выводами». Музыкальная страничка, задуманная в большой сборной программе как чисто развлекательная, из приятной пятнадцатиминутки с модными шлягерами (на деле мы часто занимали в эфире больше, чем четверть часа) превратилась в источник постоянных хлопот и беспокойства.

Да и самому «Музыкальному рингу» становилось в рамках «Горизонта» все тесней. Это заметили и критики. Так, в июле 1985 года музыкальный обозреватель ленинградской газеты «Смена» Михаил Садчиков писал: «Наверное, если бы «Музыкальный ринг» приобрел статус самостоятельной передачи, его можно было бы снимать куда тщательней, большим числом камер, а затем и интереснее монтировать... Когда время поджимает, а такое ощущение возникает постоянно, то создатели передачи «кромсают» и песни и диалоги, а это опасно для программы, которая сама по себе располагает к объективному, полному изображению. Почему бы «Музыкальному рингу» не выйти из «Горизонта»?»

Но на эту тему мы не позволяли себе даже думать: ведь именно «Горизонт» после нашего двухлетнего простоя дал нам с Володей возможность вновь вместе работать над одной программой.

Между тем из-за жесткого графика выхода молодежной программы в эфир работа над ней все больше напоминала не творческий процесс, а поточное производство. Это сказывалось и на нашей развлекательной страничке. Мы снимали ее скоростным методом: два ринга в один день. Цель — высвободить технику для более важных разделов программы, таких, как «Портрет твоего современника» или «Производственный репортаж», по понятиям тех дней, больше влиявших на «формирование облика молодежи», чем какие-то там песни.

«Модель передачи накатана, — говорили нам, — вот и экономьте». И мы экономили, стараясь уложиться в отведенные три часа съемки и записать материал сразу для двух передач.

Триста любителей музыки (в основном актив молодежных клубов, дискотек, вузов Ленинграда) собирались в студии и в течение

Когда страсти на ринге разгорались, мне приходилось спускаться в студию, чтобы предотвратить «рукопашную схватку».

первых 90 минут обстреливали музыкантов вопросами. Например, популярную тогда группу «Круг».

— Песня, которую мы сейчас прослушали, очень напоминает мелодии итальянской эстрады. Для вас это комплимент или тот круг, в котором вы замкнулись?

Руководитель группы «Круг»:

— Просто мы пишем песни и в неаполитанском стиле тоже.

А после небольшого перерыва те же самые зрители (аудитория не менялась) уже лихо атаковали Анне Вески:

— Вот вы эстонка, а почти все песни поете по-русски. Это что, из конъюнктурных соображений?

И, ничуть не смущаясь, Анне весело парировала:

— Вопрос глупый! Если бы я пела только по-эстонски, ты бы ничего не понял. А ведь ты хочешь знать, о чем я пою?

И Анне смеялась со всеми вместе. Ни в вопросе, ни в ответе ничего обидного не было. Это просто правила ринговской игры: каков вопрос — таков ответ.

Новая атака зрителей:

— Как вы относитесь к утверждению Аллы Пугачевой, что ей на смену придет худенькая блондинка? Уж не вы ли это?

Но тут время «Музыкального ринга» в программе «Горизонт» закончилось, так что ответ Анне Вески зрители услышали только через месяц — в следующей передаче.

В таком режиме снимались все ринги тех лет. Участники должны были успеть задать свои вопросы по возможности с иронией и в активной наступательной манере, то есть «по-ринговски». Режиссер и телеоператоры — «по-ринговски» снять, то есть один к одному, без дублей и остановок (кстати, благодаря этому тренингу им легко было с 1988 года перейти на работу в «живом» эфире, без предварительной записи). Мне, как автору и ведущей, нужно было вести действие тоже «по-ринговски», чтобы оно развивалось по законам драматургии и в то же время не привело к «рукопашной схватке». А такие ситуации в студии назревали, когда атакующие зрители входили в азарт, «фаны» же готовы были кинуться на камеру как на амбразуру, защищая своего кумира. Но дефицит времени и видеопленки, о котором знали все участники съемок, позволял бушующие страсти гасить одним словом рефери из аппаратной. Рефери — это я.

Да, к тому времени у меня уже определились на ринге своя роль и свой имидж. Как ни странно, найти его тоже помогла эта вечная гонка с препятствиями во время съемок. Чтобы сэкономить время и видеопленку, Володя вынужден был меня как ведущую «Музыкального ринга» из кадра убрать, а все тексты мне приходилось, сидя в аппаратной, быстро-быстро проговаривать на проигрывах песен.

Вечный цейтнот заставил искать определенную ритмику и объем закадрового комментария, лаконичного, но тем не менее дающего импульс зрительскому восприятию. Так выработалась особая «ринговская» стилистика, а затем и имидж ироничного и невозму-

тимого рефери, которому, кажется, абсолютно все равно, кто будет нокаутирован и как. Ведь это всего лишь игра в музыкальные страсти, разгорающиеся вокруг сегодняшних и завтрашних кумиров, а может, и лжекумиров.

Представьте себе, что в руках у телевизионного режиссера девяносто минут отснятой видеопленки, просмотреть которую заранее у него нет возможности: нужно экономить технические средства, а их на студии в обрез. Зато звук, записанный во время съемки, можно слушать сколько угодно. И вот *по слуху* приходилось монтировать *изображение* — и при этом укладываться в отведенное для эфира время. Это и называлось видеомонтажом «Музыкального ринга». Видеоряд от-

По слуху нужно было монтировать изображение. Это и называлось видеомонтажом «Музыкального ринга».

снятых на ринге песен Володей домысливался по памяти. Реакция зрителей в кадре на ту или иную реплику — угадывалась. Эмоции музыкантов — вычислялись.

— На кого рассчитана такая технология работы? На экстрасенсов?! — как-то возмутилась я после особо сложной съемки с группой «Динамик» Владимира Кузьмина.

Начинающий певец и композитор был тогда так робок, что ринговская аудитория с первых же минут буквально лишила его дара речи. Музыка он писал очень хорошую, но несколько неуклюжие слова песенных текстов сделали самодеятельного поэта уязвимым для ринговских «бойцов». Своей растерянностью Владимир напоминал большого ребенка, который не привык и не умеет постоять за себя. Мы помнили выражение беззащитности в его глазах в начале съемки. Помнили, как публика, отдавая дань искренней музыке и таланту молодого автора и, видимо, почувствовав, что для жестких правил ринговской игры он еще не готов или вообще не подходит по своим психофизичес-

Володя использовал при съемке очень энергичный, острый монтаж.

ким данным, проявила такую чуткость и деликатность, какой никто не ожидал. Это было заметно и по лицам тех, кому Кузьмин нравился, и по благодарным улыбка музыкантов из «Динамика».

Но как, не видя изображения, из девяноста минут записи отобрать по фонограмме именно те кадры, которые полнее всего передадут перелом в настроении ринговской аудитории? Как найти планы, показывающие, что те, кто приходит на ринг, — истинные любители музыки, а не какие-то истязатели, «морально избивающие музыкантов» (формулировка одного из телезрителей)?

Я не знала, как это сделать. А Володя, хотя и не был, конечно, экстрасенсом, умудрялся каким-то непостижимым образом, не видя материала, находить для монтажа самые выразительные планы. И часто его монтаж говорил куда больше, чем произнесенные слова. К счастью, тогда люди, от которых в разных инстанциях зависел выход передачи в эфир, подписывали программы к выпуску, глядя не столько на экран, сколько в текст расшифровки, и требуя прежде всего совпадения каждого напечатанного на бумаге слова с тем, что прозвучит в эфире. Володя же шел прежде всего от визуального восприятия рингов и поэтому использовал при съемке очень энергичный, острый монтаж, построенный на реакции музыкантов и публики в студии.

Особенно это было важно, когда в передаче участвовали рок-группы — такие, как «Машина времени» с Андреем Макаревичем, «Рок-ателье» с Крисом Кельми, «Крузи» с Матвеем Аничкиным. В то время рок был одной из немногих форм публичного инакомыслия в искусстве. Подчас неумело, но всегда искренне и с болью рок-музыканты пытались пробить стену равнодушия и апатии, царивших в молодежной среде. Ни на телевидение, ни на радио рок-группы доступа не имели. «Музыкальный ринг» с его формой развлекательно-дискуссионной программы помог им получить массовую аудиторию. Прав-

да, игровая конструкция передачи требовала от музыкантов умения не только исполнять песни с эстрады, но и общаться с теми, кто приходил в студию, вести с ними диалог, защищая свои позиции. Значит, размышлять вслух перед миллионами зрителей. А тогда, вспомните, это было делом далеко не безобидным: трибуна, получаемая рок-музыкантами в телепередаче, оказывалась чересчур открытой.

Нас, конечно, подстраховывала все та же телевизионная цензура, заставляя вырезать самые острые моменты в дискуссиях. В песнях особо «опасные» слова стирались или заглушались аплодисментами. И никого не смущало, что поющий вдруг начинает безмолвно шевелить губами.

Существовал и список запрещенных к показу исполнителей. Он менялся с молниеносной быстротой. Почему? Этого нам никто никогда не объяснял. В этот список каким-то непонятным образом попадали даже звезды советской эстрады. О зарубежных я уж не говорю: простое упоминание группы «Битлз» рассматривалось как явная крамола.

С запретами и разрешениями творилась полная неразбериха. Та скорость, с какой музыканты попадали в опалу, а потом вдруг исчезали из перечня «нежелательных лиц» на экране, придавала работе музыкальных редакторов некоторую пикантность. При встречах с коллегами из других студий разговор велся обычно так:

— А кто у вас?

— У нас — Пугачева. Опять запретили. А у вас?

— А у нас Пугачеву уже можно. Боярского нельзя.

— А у нас открыли «Землян», а закрыли...

Впрочем, были и такие артисты, которых никогда не «закрывали». Как правило, от участия в «Музыкальном ринге» они отказывались, несмотря на огромное количество приходящих на телевидение заявок.

Не удалось нам договориться с Юрием Антоновым в период его необыкновенной популярности. Тысячи телезрителей умоляли его принять приглашение на «Музыкальный ринг», но он так и не согласился.

А вообще-то на ринге привыкли ко всякому. Даже к тому, что съемка может состояться, а вот в эфире никто передачи не увидит. Так произошло с ленинградской рок-группой «Алиса» и ее лидером Константином Кинчевым, сегодня известным певцом, композитором, киноактером. Злая ирония песен Кинчева «Мое поколение!», «Мы вместе!», прямота и бескомпромиссность автора в сочетании с блестящим пластическим решением и артистизмом исполнения произвели на руководство молодежной редакции такое впечатление, что от нас потребовали запись с «этими фашистскими молодчиками» стереть немедленно.

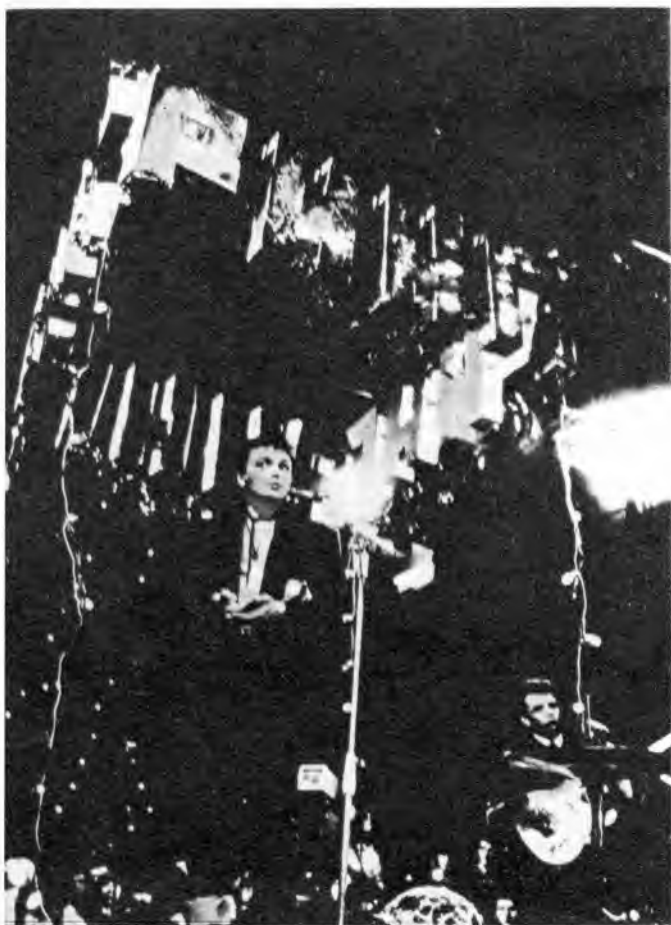
На телевидении в те времена к особо «опасным» материалам относились намного жестче, чем в кино. Запись не клали на полку на неопределенный срок, а просто размагничивали, мотивируя это тем, что видеопленка — дефицит.

После истории с «Алисой» в редакции пошли разговоры, что передача вообще себя исчерпала, форма ее надоела и себя не оправдывает. И это отчасти было так, потому что в прежнем виде «Музыкальный ринг» существовать больше не мог.

Между тем центральная пресса делала передаче неожиданные комплименты.

В августе 1985 года в «Советской культуре» Валерий Семеновский писал: «Успех «Музыкального ринга» не просто в удачно найденной форме, а в том, что эта форма, при всей ее условности, выражает безусловные человеческие взаимоотношения».

Месяц спустя в той же газете Сергей Муратов так отозвался о «Ринге»: «Архаичную режиссуру эстрадных телепрограмм, предлагаемых подчас миллионам зрителей, трудно сравнить с непринужденной атмосферой «Му-

В конце 1985 года в «Горизонте» считали, что последняя песенка «Музыкального ринга» спета «Алисой».

зыкального ринга», почему-то всеююзному зрителю недоступного».

Еще через месяц — Леонид Парфенов, опять в «Советской культуре»: «Ни один из «Музыкальных рингов» пока не был показан по Центральному телевидению. Сожалеть приходится не о том, что всеююзный телезритель не видел интересных выпусков с «Машиной времени», «Аквариумом», «Арго», Анне Вески, «Рок-ателье», а о том, что он вообще не видел передач такого рода».

Пройдет не так уж много времени, и с

ноября 1986 года «Музыкальный ринг» станет доступен зрителям не только нашей страны, но и других стран. А тогда, в конце 1985-го, в «Горизонте» считали, что последняя песенка «Ринга» спета «Алисой».

Мы с Володей понимали, что в газетных рецензиях музыкальной программе из Ленинграда давались большие авансы. Но интуиция подсказывала, что форма передачи таит в себе такие возможности, о которых даже мы, авторы, пока не знаем. «Рингу» нужна была лишь свежая кровь, чтобы обрести второе дыхание.

Но где, на чьей территории?

Дело в том, что в конце 1985 года нас с Володей вновь «воссоединили» — на этот раз в Главной редакции информации и пропаганды. Мы были счастливы, так как больше всего увлекались в то время вопросами экономики и политики, и смогли сразу же начать работу над циклом «Лицом к городу». Главным героям цикла, «отцам города», каждый раз в течение трех часов приходилось держать ответ за городское хозяйство перед народным вече, собиравшимся на телевидении. Часто взаимоотношения сторон настолько обострялись, что, казалось, телемосты, соединявшие кабинеты городских руководителей со студией, не выдержат накала страстей. Но общение на расстоянии не просто служило гарантией безопасности, а еще и приводило, как правило, к конструктивному итогу встречи, к каким-то практическим шагам.

Передача «Лицом к городу» родилась несколько раньше, чем вошло в широкий обиход понятие «гласность», но она настолько отвечала духу надвигавшихся перемен в нашей жизни, что через год ее модель почти полностью использовал «12-й этаж». Впрочем, это не помешало каждой из двух передач развиваться по-своему: в «12-м этаже» появилась уникальная «лестница», а программа «Лицом к городу» переросла в «Общественное мнение» — первое политическое шоу Ленинградского телевидения.

С нашим переходом в новую редакцию судьба «Музыкального ринга», казалось, решилась сама собой: ему нашлась замена, и цикл, который считался «отработанным», можно было закрывать. На том бы и закончилась история «Ринга», если бы не одна из горячих поклонниц передачи — Е. В. Колоярова. Как главный редактор редакции информации и пропаганды, она хорошо понимала, что из-за жесткой регламентации, существующей в Гостелерадио, ей открыть музыкальную программу не разрешат (время «До и после полуночи» тогда еще не наступило). Поэтому Елена Владимировна тайно отправилась к главному редактору музыкальной редакции Юрию Курганову с просьбой взять «Ринг» под свою опеку. Тем самым было нарушено еще одно незыблемое правило: руководитель телевизионной редакции сам устраивал своим сотрудникам «работу по совместительству» у соседей. Но именно этот сговор двух главных редакторов и дал «Рингу» новую жизнь.

Музыкальная редакция предоставила нам статус самостоятельной программы, солидный хронометраж — девяносто минут, всю необходимую технику, в том числе и очень тогда дефицитные на студии ручные телевизионные камеры. И у нас был теперь свой редактор — Галина Нечаева, вместе с которой мы начинали когда-то работу на телевидении.

В редакции, где оказался наш «Ринг», был несколько иной уровень требований к авторам передачи, чем в «Горизонте». Мы занервничали и, взяв на несколько недель тайм-аут, занялись поисками новой модели. Старая, строившаяся лишь на вопросах и ответах, казалась уже примитивной.

Два года наблюдений за ринговской аудиторией показали: она стала вторым героем передачи. Зритель, приходивший к нам, был разным — от балдеющих «фанатов» до людей, пытающихся самостоятельно разобраться в молодежных проблемах, вкусах, пристрастиях. Но при всей своей многоликости этот

новый для телеэкрана зритель уже ощутил вкус к борьбе мнений. И потому был порой не менее интересен, чем звезды, находившиеся в центре студии.

Теперь даже не всегда удавалось предсказать, кто станет подлинным героем очередных раундов.

Стали думать, как же создать такую атмосферу на съемке, которая дала бы возможность раскрыться любому в ринговской аудитории. Вспомнили передачу «Игры деловых людей» — там нам очень помогли социологи и психологи. Причем двое — Игорь Скрипюк, психолог из пединститута имени А. И. Герцена, и Галина Самойлова, социолог из ЛГУ, — постоянно общались со студентами.

Когда мы встретились, оказалось, что они увлечены проблемами музыкального воспитания молодежи, а Галина Павловна к тому же имеет самое непосредственное отношение к рок-музыке. Именно в ее доме проходят репетиции «Алисы», потому что один из создателей группы, Петр Самойлов, — ее старший сын.

Все эти встречи натолкнули на мысль сформировать при новой нашей программе группу научной подготовки передач. Кроме Г. Самойловой и И. Скрипюка в нее вошли Юлия Сыроежина, Николай Кафырин, Анатолий Павлов и еще несколько молодых психологов и социологов Ленинграда.

Первое, о чем мы с Володей попросили нашу научную группу, — разработать такую социальную и возрастную модель ринговской аудитории, которая позволила бы раздвинуть рамки передачи. Нам хотелось, чтобы программа помогала разрушить барьер непонимания между поколениями, годами воздвигавшийся кампаниями против «мини» и «макси», «буги» и «рока», «твиста» и «брейка».

Ну а чтобы дать возможность выговориться на ринге не только молодежи, но и людям более солидного возраста, решено было в перерыве между раундами устраивать кулуарный обмен мнениями. Для этого

Володя придумал экспресс-бар — место встречи гостей и участников «Музыкального ринга».

Так возникла ринговская игровая модель 1986—1987 годов. Она легла в основу примерно двух десятков передач, снятых нами на Ленинградском телевидении.

И первая из них — с участием Валерия Лентьева.

**Открытие
ЛЕОНТЬЕВА**

Если в Ленинграде появление «Музыкального ринга» связано с Борисом Гребенщиковым, то открытие этой передачи на ЦТ до сих пор ассоциируется у многих с именем Валерия Леонтьева.

«Вчера показывали «Музыкальный ринг», а сегодня только и разговоров, что о Леонтьеве. Все находятся в приятном изумлении, даже те, кого раздражал его голос. Оказывается, и умница, и интеллигент, а не просто лохматый попрыгунчик. И сколько такта, скромности... Только одно непонятно: почему такого Леонтьева от нас скрывали?»

Д. Миловацкий, Нальчик

«Спасибо, ленинградцы, за открытие Леонтьева! Просто замечательно, что такая передача наконец появилась на ЦТ. И не вздумайте менять название. Это действительно ринг, на котором артист держит экзамен перед публикой и каждый учится понимать, что нельзя быть категоричным в своих суждениях, не зная души человека».

Светлана Караева, Алма-Ата

Письма эти датированы ноябрем 1986 года.

А в начале того же года произошло второе рождение «Музыкального ринга» — превращение его в большую самостоятельную программу. Новая форма требовала и иного содержания.

С одной стороны, хотелось увидеть на ринге звезду первой величины. С другой стороны, это должна была быть фигура не просто заметная на эстраде, но противоречивая, о которой спорили бы и профессионалы и зрители. Только при таком условии первая встреча на новом ринге могла получиться драматургически острой.

Но много ли у нас на эстраде звезд первой величины? Да и как подступиться к ним передаче, которой некоторые музыканты просто побаивались?

И тут помог счастливый случай. Оказалось, что в Ленинград приезжает Валерий Леонтьев, певец, в котором все вызывало споры, — и непривычность сценического облика,

«Вчера показывали «Музыкальный ринг», а сегодня только и разговоров, что о Леонтьеве».

и контрастная манера пения, и перепады в выборе репертуара. И все-таки среди эстрадных певцов Леонтьев был звездой первой величины. Это признавали даже самые яростные его оппоненты.

Для обновленного «Музыкального ринга» участие Валерия Леонтьева было бы просто блестящим вариантом. Но согласится ли певец принять наше предложение — при том критическом обстреле, которому он в то время подвергался в прессе? Решится ли выйти один на один с аудиторией, где будут не только его поклонники, но и противники? Захочет ли в публичной полемике отстаивать свое творческое кредо?

На «Ленфильме» кинорежиссер Виталий Арсенов заканчивал съемки видеофильма «Как стать звездой» с Валерием Леонтьевым в одной из главных ролей.

Когда мы вошли в съемочный павильон, весь сверкающий огнями, с переливающимися золотыми и серебряными сводами, и увидели манекенщиц, которые на фоне изящных конструкций демонстрировали какие-то фантастические наряды, я сразу же подумала о нашей студийной бедности. Мне представилось, как художник передачи Леонид Пережигин специально для Леонтьева будет днями и ночами вырезать из фольги звездочки, потому что заказать что-то более пристойное на художественном комбинате телевидение не может — денег нет. Как телеоператоры Борис Деденев и Анатолий Ильин станут изощряться, часами выставляя специальный свет, чтобы эти самодельные звездочки сверкали на экране, как в настоящем большом шоу.

Вообразив все это, я решила, что уговаривать Леонтьева выйти на ринг бесполезно, — наш скромный антураж явно не для него. А когда Валерий, в своей чернобурой шубе, в сапожках на каблучках, весь благоухающий, промчался мимо, второпях бросив: «Вы с телевидения? Извините, опоздал! Побежали в гримерную, там и поговорим», — я совсем сникла.

В примерной он еще раз извинился и, сев за столик, на котором стояли тысяча и одна баночка и скляночка с французской косметикой, стал гримироваться. Я следила за каждым движением его рук, но начать разговор не могла. Чувствуя это, Володя приступил к делу один.

С первых минут их диалога стало ясно, что уговаривать звезду не придется: отказываться от съемок Леонтьев не собирался.

Может, он не представляет, что за программа — «Музыкальный ринг»? Но ведь сразу же сказал, и, как мне показалось, даже с уважением:

— Слышал много о вашем «Ринге», какой там экзамен музыкантам устраивают. Это правда, что и про прическу спросить могут?

— Ну а почему бы и нет, если это кому-то не дает покоя? — вопросом на вопрос ответил Володя.

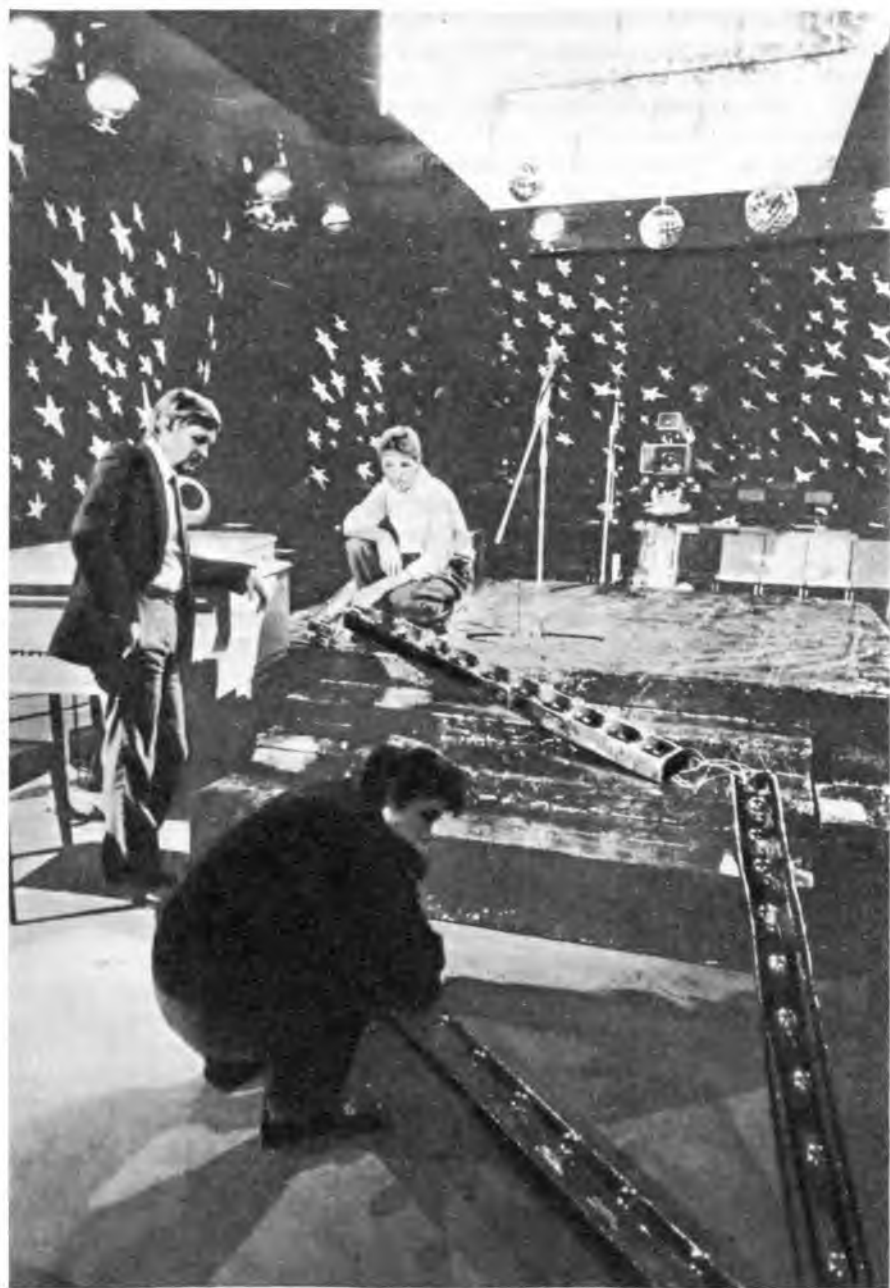
Валерий тряхнул копной своих словно наэлектризованных волос:

— Это даже забавно, пожалуй! — И уже серьезно добавил: — Но для меня большое значение имеет площадка. Я много двигаюсь — телевизионщики этого не любят.

И, проведя кисточкой стрелку от глаза к виску, бросил через зеркало испытующий взгляд на Володю.

А Володя тут же начал рисовать на каком-то листочке мизансцену, расстановку камер, света, и они заговорили на профессиональном языке. Ведь Валерий тоже мог уже считаться режиссером — до получения диплома ему оставался год (он и в Ленинград-то приехал прежде всего по своим студенческим делам). Обсудили возможный ход действия, элементы взаимоотношений исполнителя, зрителей, операторов.

Забегая вперед, скажу, что потом, на съемке, все происходящее выглядело как увлекательная импровизация двух режиссеров. Только один на площадке в роли певца как бы задавал тему, а второй, находясь в режиссерской аппаратной за пультом, эту тему подхва-

тывал и развивал по-своему. И оба, по-моему, получили от съемки профессиональное удовольствие. Но времени пожать друг другу руки у них не нашлось: Валерий сразу же убежал (утром очередной зачет в институте!), а Володя снимал подстраховочные планы расходящихся зрителей — на случай, если где-то в материале окажется технический брак.

Но все это будет лишь через неделю, а пока вернемся к нашей первой и единственной репетиции в гримерной «Ленфильма».

Стали составлять программу выступления. Тут подключилась и я, предложив Валерию в первом раунде показать четыре песни, которые он считает наиболее удачными в минувшем году. А во второй раунд включить четыре новых, на которые возлагает надежды в 1986 году. Валерий, не отрываясь от грима, прикинул несколько вариантов. Потом вручил нам десятка три коробок с фонограммами:

— Послушайте и сами отберите.

Так для артиста было привычнее: не он, как правило, составлял программу, а телевидение диктовало ему, что исполнять, что нет.

Извинившись, Леонтьев убежал на съемочную площадку. Там предстояло в очередном эпизоде демонстрировать, «как стать звездой». А мы отправились слушать фонограммы.

Обычно на составление программы для «Музыкального ринга» уходит много времени. Исполнители редко принимают с первого раза предложенный нами вариант. Многим кажется: то, что чаще звучит в дискотеках и видеобарах, это и есть лучшее у них. Иногда их сбивает с толку придуманный на телевидении видеоряд, создающий впечатление удачи. На «Ринге» же невозможно спрятаться за телевизионные эффекты и трюки. Здесь все внимание сосредоточено на музыке, словах, на самом исполнителе.

Конечно, от выбора программы во многом зависит успех ринговской встречи: ведь песня может стать не только поводом для дискуссии,

Художник передачи Леонид Пережигин специально для Леонтьева будет днями и ночами вырезать из фольги звездочки, потому что заказать что-то более пристойное телевидение не может — денег нет.

но и достойным ответом нападающим. Найдутся ли такие песни у Леонтьева?

Среди фонограмм, которые дал нам Валерий, большинство было «накручено» телевидением и радио до предела. Но вот Володя включил еще одну запись, и мне показалось, что он перепутал коробки, настолько резко манера исполнения и даже голос певца отличались от того Леонтьева, к которому мы привыкли. Нет, на коробке с пленкой написано, что Валерий Леонтьев исполняет «Легенду», музыка Раймонда Паулса. Потом мы слушали «Ангела» Лоры Квинт, «Звездный час» Эдуарда Артемьева, еще несколько песен — и

Не поможет ли «Музыкальный ринг» разрушить прежний имидж певца, созданный эстрадой?

не переставали удивляться своему открытию. Чувствовалось, что Леонтьев переделывает себя, ломает свой традиционный репертуар и ему удастся найти свежие краски.

Почему же этот образ до сих пор незнаком ни нам, ни публике, ни критикам? Возможно, нового Леонтьева просто не хотят замечать? Тогда не поможет ли «Музыкальный ринг» разрушить прежний имидж певца, созданный эстрадой?

Через несколько дней я позвонила Валерию, чтобы окончательно согласовать список песен.

По его капризным и раздраженным интонациям чувствовалось: он получил о «Ринге» кое-какую дополнительную информацию, которая сразу же внесла нервозность в наш разговор.

Сначала ему не понравилось, что из шлягеров мы предлагали включить в программу первого раунда только две песни: «Волны» и «Наедине со всеми».

— А как же «Светофор зеленый», «Гиподинамия»? Телевидение и радио всегда предпочитали песни такого плана. То, что выбрали вы, требует кинопленки, на которую нужны не часы, а недели!

— Будем полагаться на профессионализм нашего режиссера и операторов, — попыталась я разрядить атмосферу.

— Допустим, — в раздумье произнес он. — Но тогда в программу второго раунда нужно включить «Исчезли солнечные дни» и «Конь, мой конь!».

— Пожалуйста! Мы сами хотели предложить вам такой вариант.

— Но нужна еще одна песня. Без нее я выступать на ринге не буду! — категорически заявил он.

— Пожалуйста!

— Но фонограммы этой песни нет в Ленинграде. Я только что записал ее, она в Москве!

— Дайте нам телефоны, и мы ее доставим!!!

До съемки оставалось всего два дня. Наши администраторы оборвали все рабочие и домашние телефоны музыкальных редакторов радио и телевидения, но фонограмму с записью песни А. Сашко «Звездный сюжет» разыскать так и не смогли.

Я понимала: съемка «Музыкального ринга» срывается. Повод для отказа у Леонтьева есть: мы не выполнили единственного условия звезды.

Целый день я пыталась связаться с Валерием, но в гостинице, где он жил, телефон ответил только после двенадцати ночи.

Начались уже те самые сутки, на которые была назначена съемка, а он все говорил и говорил. О том, как ужасно, что Ленинградское телевидение не уважает певца, который, несмотря на невероятную занятость, согласился все же сниматься в этой, признайтесь уж, вовсе не безобидной программе. Как, вместо того, чтобы идти сдавать зачет, он полдня вчера сидел на телефоне, выполняя работу за ленивых администраторов, которые должны были достать фонограмму. Какая трудная в этом году сессия и как бездушны преподаватели — не хотят считаться ни с какими сложностями его жизни. Какой суровый у кинорежиссера Виталия Аксенова характер — может на телевидение и не отпустить...

Около сорока минут я поддакивала, охая и ахая. И хотя нам всем следовало бы накануне передачи выспаться, готова была слушать еще и еще, потому что окончательно убедилась: Валерию «Музыкальный ринг» нужен не меньше, чем нам.

Почему? Этого мы не касались в том ночном разговоре. После съемки не встречались — так, мельком, где-то в коридорах ЦТ или за кулисами на каком-нибудь концерте. Он всегда торопился и спросить не удавалось.

Почему он все-таки согласился, несмотря на цейтнот, на риск? Скорее всего, тогда, в начале 1986-го, сам Валерий испытывал потребность в общении не только с аудито-

рией своих поклонников, но и с критически настроенной публикой. Он только что закончил программу «Наедине со всеми». У него начинался «паулсовский» период, и он хотел проверить, как зрители отреагируют на этого нового Леонтьева.

Но это лишь мои предположения задним числом. А что было на самом деле, знает лишь он сам.

...В 19.00, когда студия была уже переполнена и телевизионные камеры включены, Леонтьев так и не появился.

Шло время тракта — единственной предсъемочной репетиции с камерами и микрофонами.

19.15 — главного героя съемок нет.

19.30 — нет.

19.45 — нет.

Свет погасили. Публику попросили на время покинуть зал. Операторы и звукорежиссер — уж им-то доводилось видать на телевидении всякое! — отправились на перекур. А администратор на студийной машине помчался на «Ленфильм».

В 20.00 на режиссерском пульте раздался звонок из центральной аппаратной:

— Время вашей трактовой репетиции закончилось. Через пятнадцать минут начало съемки. Отменять будете?

Володя не успевает ничего ответить, потому что как раз в этот момент по другому — городскому — телефону тоже раздается звонок.

— Через пятнадцать минут выезжаем, — сообщает наш администратор. — Аксенова умолил. У них произошла задержка — сломалась камера.

Леонтьев не передумал. Но как за оставшееся время привести в чувство ринговских «бойцов»? Ведь они после полуторачасового ожидания звезды могут начать раунд чересчур агрессивно.

Не буду описывать, какими приемами мы с психологами обычно пользуемся, давая настрой аудитории. Это уже сфера профес-

сиональных секретов, из тех, что «передаются по наследству».

Как бы то ни было, но когда в студии вновь вспыхнули прожектора, зрители по моей команде: «Вместо гонга — аплодисменты!» — разразились овациями.

Леонтьев не вошел — вбежал в студию. Выхватил у кого-то фотоаппарат и сделал снимок на память. Кому-то протянул тут же отколотый от костюма значок.

В передаче с Валерием Леонтьевым все было не так, как обычно.

И так же легко, играючи развернул на себя оператора, державшего на плече ручную камеру, давая ему тем самым понять, что сейчас центром внимания должен стать он.

— Добрый вечер, уважаемые участники передачи «Музыкальный ринг»! Прежде всего должен извиниться за опоздание и признаться, что приглашение в эту студию для меня очень приятно, но в то же время и неожиданно. Не уверен, что сумел должным образом подготовиться к участию в этой программе, потому что, только-только успев снять киношный грим, примчался сюда с «Ленфильма», где снимаюсь в музыкальном фильме. И все так бегом, все так не просто...

Этот немного усталый голос, уважительное отношение к передаче и ее участникам сразу же обезоружили натренированных за два года ринговских «бойцов».

После окончания записи один из постоянных посетителей ринга признается в экспресс-баре Валерию:

— Вы с ходу покорили нас. Вот так вошли — и взяли зал. Взяли зрителя. Нам это понравилось, и все острые вопросы как-то вылетели из головы.

Все действительно так и было. Я не узнавала наших завсегдатаев. Вопросы следовали один за другим, но все — чисто информационные, «неринговские», как мы говорим. В них не было той атакующей направленности, той доли иронии, которая и отличала тогда нашу программу от обычных концертных встреч на экране.

Обычно при съемке «неринговские» вопросы я, находясь на пульте режиссера, на правах автора программы или рефери отклоняла. Бывало наоборот: страсти во время раундов так накалялись, что приходилось, успокаивая спорящих, применять «силовые приемы». Но в передаче с Валерием Леонтьевым все было не так, как обычно.

«З р и т е л ь. Валерий, вы студент заочного отделения ленинградского Института культуры. Ваша специализация, если не оши-

баюсь, — режиссура массовых представлений. В какой мере это помогает вам в режиссуре концертов?

Леонтьев. В значительной. Если раньше, готовя концерты, я опирался лишь на собственную интуицию и на ту сумму информации, которую накопил за время работы на эстраде, то теперь профессиональные навыки, приобретенные в стенах этого учебного заведения, помогают мне делать песни более точно и образно. Хотя дается учеба нелегко. Боюсь, как бы не завалить эту сессию. Ведь я еще снимаюсь на «Ленфильме», да и у вас здесь сейчас...

Зрительница. Вопрос из сектора «А». Ваша исполнительская манера во многом определяется прекрасной физической формой и своеобразным художественным решением костюма. Во-первых, не раскроете ли вы один из секретов постоянного пребывания в такой прекрасной физической форме? И, во-вторых, правда ли, что многие из костюмов вы изготавливаете самостоятельно?

Леонтьев. Начну со второго вопроса — это неправда. Уже неправда. Но в течение ряда лет, особенно в первые годы моей работы на эстраде, я занимался своими костюмами сам. А потом нашел единомышленника, московскую художницу Ирину Ялышеву, которая делает в принципе все, что вы на мне видите, когда я выхожу на сцену.

Что касается поддержания формы... Прежде всего это работа. Потому что человек, который любит долго спать и много кушать, — у него гораздо больше шансов потерять со временем свою форму, чем у человека, который любит покушать, но отказывает себе, любит поспать, но ему некогда. Я принадлежу к числу поледних.

Зритель. Валерий, в последнее время у нас произошла такая метаморфоза. Многих интересует, что думает популярный певец, что он любит, у него спрашивают совета, хотят знать его мнение обо всем. А если пригласить на встречу компетентного человека,

например философа или психолога, то вряд ли он вызовет такой же интерес у широкой публики. Чем вы объясняете это?

Л е о н т ь е в. Давайте отрешимся от того, что на эстраде стою перед вами я. Поговорим в принципе о популярном артисте или популярной артистке. Почему вопросы, волнующие вас, каждый охотнее задал бы артисту, а не социологу или другому какому-то ученому?

Я думаю, что причина здесь проста. Ученых мы ведь видим в обычной жизни довольно редко, а общаемся с ними еще реже. И нам кажется, хотя это во многом неверно, что они находятся где-то далеко, в тиши кабинетов. А популярный артист у нас в доме практически с утра до вечера. Не один, так другой. Радио включишь — услышишь голос знакомый, включишь телевизор — увидишь знакомое лицо. И из-за того, что он становится как бы приятелем, как бы близким человеком, как бы членом твоей семьи, невольно и хочется перейти на такую манеру общения: а что ты думаешь по этому поводу, как ты считаешь?

З р и т е л ь. А вы чувствуете эту ответственность?

Л е о н т ь е в. Я? Да.

З р и т е л ь. Ну и как вам?

Л е о н т ь е в. Тяжко!»

И дальше все шло в таком же непривычном для ринга духе.

Участники съемки отметили леонтьевскую манеру с достоинством и доброжелательно отвечать на вопросы, не уклоняясь от них, искреннее стремление говорить со зрителями о том, что их волнует. Наконец, Валерий проявил завидную выдержку и чувство юмора, что особо ценилось на ринге.

По выражению лиц, которые крупным планом появлялись на экране, я догадывалась, что участники встречи находятся в некотором замешательстве. «Ринг-рентген» высвечивал перед ними совсем не того артиста, которого они ожидали увидеть.

— Почему ваш сценический образ так отличается от вашего человеческого? — спросят Валерия зрители после окончания передачи.

— Чем же? — удивится он.

— На сцене вы более капризный, более нескромный, что ли. А в жизни — совсем другой.

— Разве? — И грустно усмехнется.

Печальный Леонтьев. Лирический. Даже, быть может, с трагическими нотами. Таким он был и в песенной программе, которую показывал на ринге.

Когда он пел песню на стихи Петрарки «Ангел мой крылатый...», то, как писали потом зрители, лицо артиста их поразило, потому что на нем «отразилась гамма чувств, подобная целой человеческой жизни».

Но не меньше запомнилось им «солировавшее» в кадре лицо слушающей девушки — так выразительно было оно. Экранное решение

Печальный Леонтьев. Лирический. Даже, быть может, с трагическими нотами. Таким он был и в песенной программе, которую показывал на ринге.

песни через показ зрительской реакции — одна из находок той совместной режиссерской импровизации, о которой я уже упоминала.

Этот прием, найденный во время ринга с Леонтьевым, стал затем одним из постоянных в нашей передаче. Но такое монтажное построение существует только на телеэкране. В студии же атмосферу создает главным образом общение между тем, кто находится в центре внимания, и теми, кто по правилам ринга должен вести атаку.

К концу второго раунда завсегдатаи передачи все-таки перешли в наступление: зазвучали настоящие «ринговские» вопросы.

«З р и т е л ь. Газета «Смена» опубликовала итоги парада популярности «Звёзды 1985

года», и вас поставили на первое место. Вы с этим согласны?

Леонтьев. А вы?

Зритель. К сожалению, от моего мнения ничего в результатах этой анкеты не изменилось бы.

Леонтьев. От моего тоже.

Зрительница. Вот вы исполняете очень разные песни. Сейчас мы слышали серьезную песню «Ангел мой крылатый...». И в то же время вы поете такие песни, как «Светофор зеленый». Так где же Леонтьев настоящий?

Леонтьев. Вы такой вопрос задали, на который трудно ответить. Дело в том, что я люблю самые разные песни. О понятных, простых вещах, о тех нравственных категориях, на которых нас воспитывали с детства. О любви... О любви песни могут быть и веселые, и грустные, и драматичные. О земле, на которой родился, о матери, о долге, о Родине, о сестре, о брате, о ком угодно. И раз круг интересов и тем настолько широк, то, само собой, у меня появляются и самые разные песни.

В последней программе, «Наедине со всеми», которую я показывал на сцене зала «Октябрьский», был целый блок откровенно шутивных, балагурных песен. А почему не порадоваться, что на дворе май месяц, скоро будет лето?

Зрительница. Валерий, вот вы говорите, что трудно сказать, какие песни вам нравятся. А какой темп, ритм вам больше импонирует в жизни?

Леонтьев. Не люблю я все эти ритмы и темпы в жизни. Хочется иногда остановиться, оглянуться, сесть спокойно, выключить телефон, радио, телевизор, почитать книгу или просто посмотреть в окно на людей, какие они, как они идут, куда идут. А на это, к сожалению, слишком мало времени.

Зритель. После каждого вашего ответа возникают аплодисменты, которые, видимо, связаны с вашими хорошими ответами.

Это редко бывает на нашем ринге. У меня вопрос такой: без каких качеств нельзя обойтись знаменитому певцу, кроме хорошего голоса?

Л е о н т ь е в. Я не знаю, как там у знаменитых, у них свои причуды. Но в принципе любой артист, который позволил себе выйти к людям, позволил, чтобы на него смотрели, слушали, задавали ему вопросы, он кроме своих чисто профессиональных качеств — голоса, сценической манеры, репертуара — должен просто быть человеком, ну, как минимум культурным. Можно быть хорошим, можно быть в душе злым — это часто удается скрыть. А мы видим маску, облик артиста, да и любого человека, когда он выходит на публику. И каким бы он ни был, нужно уметь общаться с аудиторией, уметь понять, чего от него хотят, и достаточно емко отвечать на заданный вопрос. И вообще уметь ладить с людьми. Иначе надо идти не в артисты, а в ночные сторожа.

З р и т е л ь. Как вы относитесь к людям, которые, кроме Леонтьева, ничего слушать не хотят? К созданию, например, фан-клуба «Леонтьев»?

Л е о н т ь е в. Понимаете, наверное, такой клуб все-таки лучше, нежели просто бдение у подъезда дома, где артист живет. По крайней мере, это была бы попытка разобраться в его творчестве, понять, что у него удачно, что менее удачно, что хорошо, что плохо. Наверное, это имело бы смысл. Но я принципиально против того, чтобы ограничивать себя интересом к какому-нибудь одному артисту.

З р и т е л ь н и ц а. В вашем репертуаре встречаются песни, которые исполняют другие эстрадные певцы. Например, «Комарово». Мы слышали эту песню в исполнении Игоря Склера. Находите ли вы для себя у него что-нибудь новое?

Л е о н т ь е в. Я не знаю, находит ли что-нибудь новое для себя Игорь Склер. Потому что когда-то эту песню принес мне компози-

тор Игорь Николаев и сказал: «Вот тебе песня». Я ее с тех пор и пою.

Зритель. Валерий, когда вас пригласили на ринг, вы испытывали хоть немножко чувство робости? Или как человек, как популярный артист вы совершенно уверены в себе?

Леонтьев. Я понимаю вас. Этот вопрос, очевидно, вызван тем, что я забрался сюда и так бойко говорю.

Зритель. Нет, вы действительно хорошо говорите, и для всех это приятная неожиданность.

Леонтьев. Вот как! Тогда честно вам скажу, что я волнуюсь далеко не перед каждым выступлением. Обычно принято спрашивать: «Вы волнуетесь перед выступлением?» «Да, — отвечает известный артист, — я себе места не нахожу». Кто-то, отвечая так, говорит правду, кто-то заведомо лжет. У меня не всегда бывает чувство волнения. Но когда я шел сюда, то действительно очень волновался, потому что сама форма передачи для меня необычна. Я впервые участвую в такой передаче, и мое волнение искренне и естественно».

В экспресс-баре Валерию потом задали вопрос:

— Ну как вам после раундов?

— У меня такое чувство, что я выиграл и приобрел сторонников. Мне очень понравилось. Откровенно говоря, когда я шел на ринг, ожидал какого-то подвоха, попытки поставить меня в неловкое положение. А обстановка оказалась исключительно доброжелательной. И хорошо бы, исполнитель всегда уходил с этого ринга победителем.

Да, Валерий Леонтьев ушел из студии с ощущением победы. Такое чувство осталось и у всех тех, кто делал передачу. Думаю, в первую очередь потому, что с помощью «ринг-рентгена» мы за привычным обликом эстрадного певца увидели Леонтьева-человека. О том же писали нам и зрители ленинградской программы. А через полгода это чувство радостного удивления разделила с ними всео-

Кто же действительно тогда выиграл — Леонтьев-артист или Леонтьев-человек?

юзная телеаудитория. Она открыла для себя нового Валерия Леонтьева, а вместе с ним — до тех пор неизвестную ей передачу из Ленинграда, которая впервые появилась на Центральном телевидении.

Но «Музыкальный ринг» с Леонтьевым остался, пожалуй, единственным, где телезрители так единодушно присудили победу исполнителю.

Сейчас, когда на нашем ринге побывали многие звезды эстрады и есть с чем сравнивать, я думаю: кто же действительно тогда выиграл — Леонтьев-артист или Леонтьев-человек?

Сказать трудно. Да, по-моему, и сам Валерий со временем стал сомневаться в исходе этой встречи. Сужу так по интервью, опубликованному через год после передачи в журнале «Клуб и художественная самодеятельность».

«У меня к этой передаче, — говорил в интервью Леонтьев, — двойственное отношение...

Я благодарен этой программе. Она впервые дала мне возможность публично высказаться. Не только петь, но и говорить, делиться своими мыслями. Конечно, зрителям интересно поближе познакомиться с артистом, а певцу не менее полезно узнать круг интересов аудитории, отношение к своей работе. Но я глубоко сомневаюсь в нравственной правомочности происходящего, когда несколько десятков человек, определенным образом настроенных и, видимо, подготовленных, устраивают артисту «перекрестный допрос».

У многих просто на лице написана цель: поставить популярного исполнителя в неловкое положение. Чтобы на следующий день похвастаться перед знакомыми: «А здорово я ему вчера врезал!» Если это своего рода социологический эксперимент, то проводится он в некорректных условиях. Да еще и не все обладают чувством юмора. Меня, например, спросили: «Для чего у вас булавка приколотата?» Я отвечаю: «От сглазу». И вот, пожалуйста, раскрываю журнал «Человек и закон» и читаю: жалко, мол, что даже такие уважаемые люди, как Валерий Леонтьев, суеверны!

Значит, шутки побоку, надо контролировать каждое слово, каждый оборот. Оно и видно по последним «Рингам», что артисты теперь тоже готовятся к этим «жестоким играм», продумывают заранее ситуацию, типовые вопросы, придирки, удары ниже пояса и тоже готовят ответы. Импровизацию сменяет постановка!»

Что ж, надо признать, в последнем Валерий был прав.

По сравнению с тем первым нашим рингом, где все мы работали в каком-то едином импровизационном порыве, следующие программы все больше требовали «домашних заготовок» как от телевизионщиков, так и от

участников раундов. И чем требовательней артист относится к себе, к своему творчеству, тем серьезнее он готовился к встрече с публикой на «Музыкальном ринге». Слишком большой становилась цена этой встречи. Ведь за полтора часа передача могла кумира сотворить, но могла и развенчать, показав, что король-то голый.

Поэтому к своему выходу на «Музыкальный ринг» бит-квартет «Секрет», например, шел год. А Михаил Боярский ещё дольше — почти два года. Но это уже отдельные истории...

«Музыкальному рингу» с Валерием Леонтьевым, записанному в январе 1986 года, суждено было еще три месяца пролежать на полке. (Одному высокопоставленному лицу в Москве то ли голос Леонтьева не нравился, то ли внешний вид оказался не по вкусу, но, так или иначе, певец время от времени попадал в список «нежелательных» для телеэфира.)

Наконец в марте ринг с Леонтьевым появился в эфире. Правда, в несколько укороченном варианте: пять минут съели купюры. Пришлось убрать размышления Леонтьева о брейке, который тогда только начинался у нас. Вырезали и разговоры о фан-клубах, возникавших в разных городах страны вокруг песенных кумиров. Считалось, что ни брейкеров, ни «фанов» у нас быть не должно, поэтому их из передачи изъяли, как бы исключив из жизни вообще. Но уже в ноябре того же года зрители, увидевшие ринг с Валерием Леонтьевым на всесоюзном экране, услышали от него те самые крамольные суждения, которые при показе передачи в Ленинграде запретили, а на ЦТ оставили.

Сегодня может показаться странным такой консерватизм Ленинградской студии. Ведь в прессе ее называют теперь «одной из самых смелых в стране». И это действительно так. В передачах «Общественное мнение», «Пятое колесо», «Телекурьер», «600 секунд» поднимались и поднимаются острейшие темы. Но, вероятно, в той дистанции, которую преодо-

лело Ленинградское телевидение за какие-нибудь года два, как раз и сказываются со всей очевидностью результаты обновления, происходящего в нашем обществе.

Что же касается «Музыкального дебюта», то вскоре после своего общесоюзного дебюта он стал регулярно выходить не только в Ленинграде, но и по Центральному телевидению.

**Нужен ли
был
'ФОРУМ' ?**

Теперь, когда «Музыкальный ринг» оказался не только под пристальным взглядом многомиллионной зрительской аудитории, но и под перекрестным огнем центральной прессы, наша жизнь несколько осложнилась.

В конце 1986 года, сразу же после передачи с участием композитора Александра Морозова и группы «Форум», Лариса Васильева в еженедельной телерубрике «Литературной газеты» писала: «Хорошо, что устроили обсуждение в студии среди молодежи, но... Опять брюзжу? Может быть, не понимаю молодых? Но мне кажется, что в такого рода передачах молодежь потчуют вторичным сырьем посредственного качества...»

Еще более огорчил нас второй рецензент той же рубрики Григорий Горин. Мы знали, что он — один из тех доброжелателей «Ринга», кому эта передача обязана выходом на Центральное телевидение. Между тем Горин писал: «Не стоило отнимать весь вечер у целой страны, чтобы доказать, что «Форум» — достаточно примитивный ансамбль. В отличие, скажем, от «Аквариума» и некоторых других ленинградских групп, которые мы пока так и не видели на телеэкране. Эта критика несколько не относится к самой передаче «Музыкальный ринг». Она несомненно интересна. Хотелось бы только, чтобы выбор исполнителей был более качественным».

Слова о выборе исполнителей кое-что прояснили. Значит, мое авторское вступление перед началом раундов своей задачи не выполнило. А я-то думала: какой удачный текст получился — сразу ясно, что «Форум» приглашен на ринг не случайно.

Но, может быть, Горин не видел начала передачи? Не слышал, как я говорила в кадре, стараясь сохранить несколько иронический стиль ведущего-рефери, найденный в первых, еще «горизонтовских» рингах?

— Добрый вечер! Думаю, вы уже знаете, что сегодня на нашем «Музыкальном ринге» выступят те, кого называют «открытием года», о ком пишет сейчас вся молодежная

пресса, — группа «Форум». «Форум», о котором сейчас так много говорят, так много спорят. Тем не менее в центре нашего внимания будут не они, а тот, кому группа обязана своим успехом, — композитор Александр Морозов. Сегодня, если вам, конечно, повезет, вы услышите, как зал скандирует: «Морозов — «Форум»!», «Морозов — «Форум»!» Чем объясняется столь шумный успех и надолго ли он? Попробуем разобраться в этом на нашем «Музыкальном ринге».

Вероятно, этот, как мне казалось, достаточно ясно определяющий задачу нашего ринга текст никто из критиков так и не услышал. «Почему?» — думала я, перечитывая их отзывы. Может быть, отвлекала необычная мизансцена: ведущая, за спиной у которой сверкает разноцветными огнями надпись «РИНГ», а под ней — сотни собравшихся в студии людей? Такая яркая глубинная картинка, и все в движении. А может, смысл моих слов тонул в непривычной для нашего экрана ритмике речи — рубленой, с подпрыгивающей в конце каждой фразы интонацией?

Но это был особый ринговский стиль, который, я знала, так интриговал зрителей «Горизонта», когда я вела передачи за кадром. Чего стоило воспроизвести эту интонацию перед камерой — пришлось даже пойти на хитрость и сделать шпиргалку. Ее прикрепили к наушникам телеоператора, и я, глядя в камеру, читала весь текст по бумажке, делая вид, что импровизирую. На экране это выглядело весьма странно: взгляд ведущей был направлен не на телезрителя, а куда-то в верхнюю часть кадра. Но что делать! Тогда на Ленинградском телевидении мы только слышали, что для подобных целей на западных студиях существует специальное приспособление — телесуфлер, и ведущие не тратят время на заучивание текстов.

Выйдя в кадр, я пыталась найти для себя новый имидж в нашей программе. Но яркая, экстравагантная одежда, «экзотические» ин-

тонации, взгляд мимо зрителя — все это, очевидно, отвлекало от содержания речи.

Вероятно, для первого раза надо было одеться более скромно и объяснить попроще, без расчета на внешний эффект, что в передаче сегодня будет выступать группа «Форум», которая пользуется у молодежи необыкновенной популярностью. И рассказать, как последнее время те, кому лет пятнадцать — двадцать, словно голову потеряли: ходят по улицам, в кафе, кинотеатры с кассетниками, из которых только и слышатся «Островок» да «Компьютер» в исполнении «Форума». Можно было еще показать билет на концерт этой группы, который с рук продают за 25 рублей, или прочитывать строчки из писем. Например, такие:

«Весь наш класс считает себя поклонниками «Форума»! Его песни мы переписываем прямо в тетради по алгебре, зоологии, физике и не пропускаем ни одного концерта. Умоляем, пригласите «Форум» на ринг!

Ученики 7-б класса 164-й школы
Ленинграда».

Тогда никто из зрителей старшего поколения не удивился бы, зачем мы решили потратить 90 минут экранного времени на «Форум». Но раз кто-то этого не понял, значит, свою задачу автора и ведущей я не выполнила как следует.

Только через несколько передач у меня стало что-то получаться, когда я изменила костюм, прическу и даже «сменила лицо». Когда, как мне кажется, научилась, появившись в кадре, несколькими фразами определять конфликт очередного поединка. Часто коротенькое вступление перед раундами я составляла из фрагментов писем, используя их как завязку к полуторачасовому действию на экране.

Володя в качестве режиссера был ко мне требователен, как ни к кому: заставлял переписывать эти коротенькие тексты до тех пор, пока не удавалось достичь эффекта, нужного ему для начала передачи; один за другим

Один за другим режиссер отвергал мои варианты костюма и прически, пока не добивался соответствия внешнего облика характеру исполняемой на ринге музыки.

отвергал варианты костюма и прически, пока не добивался соответствия внешнего облика характеру исполняемой на ринге музыки. Так, длинная русая коса и черный свитер со стилизованным крестом становились своего рода образным ключом к песням «Аквариума». Короткий светлый ежик волос и атласный желтый фрак — вызов тем, кто обвинял приглашенных на ринг брейкеров в «пропаганде чуждой нам идеологии». Клетчатая рубашка и прямые волосы — на ринге с бардовской песней. Черный кожаный пиджак с цепями и целая гуча волос — в телевизионных раундах рокеров...

Но все это будет уже позже. А пока — ринг, где нам предстояло разобраться в причинах небывалой популярности «Форума». Наши социологи решили с той же целью провести анкетирование ринговской аудитории. Тогда социологические опросы на телевидении еще не вошли в моду. Поэтому первой реакцией опрошиваемых были настороженность и любопытство.

Вопросы такие:

«1. Как часто Вы готовы слушать подобную музыку?»

- Каждый день,
- время от времени,
- могу не слушать вообще.

2. Чем являются для Вас прослушанные произведения?»

- Повод для размышления,
- допинг для поднятия настроения,
- фон для других дел.

3. Отвечают ли прослушанные произведения Вашим духовным потребностям?»

- Отвечают,
- не совсем отвечают,
- вовсе не отвечают.

4. Что на Вас в этой музыкальной программе воздействует больше всего?»

- Ритм,
- исполнение,
- текст,
- мелодия.

5. Какое эмоциональное состояние вызывает у Вас эта музыка?

- Раздражение,
- возбуждение,
- удовольствие».

Заполняя анкету, участники передачи теперь сами выступали не только в роли спрашивающих, но и отвечающих. Правда, анонимно, так как анкеты не подписывались. На основе полученных данных предполагалось составить типологический портрет аудитории исполнителей и композитора. Что это такое, никто не знал, но интерес к действию на ринге повысился. Каждый участник передачи, независимо от того, задавал ли он вопрос или нет, чувствовал свою значимость. Его мнение изучалось социологами. Это побуждало более серьезно относиться к прослушанной музыке, вдумчивее анализировать собственное восприятие.

Иной характер приобретала встреча на ринге и для самих музыкантов. Если раньше финал оставался как бы открытым, то теперь выводы социологов в конце передачи должны были суммировать мнения аудитории, собравшейся в студии.

Но музыкантов «Форума» анкета социологов мало интересовала. Они знали, что победа будет за ними. Если не легкая и не быстрая, то, уж во всяком случае, красивая и шумная. Все основания для этого имелись: аншлаговые концерты в Ленинграде, толпы «фанов», встречающие своих кумиров в городах, куда заранее рассылались и прокручивались в дискотеках, вузах, школах кассеты с песнями «Форума».

Подготовка города к предстоящим гастролям новой группы — целая наука. Главное правило: наводнить рынок своими записями. За ценой не стояли, и к приезду «Форума» в очередном городе начинался такой ажиотаж, что не обходилось без усиленного оцепления милицией концертных площадок.

— Слышали, как «Форум» принимали в Калининграде? Тройной кордон выстрои-

ли! — передавали из уст в уста восторженные поклонники.

Но это устное народное творчество, а «Форуму» хотелось иметь еще и современную рекламу. Телевидение же, как и радио, группу, казалось, не замечало, хотя песни ее художественного руководителя, молодого ленинградского композитора Александра Морозова, постоянно звучали в эфире. Правда, то были другие песни, написанные несколько лет назад: «По камушкам», «Завтра», «В краю магнолий», «Кис-кис, мяу!» Другими были и исполнители: Людмила Сенчина, Валерий Леонтьев, Эдита Пьеха, Эдуард Хиль. Массовая аудитория любила эти песни и охотно слушала. Их крутили по радио, по телевидению, на танцплощадках, пели на концертах, наконец, просто в кабаках маленьких и больших городов.

Тем не менее у Александра Морозова свои поводы для беспокойства были. С открытием

Тогда социологические опросы на телевидении еще не вошли в моду. Поэтому первой реакцией опрашиваемых были осторожность и любопытство.

городского рок-клуба, когда рок стал все настойчивее наступать на шлягер, вытесняя его из жизни молодежи своей острой социальной направленностью, задача завоевания песенного рынка резко осложнилась. Тут как раз лидеры ленинградского комсомола и предложили Морозову попытаться создать в противовес всяким там «Аквариумам», «Телевизорам», «Алисам» и прочим возмутителям спокойствия свою комсомольскую рок-группу. Обещали всяческую поддержку — моральную, материальную, организационную и техническую.

Человек увлекающийся, Александр загорелся. Он стал появляться в рок-клубе, присматриваться к рокерам. Прослушивал кассеты с записями лидирующих групп. Слова — ладно, а вот музыка... Морозов понял, что в музыке рокеры слабее его. Обладая даром прекрасного мелодиста и блестящего организатора, он имел реальные шансы создать свою конкурентоспособную группу. Но только техническое оснащение должно быть таким,

какое рок-клубовским музыкантам и не снилось.

Чтобы молниеносно завоевать аудиторию, нужен исполнитель, уже пользующийся успехом у молодежи. Выращивать талант времени не было, и Морозов вместе с Александром Назаровым, руководителем одного из коллективов Ленконцерта, начал присматриваться к музыкантам рок-клуба. Вскоре удалось переманить к себе солиста довольно популярной в то время самостоятельной рок-группы Виктора Салтыкова. Так появилась группа «Форум» под художественным руководством лауреата премии Ленинского комсомола композитора Александра Морозова.

Городской комсомол свое обещание сдержал: материальное обеспечение, реклама — все это Александр получил.

Но для того чтобы «Форум» завоевал прочные позиции, от художественного руководителя потребовались жертвы. Сначала он оставил те поиски в области фольклорных музыкальных традиций, благодаря которым появился прекрасный цикл песен на стихи Николая Тряпкина и Николая Рубцова. Дальше пришлось отказаться от учебы в консерватории. Нужно было найти в себе силы, чтобы, поступив туда уже не в юном возрасте, уйти с четвертого курса. Однако Александр решил добиваться успеха «Форума» любой ценой.

Прежние Сашины друзья огорчались. Среди них были композитор Валерий Гаврилин и поэт Глеб Горбовский, которые в свое время помогали приехавшему издалека в большой город талантливому пареньку-самоучке делать первые шаги в музыке. Они ценили искренность и теплоту его песен, основанных на народных традициях, и пророчили начинающему композитору большое будущее.

Мы с Володей тоже расстраивались из-за нашего Саши, которого несло теперь неизвестно куда. Несколько лет, работая вместе над передачами «Один за всех, все за одного»,

мы оставались дружны. Песенки-задания из этой телеигры — Александр Морозов писал их на слова Виктора Гина — ребята охотно распевали повсюду. И нам хотелось, чтобы «ринг-рентген» помог высветить того, прежнего Сашу — доброго, бескорыстного, веселого, любителя поиграть на гармошке. Вечно он кому-то помогал, хлопотал по чьим-то делам...

Возможно, он сам не понимал, что вокруг него происходит, почему старые друзья стали с ним холодны, а серьезные музыканты экспериментов с «Форумом» не одобряют. И Александр решил выйти на ринг, чтобы откровенно поговорить о своей группе, которую он так любил и для которой пожертвовал многим.

Мы уговорили Сашу показать на «Музыкальном ринге» сразу две программы. Одну — в исполнении группы «Яблоко», представлявшей ту сторону творчества Морозова, где преобладало русское песенное начало. Вторая программа готовилась «Форумом» — там Морозов был уже не «натуральным», а «компьютерным». Таким образом, и у зрителей и у самого композитора появлялась возможность сравнения.

На телевидении Морозов в то время снимался часто. Простой, обаятельный, с широкой белозубой улыбкой, он нравился зрителям. Правда, предстоящая съемка мало напоминала программы «Шире круг!» или «Музыкальные встречи по вашей просьбе», но десятилетний телевизионный тренинг в программах Ленинградского и Центрального телевидения плюс небывалый успех «Форума» у молодежи значили немало.

Первый раунд вел «Форум». Предполагалось, что его песни знают наизусть, и Володя рассчитывал при съемке показать реакцию зрителей — прием, найденный им на ринге с Леонтьевым. Но в студии почему-то никто не подпевал, хотя для начала выбрали одну из лучших песен Морозова — «Белая ночь». Потом, по данным опроса, социологи поставят ее на первое место.

«Белая ночь опустилась, как облако.
Ветер гадает на юной листве.
Слышу знакомую речь, вижу облик
твой.
Но почему это только во сне?» —

пел Виктор Салтыков, маленький, щупленький, со смешными белобрсыми перышками волос. В своей черной балахонистой одежде он, казалось, олицетворял стремление некоторых музыкантов подделать поп-музыку под рок. Виктор очень старался придать своему высокому, металлически звучащему голосу оттенок грусти и нежности, как того требовала задушевная мелодия Морозова, но голос оставался бесстрастным и душу не трогал.

В зале слушали без особых эмоций, потом из вежливости поаплодировали и тут же пошли в атаку.

— Скажите, Александр Сергеевич, как вы считаете, в чем новаторство музыкальных форм, используемых «Форумом»?

Вопрос был почти информационным, то есть не ринговским, и я на правах рефери сначала даже хотела отклонить его, но не стала этого делать. Наши «бойцы» иногда применяли тактику обстрела издали, спрашивая не в лоб и зная, что в ответе все равно проявится позиция человека. Так вышло и на этот раз.

Александр начал уверенно:

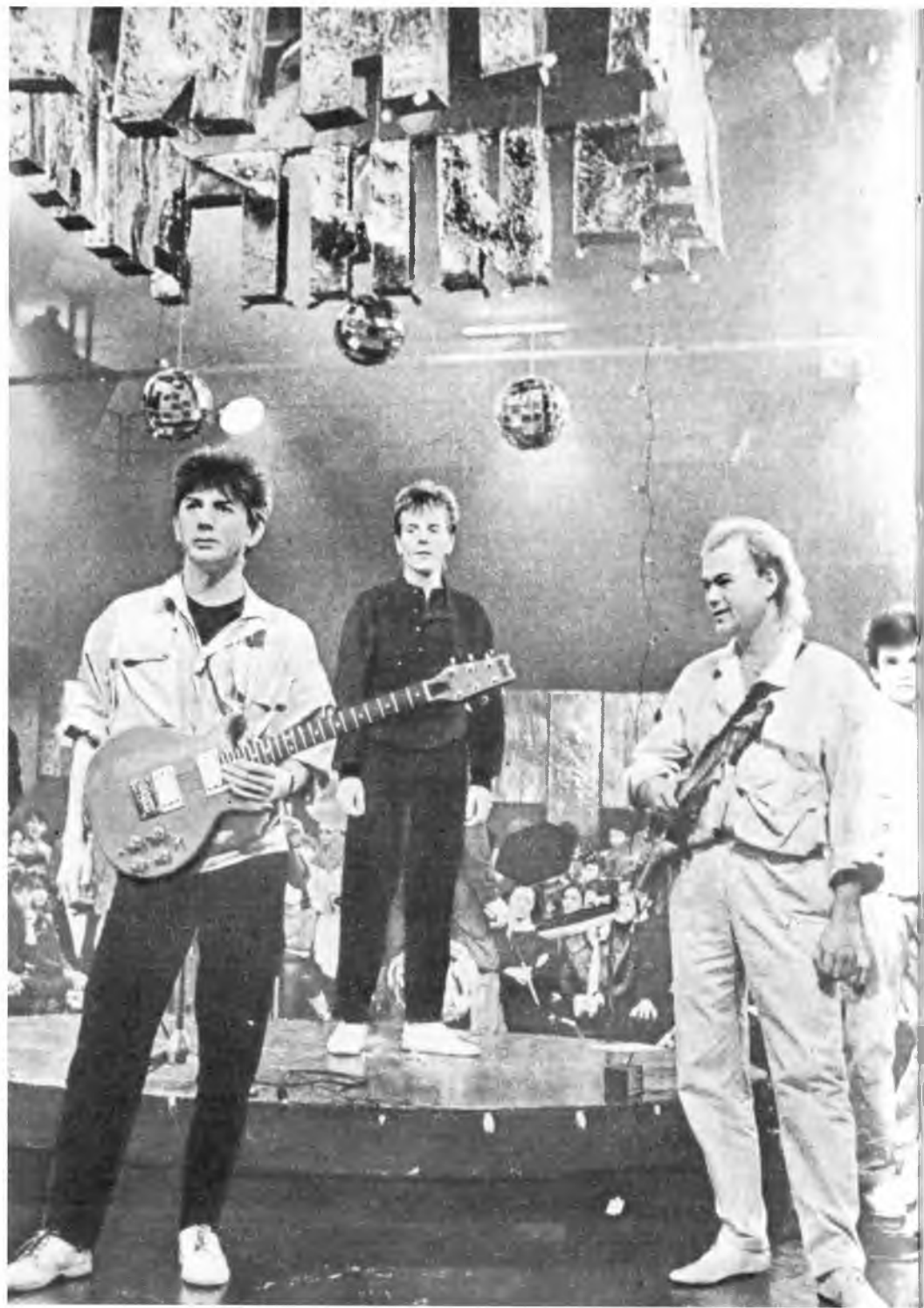
— Прежде всего обратите внимание на наши музыкальные инструменты. Это инструменты нового поколения, последние достижения музыкальной техники — электронный компьютер, ритм-компьютеры, электронные барабаны.

Мгновенно — новый вопрос:

— Но сейчас мы уже близки к пресыщению этой электронной музыкой. И когда вы почувствуете, что публика «наелась» электроникой, вы оставите «Форум» или будете искать вместе с группой что-то новое?

— Я думаю, — ответил Морозов, — если мы почувствуем, что надоедаем публике или

Выйдя на ринг, Александр Морозов выбрал себе место у рояля.

начинаем повторяться, то будем искать новые исполнительские возможности для «Форума». Может быть, вместо компьютера я введу натуральные инструменты. Например, гусли. Представляете, вместе с компьютером будут звучать гусли?

На ринге одобрительно засмеялись и счет был бы в пользу Александра, но тут он неосторожно добавил:

— Во всяком случае, мы постараемся идти в ногу со временем и от веяний моды не отставать.

Эта фраза испортила все дело. На ринге прощали многое: и неудачные ответы, и растерянное молчание, и пение под фонограмму, и брак по звуку при «живом» исполнении. К одному были нетерпимы — к конъюнктуре в творчестве.

Саша, вероятно, понял, что допустил оплошность, но делать было нечего. И, чтобы как-то сгладить впечатление, он предложил прослушать следующую песню «Форума», которая пользовалась особой популярностью на дискотеках.

«Компьютер, ты рождение века,
Твои глаза на мир глядят.
Тебе не жить без человека,
А человеку без тебя,
Компьютер!
Решись любую ты задачу
И, даже если не везет,
Запрограммируешь удачу,
Любовь, падение и взлет,
Компьютер!
Ты ум и логику с успехом
Нам заменяешь — да, да, да!
И только сердце человека
Ты не заменишь никогда,
Компьютер!»

Песня сразу же вызвала новую атаку.

«З р и т е л ь. Скажите, в этой песне слова хоть какую-то смысловую нагрузку несут? Вот если бы слово «компьютер» заменить на «пылесос», что бы изменилось?»

Виктор Салтыков олицетворял стремление некоторых музыкантов поддевать поп-музыку под рок.

Морозов (*несколько растерянно*).
Задача, когда мы писали песню, была конкретная. Мы хотели доказать, что компьютер — рождение века, но человеческое сердце ему не заменить.

Зритель. А я предлагаю этот вопрос поэту, который написал слова, Сергею Романову.

Морозов. А при чем здесь поэт?

Зритель. Просто я совершенно уверен, что если бы в нашей жизни сейчас был больше популярен пылесос, то поэт написал бы: «О пылесос — рождение века!»

Между тем участники ринга хотели докопаться до истины в главном для себя вопросе.

«Зритель. Я прошу руководителя группы Александра Назарова кое-что объяснить. Вчера я услышал в молодежном кафе мнение, что «Форум» очень тонко чувствует конъюнктуру, умеет угодить, потрафить публике.

Участники ринга хотели докопаться до истины.

Назаров. Повторите вопрос, я не понял, о чем вы.

— Повторите вопрос, я не понял, о чем вы?

Зритель. Существует мнение, что ваша группа очень тонко чувствует конъюнктуру. Вам знакомо это слово?

Назаров. Вот вы приходите в магазин и видите на прилавке «дутик» — удобная, красивая обувь. Значит ли это, что человек, который изобрел для вас ее, хорошо чувствует конъюнктуру?

Зритель. Вы сравниваете несравнимые вещи: искусство и обувь.

Назаров. Почему же несравнимые? Любой человек может проявить в своей области искусство. И если он к тому же чувствует конъюнктуру, то этот человек...

Зритель. Этот человек будет на гребне популярности, вы хотите сказать?»

Было видно, что Александр Морозов занервничал. Решили же перед съемкой: он, как художественный руководитель группы, дис-

куссию возьмет на себя. А музыканты пусть больше помалкивают. И Назаров тоже. А он вдруг начал — да еще о конъюнктуре. Нужно было срочно спасти положение. И Александр предложил послушать песню на стихи Николая Рубцова «Улетели листья», написанную еще в «докомпьютерный» период.

Виктор Салтыков запел:

«Улетели листья с тополей —
Повторилась в мире неизбежность...
Не жалей ты листья, не жалей,
А жалей любовь мою и нежность!
Пусть деревья голые стоят,
Не кляни ты шумные метели!
Разве в этом кто-то виноват,
Что с деревьев листья улетели?»

Песня была красива и мелодична, но и после нее страсти на ринге не утихли. Ведь речь шла о наболевшем — о конъюнктурной музыке, которая пыталась составить конкуренцию року.

Впрочем, о какой конкуренции могла идти речь, если рокеров в то время мало кто поддерживал. Комсомольские лидеры еще не были с ними так дружны, как два-три года спустя. Это потом рок-фестивали стали проходить под эгидой комсомола, и помощь от него получили многие талантливые ребята, долго находившиеся в подполье. У них были и столкновения с милицией, и неприятности в школе, институте, на работе. Не зная, как еще можно выразить свой протест, они стриглись наголо или отращивали волосы до пояса, выходили на сцену в самурайских одеждах или почти обнаженными. Сцена была единственным местом, где они могли кричать о несправедливости окружающего их мира и стонать от своего бессилия что-либо изменить. На языке рок-музыки они звали сверстников в новое время, время перемен, которое наступило быстрее, чем они ожидали.

Правда, уже тогда среди постоянных участников «Музыкального ринга» были комсомольские работники, старавшиеся поддержать

вать рок-музыкантов. Один из них, Сергей Пилатов, стал потом в горькоме комсомола руководить работой со всеми неформальными молодежными объединениями Ленинграда.

На ринге с участием «Форума», как только разговор пошел об искренности в искусстве, Пилатов задал резкий вопрос:

— Существует мнение: популярность «Форума» объясняется тем, что вы, создавая группу, вычислили ту манеру исполнения, которая была ожидаема зрителями. И только спрос на компьютерную музыку, который вы угадали, принес в общем-то средним музыкантам популярность. Разве не так?

— Вот вы сейчас прослушали песню «Улетели листья». У вас есть ощущение, что это конъюнктура? — вопросом на вопрос ответил Морозов.

Наступила тишина. Камеры бесшумно панорамировали по лицам смущенно молчавших ребят. А Саша с какой-то неожиданной искренностью продолжал:

— Я вам откровенно скажу: наряду с той музыкой, что я пишу для «Форума», — а ему я отдаю сейчас практически все силы, — я чувствую потребность хоть изредка вырваться и в филармонию и на концерт народной музыки. Я не могу замкнуться в одной электронике и думаю, что, может быть, в будущем музыканты «Форума» тоже пойдут по другому пути. И развлекательная музыка поведет их навстречу классике, народной песне, и классические формы будут проникать в музыкальную структуру «Форума». И появится какое-то новое качество, которое поднимет «Форум» на более высокий уровень.

Прозвучал гонг. Александр Морозов вместе с ребятами из «Форума» отправился в экспресс-бар, чтобы в кулуарных спорах оградить их от возможных нападков чересчур агрессивных зрителей.

Экспресс-бар, небольшой, но благодаря фантазии художника и операторов казавшийся телезрителям очень вместительным, располагал к свободному общению. В зер-

кальных стенах отражались лица участников, сидевших за небольшими столиками. Среди них были поэты, композиторы, журналисты, кинорежиссеры, обществоведы, учителя, врачи и просто родители — словом, те, кто интересовался проблемами молодежной культуры. Но основную часть публики, собиравшейся в экспресс-баре, составляла, конечно, молодежь, поэтому все вокруг бурлило.

Стихийно то здесь, то там возникали группы спорящих — у бара, между столиками, прямо у входа и возле «зоны социологов» (они располагались на небольшом возвышении — вроде и вместе со всеми и как бы над ринговской суетой). Атмосфера в экспресс-баре была такой непринужденной, что на операторов с ручными камерами никто внимания не обращал.

В одной из групп разговор шел вокруг заполнения анкет.

— Вы не знаете, как ответить на вопрос о духовных запросах?

— Да так и пишете — соответствует или нет!

— Но у меня есть друзья, которым «Форум» очень нравится, и именно потому, что под их музыку все танцуют... Даже с большим удовольствием, чем под западную.

— Да вы про себя пишете! При чем здесь друзья? В анкете спрашивают о ваших духовных потребностях, интересуются лично вашим мнением.

— Я вот тоже проверял дискотеки. Вижу, «Форум» пятнадцати-двадцатилетним нравится. Но почему? Ведь такой примитивизм! А образ исполнителя... Простите, но это просто какой-то дебильный образ.

— Почему — дебильный? Вы за свои слова отвечайте, пожалуйста! Это образ современного мальчика из толпы.

— Ну о чем вы тут спорите? О каких духовных потребностях, когда эта музыка никаких глубоких чувств вызвать не способна! Она отвечает только потребности «балдеть». Не то что музыка наших рок-групп...

В центре экспресс-бара, в окружении то ли поклонников, то ли противников, а скорее, и тех и других, стоял Виктор Салтыков. На него кто-то нападал, он весело отбивался и, отвечая на вопросы, тут же раздавал автографы млеющим от счастья девушкам.

— Послушай, Витя, ты так прекрасно держишься на сцене, современно, импровизируешь много. Это все замечательно. Но образ, который ты несешь, это же просто мальчик из ПТУ!

— Правильно. Я намеренно создаю именно такой имидж, потому что мне удобно быть мальчиком из ПТУ. Я понимаю, что пока не могу быть ни Леонтьевым, ни Яком Йоалой. Я человек нефактурный, маленького роста, невыразительный. Но ребята, которые приходят на концерт, именно от этого и в восторге. Девчонки приходят и даже плачут. Еще бы, свой мальчик, из ПТУ, — и вдруг там, на сцене!

Когда при монтаже мы рассматривали этот фрагмент записи, то несколько раз делали стоп-кадры. Я вглядывалась в лицо Виктора, стараясь уловить хоть тень иронии, но так и не разглядела.

Во втором раунде снова выступал «Форум», а за ним — группа «Яблоко». Начала она с песни спасительного Николая Рубцова в исполнении Марины Капуры.

«Чудный месяц горит над рекою,
Над местами отроческих лет,
И на Родине, полной покоя,
Широко разгорается свет...» —

затянула Марина своим чистым, звонким голосом.

Но камера снимала не ее, хотя телеоператоры всегда просто наслаждались Мариной красотой и женственностью. Сейчас же объективы были направлены на другое лицо. Пропал настороженный прищур, ни тени самоуверенности. У рояля сидел тот милый, добрый Саша, которого все мы так любили. И казалось, сбросит он сейчас свой светлый мод-

*Уроля сидел тот милый,
добрый Саша, которого
все мы так любили.*

ный пиджак, расстегнет ворот, вскинет гармошку и подхватит:

*«Этот месяц горит не случайно
На дремотной своей высоте,
Есть какая-то жгучая тайна
В этой русской ночной красоте!»*

Песня закончилась, но не было ни аплодисментов, ни вопросов. Все сидели под впечатлением контраста между электронной бесстрастностью «Форума» и полными жизни, сочными голосами «Яблока». В тишине отчетливо прозвучал вздох, и Александр заговорил:

— Если быть совсем искренним, когда звучит песня в исполнении Марины Капуро или «Яблока», у меня сердце замирает. А вот от «Компьютера»... от «Компьютера» — никаких чувств. Но я же вижу: вы сами готовы слушать «Форум», а не «Яблоко», потому что это считается современным. А

*«Чудный месяц горит над
рекою...» — затянула
Марина Капуро своим
чистым, звонким голосом.
Но камера снимала не ее...*

мне так хотелось бы вызвать у молодежи, которая с ума сходит от «Форума», какие-то чувства, когда поют «Чудный месяц...». Это так важно для меня! Разве это невозможно? Разве невозможно через модную электронную музыку пробудить интерес к фольклору? Я пытаюсь это сделать, понимаете, пытаюсь, чтобы сначала хотя бы интонационно чувствовалось фольклорное начало, идущее от народных песен. Я хочу, чтобы вы послушали современные частушки в исполнении «Форума» и сказали, получается ли что-то в этом плане.

И на середину студии, потеснив «Яблоко», вновь вышел «Форум». Виктор Салтыков забегал по маленькой площадке ринга, выкрикивая под металлический аккомпанемент:

«Люди говорят, что тебя любить
нельзя,

Люди говорят, что пусты твои глаза.

А я, а я — я люблю тебя!

При чем тут — судьба или не судьба?

И мне, и мне — мне не запретят,

И что хотят, пусть то и говорят...

— Ну что вы скажете? — обратился Александр к аудитории, чувствуя какую-то перемену в ее настроении.

— А «Яблоко» еще будет петь? — раздался чей-то голос.

И зал заплодировал.

— Что ж, — казалось, даже обрадовался Саша, — тогда Николай Тряпкин, «Летела гагара...».

«Летела гагара,
Летела гагара
На вешней заре.

Летела гагара
С морского утеса
Над тундрой сырой.

... Кричала гагара,
Что солнце проснулось,
Что море поет,

Что солнце проснулось,
Что месяц гуляет,
Как юный олень,

Что месяц гуляет,
Что море сияет,
Что милая ждет».

Песня, спетая Мариной Капуро, была так хороша, что один из зрителей не выдержал:

— Александр, вы сказали, что, когда слушаете «Яблоко», у вас замирает сердце. У меня от этой песни тоже. Только я все-таки не пойму, зачем тогда писать опусы для «Форума»?

М о р о з о в. «Форум» работает на профессиональной эстраде, в концертных залах, где выступает «Яблоко». Фольклорная группа публику не соберет, а компьютерная дает аудиторию и народной песне.

З р и т е л ь. Марина! Ребята! Вы поете прекрасно. Вам веришь, хочется подпевать «Яблоку». Вы работаете честно, не следуя

— Вы сказали, что, когда слушаете «Яблоко», у вас замирает сердце... Только зачем тогда писать опусы для «Форума»?

соображениям конъюнктуры. Но не бойтесь ли вы, что у вас никогда не будет такой популярности, как у «Форума»?

Капуро. Разве «Яблоко» существует ради популярности? Мы поем для того, чтобы песни нравились.

Зритель. Мне кажется, дело тут в другом. Та музыка, которую мы слышим в исполнении «Яблока», по-моему, не должна просто нравиться или не нравиться. Это ведь часть души каждого русского человека.

Морозов. Мне тоже так кажется. Но представьте на минуту, что однажды обе эти группы выйдут на одну сцену и вместе споют совершенно неожиданную для вас песню. И те, кто отвергал «Форум» сегодня, полюбят его в новом качестве, а те, кто пока равнодушен к песням «Яблока», увидят, что и эта группа современна».

«Форум» действительно выступал несколько раз вместе с «Яблоком». И даже однажды взял с собой Марину Капуру на зарубежный фестиваль. Успех у солистки «Яблока» был в ГДР необычайный. Впрочем, и «Форум» не остался в тени.

Но время все расставило по своим местам. Через год «Форум» Александра Морозова перестал существовать. Начали забываться песни, от которых подростки еще недавно с ума сходили. Марина Капура с группой «Яблоко» завоевала серебряный приз на Международном фестивале в Швеции, где представляла песенное искусство нашей страны. С огромным успехом гастролировала она в Америке. И даже была провозглашена почетным мэром одного маленького городка — в знак восхищения его жителей русскими песнями в Маринином исполнении.

Ну а Александр Морозов, наш Саша?

Саша решил на время уехать из Ленинграда, где оказалось так сложно оставаться самим собой. Но он еще вернется, мы в это верим. И, может быть, он снова выйдет на ринг — с трехрядкой, или с гуслями, или, кто знает, в окружении звезд начала девяностых.

И его песни подхватит весь зал, как бывало раньше на творческих вечерах Александра Морозова.

Можно только гадать, какой путь его ждет. Пока же — прогноз, сделанный социологами на «Музыкальном ринге» 1986 года. Никакой мистики там не было — только цифры, полученные в результате обработки пяти-сот зрительских анкет.

Что же показали тогда цифры?

Во-первых, выяснилось, что страсти, кипевшие вокруг «Форума», подобны пене. Только двое из каждых десяти опрошенных заявили о своем интересе к этой музыке, и то — как фону для других дел или развлечений и танцев. Поклонниками «Форума» оказались главным образом слушатели в возрасте от шестнадцати до двадцати. Остальных привлекало, скорее, незнакомое им «Яблоко». Четверо из каждых пятерых, кому понравилась эта музыка, ответили, что она дает им повод для размышления. Правда, лишь треть ринговской аудитории заявила о своей готовности слушать народные песни, а в 36 процентах анкет ответ был отрицательный.

О том, что стоит за этими цифрами, еще пойдет речь, когда я буду рассказывать о выходе на ринг ансамбля Дмитрия Покровского.

А пока скажу, что Александр Морозов нашу ринговскую статистику сразу же воспринял всерьез. Как, впрочем, и основанный на ней прогноз социологов: «Путь, выбранный композитором, ориентация на компьютер, на достижения современной техники приведет к тому, что в музыке «Форума» наиболее ценным окажется ритм. Духовное начало, по сравнению с «Яблоком» и так невысокое, будет приближаться к нулю, даже если в «Форум» композитор станет вкладывать больше сил и технических возможностей».

Конечно, социологи не претендовали на пророчество. Они лишь апеллировали к цифрам, а цифры иногда способны предсказывать судьбу, почти как звезды. Еще в 1986 году они

предрекли успех никому не известным музыкантам из групп «Браво», «АВИА», «Телевизор». Теперь, когда видеоклипы с ними стали украшением программ «Взгляд», «До и после полуночи», «...До 16 и старше», мне думается, небезынтересно узнать, как впервые появились эти рок-музыканты на телевизионном экране.

Об этом — следующая глава.

**Вон так
'БРАВО'!**

Передачу с участием группы «Браво» зрители ЦТ не увидели. Так же, как «Музыкальные ринги» с «АВИА», «Телевизором», «Поп-механикой» Сергея Курёхина, с брейкерами. Не увидели потому, что это были самые скандальные, но и самые интересные программы.

Когда «Советская культура» попросила меня прокомментировать очередную партию писем с вопросом «Почему не показывают «Ринг» с участием Аллы Пугачевой?», я просто уклонилась от ответа. Не посылать же в редакцию напечатанную летом 1986 года «Ленинградской правдой» коллективную заметку с броским названием «Вот так «Браво»!».

«На днях... — писала группа ленинградцев, — в музыкальной программе «Ринг» была показана новая рок-группа «Браво». Ее представляла народная артистка РСФСР Алла Пугачева.

Надо сказать, что нас удивила и возмутила какая-то развязная, даже вульгарная манера, с которой держалась актриса на экране. Было неловко за нее, за других исполнителей. Строго говоря, все это оскорбительно для телезрителей...

Ленинград всегда был городом высокой культуры, со зрителем, воспитанным на лучших традициях русского и советского искусства... Надо сохранять и продолжать традиции нашего замечательного города, воспитывать у молодежи чувство прекрасного. А такое поведение на экране нам кажется недопустимым, свидетельствующим о явной нетребовательности популярной артистки к своему творчеству. Телевидение, видно, пошло у нее на поводу, не проявив ни взыскательности, ни вкуса».

Сразу же после этой публикации в редакцию газеты, на телевидение, в городское управление культуры и в еще более высокие инстанции Ленинграда и Москвы хлынул поток писем. Вернее, два потока. Одни письма — в поддержку авторов заметки, другие — против. Писали целыми коллективами — НИИ, КБ, факультеты и отделения тех-

никумов, институтов; писали рабочие цехов и совхозов области, жильцы коммунальных квартир, подъездов. Большинство требовало немедленного опровержения заметки. Вот только одно из многих писем, присланных в «Ленинградскую правду»:

«В отличие от авторов заметки «Вот так «Браво!» нашей семье показалось, что выступление народной артистки РСФСР Аллы Борисовны Пугачевой на «Музыкальном ринге» вполне соответствовало сценическому образу, создаваемому актрисой на протяжении ряда лет, и осуждать ее за «развязность» и «вульгарность» — значит осуждать все ее творчество в целом. А это было бы бессмысленно ввиду ее бесспорного всенародного признания.

Те, кто писал в газету, к сожалению, не указали ни рода своих занятий, ни возраста. Я почти не сомневаюсь в том, что все это — люди средних лет и специфической социальной среды, давно утратившие понимание культурных запросов молодежи (сам я льщу себя надеждой, что благодаря общению с собственными детьми в какой-то мере сохраняю это понимание). Не понимаю одного: что за привычка к публичным обличениям! Если вам не нравится телепередача, если вы своим эстетическим воспитанием не подготовлены к ее восприятию, значит ли это, что надо тут же строчить в газету? Если что-то в передаче кажется вам «оскорбительным», стоит ли досматривать ее до конца, фиксируя все «вульгарности»? Ведь есть простой выход в таком случае: не травмируя себя, переключить телевизор на другую программу, где показывают концерт классической музыки или увлекательный детектив. Я лично, когда передача кажется мне скучной или фальшивой, всегда так и поступаю, нисколько не думая при этом навязывать свое, может быть, субъективное мнение профессионалам с телевидения, ответственным за художественное и идеологическое качество своей работы. Всей семьей просим «Ленинградскую правду» напе-

чатать это письмо в газете. Уверен, сотни других ленинградцев тоже требуют восстановления справедливости.

С уважением

Я. В. Васильков,

кандидат филологических наук».

Если бы хоть одно из подобных посланий опубликовали, возможно, инцидент был бы тут же исчерпан. Но в то время ленинградская пресса альтернативных мнений старалась не замечать.

Почему же молчали мы сами? Разве не мог «Музыкальный ринг» защитить если не свою честь (почему-то считалось, что это противоречит журналистской этике), то уж молодых музыкантов из «Браво» и представлявшую их ленинградцам Пугачеву?

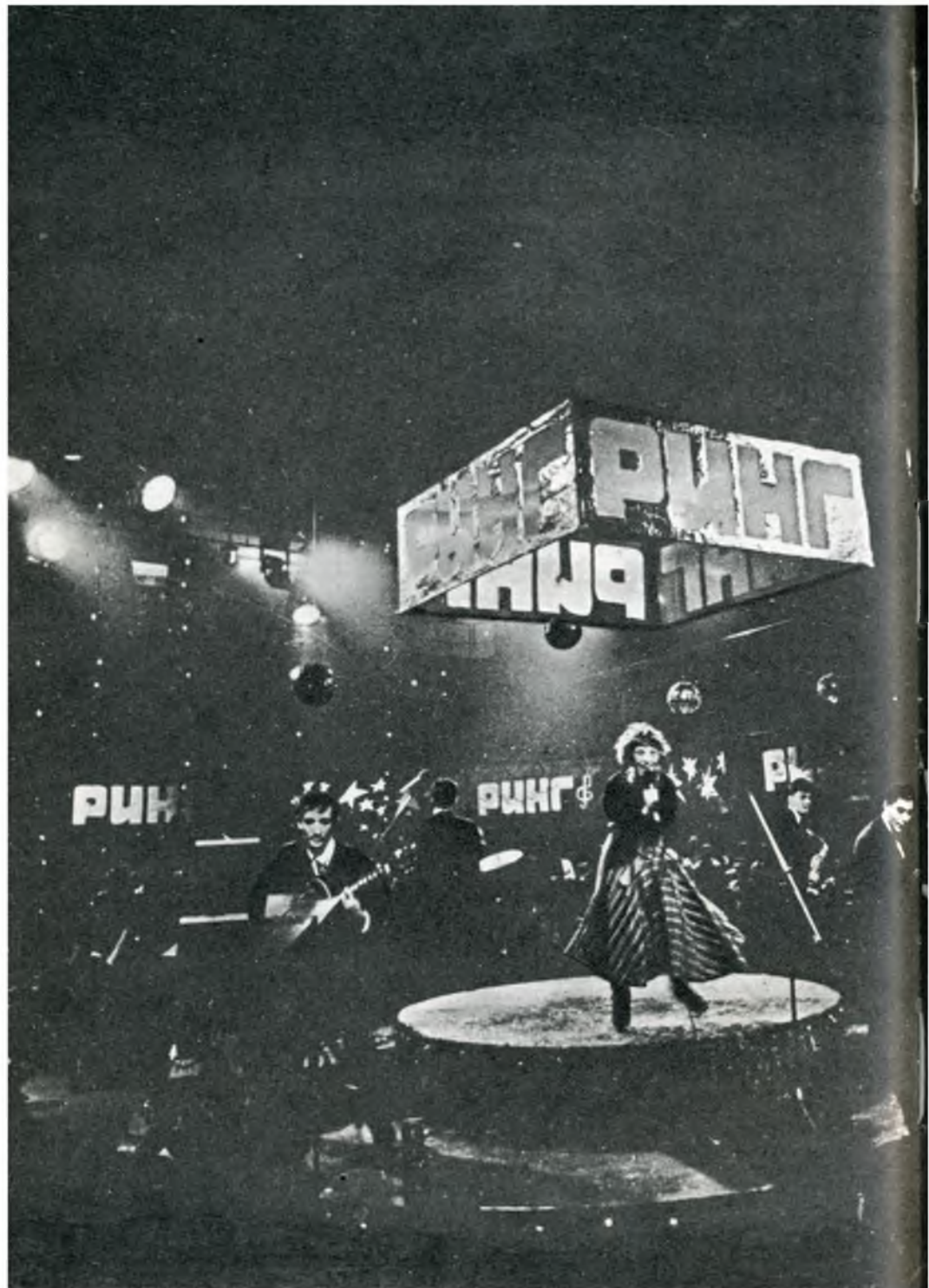
Нет, в середине 1986 года это было еще невозможно. Телевизионные журналисты с трудом сбрасывали кандалы времен застоя, с помощью которых в течение многих лет их приучали к выполнению только вспомогательных функций в вещании.

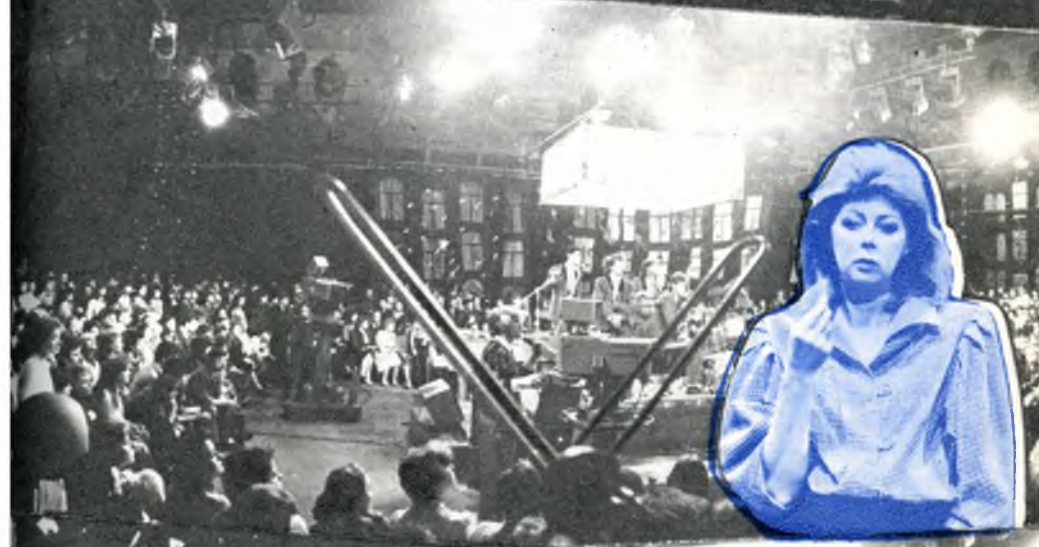
«Ваши взгляды и ваша точка зрения никого не интересуют. Нам нужны лишь посредники, которые должны представлять на экране известных в стране людей» — так в начале семидесятых годов говорил председатель Гостелерадио СССР известному телекомментатору Юрию Фокину (Фокин недавно рассказал об этом в журнале «Журналист»). Но подобное приходилось слышать, конечно, не только столичным тележурналистам, и не только в семидесятые годы.

«...Всякий раз, когда она появляется на экране, невольно хочется выключить телевизор. Откуда этот развязный тон, неуважительное отношение к телезрителям, невоспитанность? Мы уважаем и любим Ленинградское телевидение, гордимся его передачами и хотим видеть на своих экранах высокий уровень культуры, соответствующий давним традициям нашего города».

Не правда ли, звучит как повторение заметки, с которой я начала эту главу? Только

Выйдя на ринг, Пугачева своим видом поразила даже рокменов.

подпись другая — «заведующая библиотекой В. Степанова». Опубликована заметка ровно через год после той, первой. И не по поводу выступления Аллы Пугачевой на «Музыкальном ринге», а по поводу передачи «Общественное мнение» и ее ведущей, то есть обо мне. Но читаешь — будто под копирку написано.

Кто же придумал эти одинаково клеймящие фразы? Я обратилась к социологам за помощью. Очень хотелось знать, кого так раздражает, даже озлобляет появление на экране людей, нарушающих привычные рамки дозволенного. Кто усматривает в этом посягательство на культурные традиции, наследие прошлого?

Данные социологов оказались неожиданными: границы возраста этих корреспондентов размыты — от 25 до 65 лет. Социальный состав тоже — от рабочих до технической интеллигенции. Реже — творческой. Словом, тип мышления и степень эмоционального выражения мнений от возраста и социального положения не зависели. Эту категорию зрителей во многом воспитало само телевидение — вот что интересно. На протяжении долгих лет оно внушало: «Будь как все! Делай вместе с нами, но не лучше нас».

Стереотипы поступков были неотделимы от стереотипов восприятия. Поэтому такое активное противодействие вызывали передачи непривычной эстетики. А их участников, пытавшихся отойти от стандартной манеры поведения в кадре, старались заклеить позором, и публично. Дабы неповадно было выпред «вылезать» и «выделяться». Отсюда вся эта лавина негодующих писем, которая обрушивалась на «Веселых ребят» и «12-й этаж», на «Общественное мнение» и «Взгляд». Ну и, конечно, на наш «Музыкальный ринг».

...Вот уже который год мне снятся ринговские сны. Черно-белые, иногда цветные. Начинаются всегда с одного и того же плана — моего любимого, «американского»,

когда студия не имеет границ и, кажется, наполнена зрителями до горизонта.

Пожарники составляют акт на режиссера: опять вместо четырехсот человек запустили вдвое больше народа. Но попасть на «Ринг» многим же хочется!

Впрочем, пожарники — это проза телевизионной жизни. Они и не появляются в ринговских снах, разве что где-то на общем плане. А крупно — крупно всегда мое растерянное лицо. Почему, зачем меня опять — в центр студии, под перекрестный огонь вопросов телезрителей? А они уже сидят вокруг с огромными конвертами в руках и злорадно хихикают, предвкушая острое зрелище.

Каждый раз я цепенею от страха, а со всех сторон уже несетя:

— Вопрос из сектора «А»!

— Сектор «Б». Повернитесь сюда!

— Я здесь! Сектор «В».

И пошло-поехало.

«Само название «ринг» — это чистойшей воды провокация... Авторы должны ответить за все!»

Это разгневанный зритель из Ленинграда, пожелавший остаться неизвестным.

«Если не примете срочных мер к устранению передачи из эфира, следующее наше письмо будет в ЦК КПСС».

Это уже групповая атака из Москвы.

Но я храню молчание: за годы у меня в ринговских снах выработался свой прием, который еще ни разу не подводил. Он прост — всего лишь не забывать правила: на каждый удар в зрительской почте есть свой контрудар, а от любого эмоционального нападения найдется столь же эмоциональная защита.

Главное, без паники и не суетиться. Авторы сами разберутся, что к чему. Это их раунд.

Итак, вместо гонга — аплодисменты. И повторим атаку еще раз.

«Если не примете срочных мер к устранению передачи из эфира, следующее наше письмо будет в ЦК КПСС. Не считайте анонимкой, нас 10 человек!»

Фамилии ни одной, адреса тоже нет.

Тут же — контрудар:

«Я в восторге от «Ринга»! И прежде всего потому, что он помогает найти истину в искусстве и возвращает лжекумиров на землю».

Д. Шагин,

сантехник из Зеленогорска

«Выход «Ринга» на всесоюзный экран — событие в культурной жизни, так как он дает импульс для движения ума и души».

Игорь Солнцев,

студент из Алма-Аты

Поединок продолжается.

Восьмиклассница Ира Потаева:

«Зачем эта передача? Для чего? Знакомиться с певцами, музыкантами лучше всего с помощью профессионалов, которые все расскажут и объяснят, как, например, в «Музыкальном киоске».

Студент Андрей Родионов:

«Могу с уверенностью сказать, что без этой передачи моя жизнь была бы беднее. «Ринг» учит массы людей думать самостоятельно и делает это в ненавязчивой форме».

Еще удар:

«Мнения масс вообще не бывает! Разве можно так строить передачу о музыке? Кому интересно слушать мнение человека из очереди за квасом?»

Светлана Клопикова,

возраст средний

И контрудар:

«Подлинное и единственное право оценки должно быть только у нас, публики. Нет критика более объективного, беспристрастного и бескорыстного».

Евгений Крылов,

студент ЛГУ

«За» и «против», «за» и «против»...

«Послушайте, авторы! Прозрейте и запомните, что любой спор бессмыслен, так как каждый остается при своем мнении. И никакими передачами его не переубедишь».

Борис и Олеся Добровольские,

25 лет, Кишинев

«Музыкальный ринг» способен на чудеса. Всего один какой-то час — и сложившееся за годы мое собственное мнение, казавшееся непоколебимым, меняется на противоположное. Неприятие Леонтьева — на уважение к этому артисту. И наоборот — с Аллой Пугачевой. Но это не без влияния статьи «Вот так «Браво»!»

Л. Касимова,

30 лет, Ленинград

Вот и переплелись сон и действительность...

Как ни печально, но, мне кажется, выступление Аллы Борисовны Пугачевой на «Музыкальном ринге» послужило первым поводом к разрыву отношений певицы с ленинградской публикой. А оставшаяся без опровержения газетная реплика вполне могла вдохновить администрацию гостиницы «Прибалтийская» на конфликт, о котором страна узнала опять-таки с помощью прессы, доблестно исполнившей свой долг в эпоху гласности.

Впрочем, было бы несправедливо умолчать об одной публикации, которая вместо подборки читательских писем с альтернативной оценкой «Ринга» все-таки появилась в «Ленинградской правде».

«...В ответ на критику группы ленинградцев в адрес Пугачевой, а в частности на ее развязное поведение в передаче «Музыкальный ринг», редакция получила ответ от Государственного концертно-гастрольного объединения РСФСР «Росконцерт» за подписью заместителя Генерального директора В. А. Михайлова. В нем говорится:

«...«Росконцерт» не может не согласиться с мнением авторов письма, что любое выступление по телевидению должно соответствовать современным требованиям к исполнителям, к качеству отобранного для передачи материала. С этой точки зрения к участию А. Б. Пугачевой в передаче «Ринг» могут быть предъявлены определенные претензии.

По этому вопросу состоялась серьезная беседа со всеми ведущими артистами «Роскон-

црта». Их выступления по телевидению впредь будут строго контролироваться руководством и художественным советом «Росконцерта».

Вот такая заметка.

Чтобы стало понятно, что именно впредь собирались контролировать руководство и художественный совет «Росконцерта» и что, по мнению В. А. Михайлова, надлежало строго блюсти телевидению, нужно рассказать предысторию этого ринга.

Идея известного московского музыкального рок-критика Артема Троицкого воспользоваться нашей передачей и устроить дебют на телеэкране одной из начинающих рок-групп стала компромиссным вариантом и для зрителей, засыпавших нас письмами с просьбой пригласить Пугачеву на ринг, и для самой Аллы Борисовны. В роли мецената она никогда не выступала, и как актрису новое амплуа не могло не привлечь ее. К тому же солистка московской группы «Браво» Жанна Агузарова, немножко провинциалочка, немножко хулиганочка, причем с яркой индивидуальностью и артистическими способностями, чем-то напоминала Пугачеву в молодости. По просьбе московских гостей съемку назначили на 9 марта. Дата странная, если учесть, что репетиция, проводимая накануне, должна была состояться в любимый праздник всех женщин.

Откровенно говоря, даже мы с Володей не очень-то верили в приезд Пугачевой. Да и заинтересованности личной у нее не было: по телефону договорились, что она исполнит лишь одну песню в перерыве между раундами. Остальную программу готовила группа «Браво». Правда, и особого риска для телевидения не существовало: съемку провели бы в любом случае, и без Пугачевой. Но пострадал бы, конечно, престиж передачи. Уж очень ждали Аллу Борисовну в Ленинграде.

Пугачева в очередной раз удивила.

Ранним утром на перроне Московского вокзала «Телекурьер» брал у нее интервью.

Она поздравила всех ленинградонок с «единственным днем радости», а мужчины получили от «женщины, которая поет» несколько пикантных советов по части поднятия настроения своих любимых. Держалась Алла Борисовна дружелюбно, непосредственно, хотя ее экстравагантные шутки были, как всегда, на любителя. Никто не заметил и тени усталости от вчерашнего концерта в Измайлове. Как потом, во время «Музыкального ринга», никто так и не догадался, что Пугачева приехала в Ленинград больная, с высокой температурой, и первую репетицию пришлось даже провести не в студии, а прямо в гостинице.

«Прибалтийскую» Алла Борисовна считала вторым домом и всегда останавливалась в одном и том же номере. Маленький каприз звезды, а обернулся дорогой ценой, когда через год администрация гостиницы, не желая считаться с этой «блажью», в ответ на бурное негодование певицы вызвала милицию и представителей прессы. Из искры местные журналисты раздули пожар, который охватил центральные газеты, радио, телевидение. И потом даже Урмасу Отту в передаче из цикла «Телевизионное знакомство» не удалось настроить певицу на более спокойный тон: обида и оскорбление, полученные в любимом Ленинграде, не проходили.

Но утром 8 марта 1986 года еще ничто не предвещало разгоревшегося впоследствии скандала. В двухэтажных роскошных апартаментах было уютно и празднично. Кругом цветы. Тишина. Алла Борисовна, приняв лекарство, отдыхала после дороги, а мы с Артемом Троицким и ребятами из «Браво» утопали в бархатных креслах гостиной.

— Может, я и не врубилась, но, по-моему, у вас ничего не выйдет, — нервно говорила Жанна, поглядывая на широкую лестницу, которая вела в спальню верхнего этажа. — Камеры телевизионной я в глаза не видела. Что говорить, не знаю... Спеть — спую. Но ей, вы думаете, это действительно нравится?

— Кому — ей? — не поняли мы с Володей.

— Кому? Алле Борисовне, кому еще?! Она теперь моя альма-матер! Песенки без нее отбирать не велела. И прикинуть обещала — пиджачок мой ей не глянулся. А все в отпаде! Когда я ленинградский рок выдаю, такой ор стоит — будьте-нате!

Мы с Володей переглянулись. Я тоже этот безразмерный пиджачок как-то не оценила. Но больше меня смущала манера разговора — такого жаргона на ринге, пожалуй, еще не слышали. К тому же характер у Жанны, судя по всему, был пугачевский, и по некоторым репликам угадывалось: ладить друг с другом им нелегко.

А Артем Троицкий слушал и смеялся:

— Оденем, причешем и выпустим в свет новую рок-звезду — Жанну Агузарову.

— Почему Агузарову? Это фуфло, а не фамилия! Для сцены нужен псевдоним. Вы можете придумать такое имя, чтоб при одной объяве все балдели? Джосен Агу или Жанет Крошка... что-нибудь такос...

— Ладно, помолчи немного! — вмешался в разговор Евгений Хавтан.

Для руководителя группы он выглядел слишком молодо, но в «Браво» Женю ценили за высокий профессионализм и композиторский дар.

— Вы не очень-то обращайте внимание на ее слова. Это она с перепугу храбрится. А в общем, девчонка что надо. И поет ничего. Хотите, кассету поставим?..

Когда в гостиную спустилась полубольная Алла Борисовна, мы уже отслушали все пленки на кассетнике и наметили несколько вариантов программы.

— Ну что, небось довольны — сама Пугачева к вам на «Ринг» приехала? — начала хриплым голосом Алла Борисовна и, закурив, уселась на журнальный столик.

Но вскоре как-то незаметно соскользнула в кресло, и тон наигранной бравадности куда-то делся. И все стало иное — глаза другие, слова. Милый, интеллигентный, доброжела-

Характер у Жанны, судя по всему, был пугачевский, и по некоторым репликам угадывалось: ладить друг с другом им нелегко.

тельный человек, общение с которым — в радость и удовольствие. Вот бы удивились зрители, увидев на ринге такую Пугачеву!

Почти все песни, выбранные для передачи, Алла Борисовна одобрила и, сделав кое-какие уточнения, стала в деталях выяснять, какие вопросы задавали Валерию Леонтьеву, как общался он с публикой, как реагировал на каверзные выпады. Спрашивала, какую тактику лучше выбрать в общении с нашей сложной аудиторией и что зрители, приходящие на ринг, ценят, а чего не принимают вовсе. Заметив, что Жанну от одних этих разговоров трясет как в лихорадке, Алла Борисовна поспешила ее успокоить:

— Да не бойся ты так! И дрожать перестань. Все равно все вопросы на меня посыплются.

И она не ошиблась.

В день передачи 1-я студия была забита до отказа. Любители джаза, рока, эстрады, классической музыки всеми правдами и неправдами пытались добыть хотя бы входной билет. Стояли в четыре ряда. Рядом со зрителями, приславшими самые интересные письма, — работники телевидения. Рок-музыканты — бок о бок с членами Союза композиторов. Родители, дети, бабушки, дедушки...

Пожарники нервничали, но молчали, так как каждый нарушил правила сам, проведя без билета хотя бы одного знакомого.

Но мало кого из собравшихся интересовала группа «Браво», а тем более ее солистка — нескладная девчонка в непомерно широкой юбке и черной кофточке на узких сутулых плечах.

«Кошки не похожи на людей,

Кошки — это кошки.

Людам не сойти с протоптанной

дорожки,

Ну а кошки — мяу! — это кошки...».

Угловато двигаясь по центру студии, Жанна сама напоминала перепуганного котенка. Смешная и трогательная, с длинноватым

С первых минут раунда верный рыцарь Пугачевой Артем Троицкий был в полной боевой готовности.

остреньким носом и заплаканными глазами — за пять минут до съемки она вдруг разрыдалась, боясь провалиться... Но внимания не обратили ни на ее отчаяние, ни на вытертые наспех слезы. Все взгляды были прикованы к знаменитой покровительнице «Браво», сидевшей в первом ряду.

Пугачева появилась на ринге в сопровождении внушительной свиты: Артем Троицкий, директор ансамбля «Рецитал» Евгений Болдин и ленинградский композитор Александр Колкер. Вид ее поразил даже рокменов, собравшихся посмотреть на певицу, к которой в рок-клубе относились с большим уважением. Черные обтягивающие рейтузы. Простая рубашка навыпуск с кожаным галстуком и «лохматенькая» прическа, вошедшая в моду только через год.

Такое не показывали тогда даже в «Мелодиях зарубежной эстрады». И, естественно, часть телезрителей приняла этот непривычный имидж как оскорбление достоинства почтенной публики. Но на молодежную аудиторию «Ринга» ожидаемый эффект был произведен, и Аллу Пугачеву, экстравагантную и демократичную одновременно, эта аудитория сразу признала своей.

При внешней непринужденности внутренне Пугачева оставалась как туго сжатая пружина. Следила краешком глаза за залом, ни минуты, видимо, не сомневаясь, что на ринге ей предстоит серьезное сражение. Вероятно, наслышалась от Кузьмина и Барыкина о не знающей почтения ринговской публике и ждала, что в студии соберутся не одни только ее поклонники, готовые сутки напролет топтаться под окнами гостиницы, посылать по почте любовные послания, создавать ажиотаж в концертных залах. Придут и недоброжелатели, направляющие в разные инстанции гневные письма с требованием «поставить на место разнузданную эстрадную диву», запретить ее выступления по телевидению и в концертах, так как она не соответствует их представлениям о советском эстрадном певце.

Ожидание встречи с людьми, тебя не признающими, у кого угодно вызовет волнение. Никакая улыбка не могла скрыть от глаз телекамер состояние певицы в первые минуты передачи. И, глядя на экран, трудно было сказать, кто больше переживал: Жанна, прыгающая в центре круга, или Алла Борисовна, наблюдающая сбоку за тем, как принимают дебютантку.

Как только отзвучала песня, внимание полностью переключилось на Пугачеву.

З р и т е л ь. Алла Борисовна, вы, наверное, отсмотрели не одну группу, прежде чем остановиться на этой. Есть такое известное высказывание Эдит Пиаф: «Певцов много — дайте мне личность». Как вы относитесь к такой постановке вопроса и что в этом смысле означает ваш выбор?

П у г а ч е в а. Я согласна с высказыванием Эдит Пиаф. Личность нужна. И, конечно, Жанна не стояла бы на этой сцене, не участвовала бы в этой передаче, если бы она не была личностью.

З р и т е л ь. Потенциальной или уже сложившейся?

П у г а ч е в а. Сложившейся, не сомневайтесь!

З р и т е л ь. Алла Борисовна, насколько я понял, вы берете некоторые молодые группы, в частности «Браво», под свою опеку. Какие цели вы преследуете? Хотите помочь им достичь коммерческого успеха или хотите оказать влияние на их творческое развитие?

П у г а ч е в а. На этот вопрос очень просто ответить. Я уже старая, большая женщина. И мне хотелось бы видеть какую-то замену себе. Разве вы не знаете, как тяжело пробиваться у нас молодым певцам? Особенно начинающим. Им некому помочь. И на телевидение их не берут, и записей не делают. Я стараюсь помочь чем могу. Кроме того, я прошла уже большой путь на эстраде, и у меня есть опыт и находок и ошибок. И все это я должна, как я считаю, кому-то передать. Думаю, что Жанна и ребята из «Браво» просто созданы

для того. А я у них беру молодость, азарт и, может быть, желание дальнейшей работы.

Зритель. Тут прозвучало, что Алла Борисовна покровительствует группе «Браво». Формулировка, по-моему, ужасная: Алла Борисовна помогает, растит, но только не покровительствует. Это дело в высшей степени благородное.

Пугачева. Спасибо, но я им не помогаю, я им просто не мешаю.

Зритель. Тоже хорошо. Но хотелось бы уточнить у Жанны: в процессе этого «немешания» бывают у вас какие-то крупные споры? Приходится ли вам что-то ломать в себе или вы вынуждены во всем с Аллой Борисовной соглашаться? Тяжело ли вам с ней, когда она вам «не мешает»?

Пугачева. Говори уж правду!..

Агузарова. Да, бывает очень тяжело, вы это прекрасно сами понимаете. У меня тоже характер, и поэтому приходится иногда переступить через себя.

Колкер. Жанна, я слушаю вас и думаю, какой вы счастливый человек, что у вас есть Алла Пугачева. Если бы у каждого из нас в жизни была такая Алла Пугачева — было бы прекрасно. Как часто в жизни нам этого не хватает! А вы, Жанна, счастливый человек. Никого не бойтесь — вы молоды, музыкальны, замечательно поете. Перестаньте волноваться и улыбнитесь!..

Пугачева. Я знаю, как Жанна сегодня волнуется. Она впервые на телевидении. И я думаю, название группы «Браво» идет еще и от того, что, когда Жанна нервничает, у нее появляется некоторая бравада. Я хотела бы, чтобы вы присмотрелись к ней внимательно. Сначала через песни, а уж потом оценивали, как она отвечает, как заикается в этот момент. Потому что смелость и уверенность приходят не сразу. За мной уже закрепился этот имидж — что я за словом в карман не полезу. Этого вначале не было. Я как вышла первый раз на телевидении — у меня язык к небу придох. И о чем бы меня ни спрашивали.

я просто немела. Все считали, что я туповатая немножко. А вот жизнь меня научила. Потому что жизнь — это борьба. И мне очень нравится ваша передача. Вы нападайте, нападайте! Но учтите, не на все вопросы Жанна сможет сегодня ответить так, как вам бы этого хотелось. Это ее первое сражение».

А Жанна тем временем стояла в стороне, сжавшись, стараясь быть как можно незаметнее, и исподлобья следила за поединком на ринге. То ли радовалась, что не она в центре внимания, то ли сожалела. Глядя на экран, понять это было невозможно, потому что телеоператоры увлеклись съемкой звезды, и Володе то и дело приходилось с пульта кричать в наушники: «Ну где Жанна?.. Кто-нибудь, ловите выражение ее лица!.. Почему все камеры на Пугачевой?!»

Но едва услышав обращенный к ней вопрос, Жанна встrepенулась и расправила плечи.

— Почему ваша группа называется «Браво»? Нет ли в этом некоторой претенциозности?

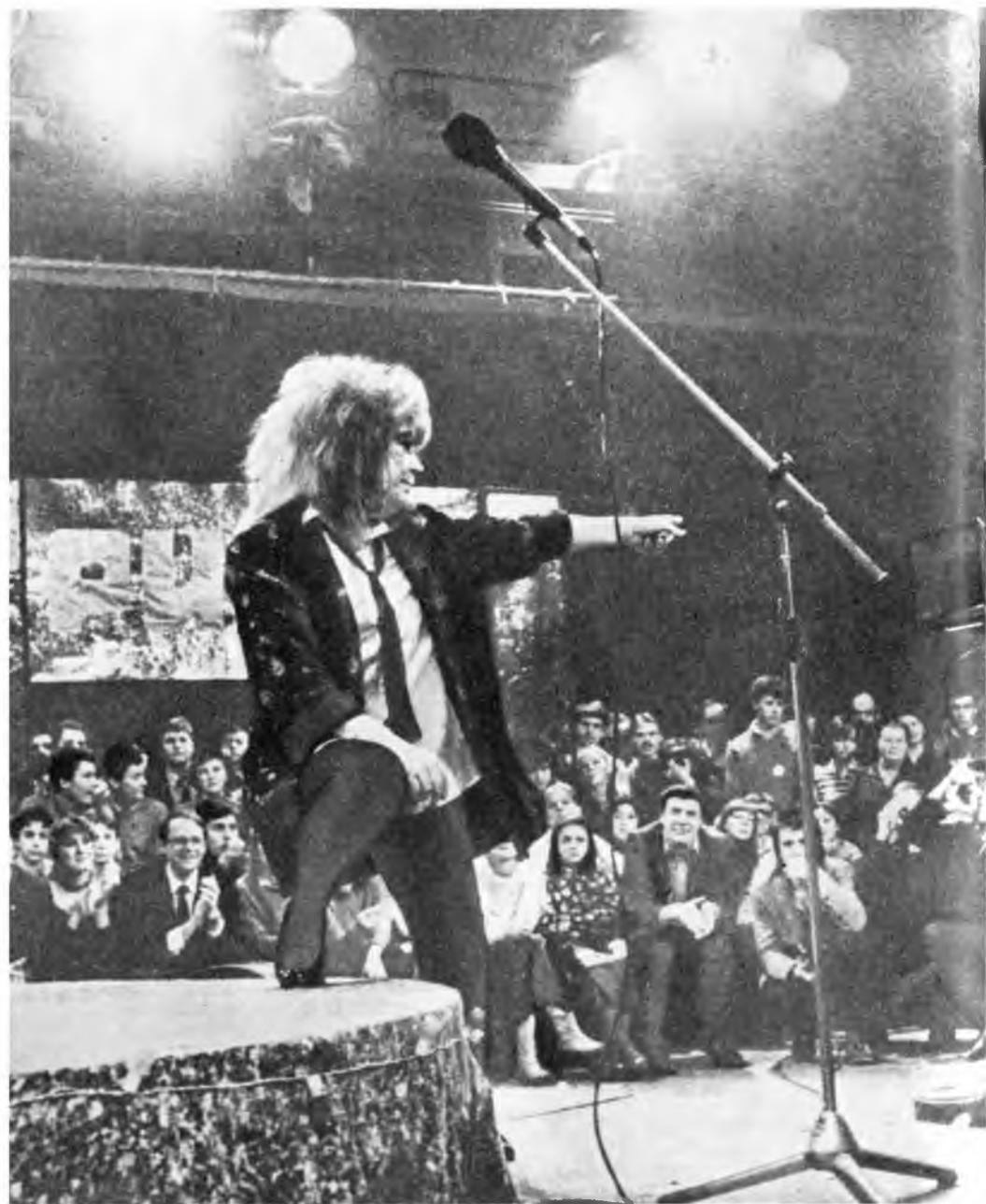
— На первом концерте кто-то крикнул: «Браво!» — вот и название, — сдержанно ответила она и посмотрела на Артема Троицкого. Он, подбадривая, кивнул.

— Жанна, вопрос из сектора «А»! Песни, которые вы так здорово поете, напоминают музыку шестидесятых годов. Последняя песня была похожа на «...Я иду, шагаю по Москве». Скажите, ваш костюм — он как-то помогает раскрытию образа песен тех лет?

— На этот вопрос отвечу я! — поспешила на помощь Алла Борисовна, поймав растерянный взгляд своей подопечной. — Я просила тебя, Жанна: не беспокойся и говори правду. — И совсем другим, вызывающим тоном добавила: — Откуда у нее костюм, молодой человек? Это моя юбка, мои сапоги. Это мой пояс.

Жанна то белела, то краснела. А Пугачева, как орлица, продолжала защищать своих птенцов:

Зрительница. У меня тоже вопрос к Жанне. Вы не боитесь стать второй Аллой Борисовной?

Агузарова. Не боюсь!

Пугачева. Как же она может стать Пугачевой, когда Пугачева — одна!..».

И обе сверкнули глазами друг на друга. Телекамеры поймали этот взгляд. Володя показал мне — пора делать перерыв. Обстановка накалилась, и мы должны были предусмотреть возможные последствия встречи двух «поющих женщин» — ведь каждая обладала непростым характером. Но я решила рискнуть. Уж слишком интересно развивалось действие на ринге.

«Зритель. Алла Борисовна, а вы не боитесь, что ребята из «Браво» или какая-нибудь другая группа, которой вы помогаете, в конце концов станут вашими конкурентами и, может быть, когда-нибудь потеснят вас?

Пугачева. Вы знаете, не боюсь! Если так произойдет, то я попрошусь к ним на работу менеджером, директором коллектива, режиссером. У меня есть несколько профессий. Конечно, я не буду до старости петь. Этого ни мне, ни вам не надо.

Зритель. Мне кажется, своими вопросами мы сами заставляем Аллу Борисовну выступать в роли покровительницы. А мы все-таки сегодня слушаем группу «Браво». Давайте переключим вопросы на ребят.

Пугачева. Вообще, когда я слышу о себе — «покровительствует», я чувствую себя как пиковая дама, словно мне лет сто. Посмотрите на меня! *(И вдруг, подбоченясь, выскочила на середину студии.)* Я молодая, красивая... Хватит мне говорить о том, что я старая и больная! Это была моя шутка в на-

*— Посмотрите на меня!
Хватит мне говорить о том, что я старая и больная! Это была моя шутка в начале передачи, и я от нее публично отказываюсь!*

— Да мне вопросы задавайте!.. Я уже освоилась...

чале передачи, и я от нее публично отказываюсь!»

Этот блестящий актерский эпатаж студия встретила восторженными аплодисментами и возгласами: «Браво, Алла!» А реакцию некоторых телезрителей вы уже знаете: «Развязная, даже вульгарная манера...», «Телевидение пошло у нее на поводу...».

Очевидно, имевшие подобное мнение предполагали, что Владимиру Максимову следовало немедленно спуститься с режиссерского пульта и призвать певицу к порядку.

Между тем на ринге звучали все новые вопросы.

З р и т е л ь. А как вы смотрите на то, чтобы самой выйти на ринг с «Рециталом»?

П у г а ч е в а. Охотно! Пригласите!

З р и т е л ь. Мы вас приглашаем.

П у г а ч е в а. А я согласилась!»

Так ответить могла только она, Алла Борисовна. И это шло ей, отвечало ее харак-

теру, имиджу. В этом проявлялись ее творческая индивидуальность, своеобразная прелесть и обаяние ее личности. Но как противоречила такая манера поведения шаблонным представлениям о скромности!..

В озорной, раскрепощающей атмосфере ринга Жанне Агузаровой наконец-то удалось преодолеть застенчивость. И когда раздался очередной вопрос, обращенный к Пугачевой, она воскликнула:

— Да мне задавайте! Ну что вы, в самом деле... Я уже освоилась тут у вас вполне.

«З р и т е л ь. Но мне... хотелось бы услышать кое-что как раз не от вас, а от Пугачевой. Что привлекает вас в Жанне больше всего? И от чего вы, опираясь на свой опыт, хотели бы предостеречь ее?»

П у г а ч е в а. У нее, конечно, есть и сильный характер, и темперамент, и настойчивость, и упрямство. И своеобразный голос. Но главное, вы знаете, у нее есть цель и убежденность. Без убежденности в том, что ты делаешь именно что-то свое, на сцену выходить не надо. И я верю, Жанна будет отстаивать свое слово на эстраде. Ей даже и помогать в этом не надо. Но от одной ошибки я хотела бы предостеречь, и не только ее, а вообще молодых, начинающих. Это от оглядки, что ли... Когда ты поешь, живешь и действуешь с оглядкой, то это уже все — ты не артист и не певец. Самое главное — безоглядность и убежденность. Это должно быть в каждом, кто выходит на сцену в таком нелегком жанре, как эстрадная песня.

З р и т е л ь. Жанна, а по Центральному телевидению вас можно посмотреть? Например, в программе «Веселые ребята» и в «Что? Где? Когда?»

П у г а ч е в а. Это вопрос ко мне. Я должна сказать, что меня одолевали сомнения. Раньше времени я не хотела показывать эту группу. Им нужно было как следует и одеться и записаться. Но сейчас я хочу сказать, что очень благодарна всем, кто пригласил нас сюда. Мне очень понравилась ваша доброе-

лательная обстановка. И если бы у меня была возможность сниматься только на Ленинградском телевидении, я бы снималась только на Ленинградском телевидении».

Ей действительно понравилась атмосфера ринга. И когда прозвучал сигнал гонга на перерыв, все отправились в экспресс-бар в прекрасном настроении. Жанну и ребят из «Браво» сразу же окружили плотным кольцом.

— Какими вы видите себя лет через пять? — спросил один из зрителей.

Евгений Хавтан ответил:

— Да что вы — пять лет! Даже думать пока об этом страшно, что будет через пять лет. Мы ведь только год как выступать начали. Подождите немножко. Нам нравится музыка шестидесятых годов, нравятся Петров, Саульский. Это музыка хорошая и добрая, музыка наших отцов. Наши песни близки духу тех лет, и мы, может быть, попытаемся создать свою музыкальную моду. Вот Жанна, смешная девчонка, почти клоунесса. Помните, фильм такой был — «Смешная девчонка»? Сколько там обаяния! Но современно ли это? Посмотрим, как этот стиль будет воспринят. Во всяком случае, попытаемся сделать что-то свое.

Года через два после того ринга в сюжете о современной моде я как-то увидела по ЦТ Жанну. В знакомом пиджачке с чужого плеча, в ботиночках-колодках, за которыми гонялись тогда поклонники группы... Смешно размахивая хвостом-косичкой, прикрепленной на затылке «за три волосинки», она объясняла ведущему, что значит стиль «Браво» и как ее костюм, прическа методом от противного подчеркивают беззащитную женственность. Репортер серьезно слушал и согласно кивал. А я смотрела и вспоминала рыдающую перед съемкой девчонку, которая боялась запутаться в непривычно длинной и широкой юбке Пугачевой и не желала выступать при таком большом скоплении народа в студии!

А еще через несколько дней я встретила Агузарову в той самой студии, где она дебюти-

рвала на телевидении. Готовился телемост Ленинград—Лондон с участием виднейших английских и советских рок-музыкантов 1988 года.

— Ты не сможешь мне прикрепить эти розы на пиджак? — спросила Жанна. — Стебли длинные, колючие, никак не держатся, а через пять минут эфир.

Я позавидовала ее фантазии: белые розы с зелеными листьями во всю длину бессменного черного пиджака.

Пришивая очередную розу к плечу, я осторожно сказала:

— За эти два года некоторые группы уже по второму разу побывали на «Ринге». Можно было бы и вам подумать...

И, подняв глаза на Жанну, тут же укололась — у розы оказались большие шипы.

— А зачем мне это нужно? — ответила Жанна, не заметив капельки крови, упавшей на лепесток. — Я и так собираю целые стадионы. Кручусь сама. Да и ЦТ помогает — видела, какие клипы снимает? Класс! Да ты не расстраивайся, — продолжала она, — я с ребятами поговорю. Может, и захотят вспомнить молодость. Позвони как-нибудь Артему. Он все про нас знает.

Но Артему Троицкому мне звонить расхотелось, особенно после того, как в журнале «Музыкальная жизнь» я прочитала несколько строчек из рок-панорамы: «Когда узнаешь, что на «прокатную» стезю встал очередной симпатичный молодой коллектив, становится как-то тревожно за их творческое будущее. Пример группы «Браво», «катающей» уже два года одну и ту же программу, должен служить укором и предостережением».

Может, потому-то и следовало музыкантам из «Браво» как можно скорее снова выйти на ринг? Но для этого нужна была внутренняя потребность. А без нее и вправду не стоило.

...Однако пора вернуться в студию, где шел наш «Музыкальный ринг».

В следующем раунде участвовали сразу три группы ленинградского рок-клуба. Несколько

— Вот Жанна, смешная девчонка, почти клоунесса. Но современно ли это? Посмотрим, как этот стиль будет воспринят.

экстравагантные названия — «Кофе», «АВИА», «Телевизор», — единственное, что объединяло их. Выступали музыканты в разных «весовых категориях».

Группа «Кофе» получила нокаут уже через пятнадцать минут, хотя исполняемые ею песни «Зеро» и «Буратино» пользовались большой популярностью среди подростков, которых привлекали казавшийся им суперсовременным язык и элементы стиля «панк».

В отличие от «Кофе» музыканты из «АВИА», подчеркнуто аккуратные, в комбинезонах, с короткой стрижкой, сразу же привлекли внимание зрителей своим необычным составом: ксилофон, саксофон, аккордеон и клавишные. А композиции «Шла машина грузовая...» и «АВИА» своей яркой образностью, ироничными интонациями произвели такое впечатление на композитора Александра Колкера, что он пригласил начинающих самодеятельных инструменталистов в Театр музыкальной комедии — попробовать свои силы в написании музыки к театральным спектаклям.

Но с особым интересом ждали на ринге появления третьей группы, «Телевизор», и ее лидера, двадцатитрехлетнего студента ЛГУ Михаила Борзыкина.

Как и его предшественники, Михаил впервые оказался перед объективами телекамер. Однако то ли он был увереннее в себе, то ли название группы помогало, но «Телевизор» легко, с первой же песни начал завоевывать зрительские симпатии.

«Трудно стоять на тонких ногах.
Загнанный в угол четвероногий
Испуганно ждет щелчка
В уютной чужой берлоге.
Эй, там, на кухне, закройте дверь!
Пахнет паленым, хочется ветра.
Полированный стонет зверь
В чьих-то квадратных метрах,
Оставьте меня, я живой!
«С вами говорит телевизор».

Я буду думать своей головой!
«С вами говорит телевизор».
Я не хочу называть героев!
«С вами говорит телевизор».
Я не хочу говорить о крови!
Двести двадцать холодных вольт,
Система надежна, она не откажет.
Вечер не даст ничего —
Программа все та же.
А люди едят. И им хорошо.
Это век электрических наслаждений.
Мне предлагают электрошок,
Но я предчувствую крушение...».

На этот мрачный финал мало кто тогда обратил внимание. Да и не думаю, чтобы слова песни с первого раза все услышали так, как следовало бы. Поэтому вопросы к Михаилу носили поначалу разведочный характер.

З р и т е л ь. На те группы, которые мы сейчас слушали, реакция была однозначной. На первую группу, «Кофе», отрицательная. Вторая, «АВИА», понравилась, даже очень. А вот вашу группу мы как-то не можем распробовать. Интересно, что вы сами на этот счет думаете?

Б о р з ы к и н (*мягко, но с достоинством*). Я думаю, что это хорошо. Я не хотел бы, чтобы меня сразу распробовали.

З р и т е л ь. А меня интересует, из какого источника вы черпаете свое вдохновение?

Б о р з ы к и н. Из жизни.

З р и т е л ь. Но любой исполнитель или творец — это человек, который увидел то, чего не видят другие, выстроил и адресовал публике.

Б о р з ы к и н. Понимаете, видят-то многие, а вот смелости высказать почему-то хватает лишь у некоторых.

З р и т е л ь. Значит, вы считаете, что ваши песни должны что-то нести в массы?

Б о р з ы к и н. Наша цель сегодня — чтобы нас услышали. А понимание придет.

З р и т е л ь. Миша, мне хотелось бы вас

Несколько экстравагантные названия — «Кофе», «АВИА», «Телевизор» — единственное, что объединяло эти три группы.

поддержать. На мой взгляд, ваша группа неординарная. И, подумав над вашими песнями, я завтра мог бы их глубже оценить. Почему же тут некоторые считают, что в такого рода песнях можно разобраться с ходу? Ефремов, главный режиссер МХАТа, посмотрев в БДТ оперу присутствующего здесь уважаемого композитора Александра Колкера «Смерть Тарелкина», на вопрос в фойе «Ну как вам?» ответил: «Подождите, дайте мне недели две подумать, тогда я вам скажу, что это такое». По-моему, группа весьма и весьма интересная. Не надо торопиться в оценках. И пусть это прозвучит с юношеским максимализмом. поэзия здесь глубокая.

Б о р з ы к и н. Тогда я, пожалуй, еще спою».

И он запел:

«Муха на стекле — смешно,
Муха бьется о стекло давно.
Муха на стекле права,
Муха знает все слова,
И пока она жива,
Будет угождать только вам.
Пустота здесь, пустота там,
Почему-то всем нужна суета —
Чтобы не летать!...»

Когда песня, в которой рефреном повторялись слова «Чтобы не летать!», смолкла, разгорелась дискуссия: что хотел выразить автор? Кто-то требовал большей ясности, кто-то, напротив, негодовал — мол, некоторым мало самой песни, подавай им дополнительные разъяснения!

Возник и другой вопрос.

«З р и т е л ь. Скажите, Михаил, как вы относитесь к тому, что «Телевизор» похож на «Аквариум»? У вас одни и те же музыкальные интонации, меланхолия, отключенность от внешнего мира. И так же в каждой песне одно местоимение — «я», одни личные переживания. Но у Бориса Гребенщикова это более ярко сделано. Сознательно ли вы идете на повторение?»

З р и т е л ь. Позвольте мне как Мишину другу сказать: что касается сходства с Гребенщиковым, Миша обладает достаточно самостоятельной индивидуальностью и собственным внутренним содержанием. Так что если кто-то увидел здесь вторичность, то это ошибка.

П у г а ч е в а. Я не знаю вашего Гребенщикова. У меня такое ощущение, что «Аквариум» — это что-то такое, с чем мы должны все время сверяться. Это эталон какой-то? Я видела Гребенщикова как-то, когда приезжала в Ленинград. Правда, не произвел он на меня впечатления — что-то такое занудное и мрачное. А вот на телевидении его сняли — мне понравилось. То есть в какой-то ситуации и ваш неповторимый Гребенщиков может проиграть. И, наверное, песни этого молодого человека, Михаила, тоже надо рассматривать как иллюстрацию к тому, что он делает. Вот стоит автор, и мне понравились его песни. И меня поразило ваше возмущение: почему он «якает»? Мне тоже всю жизнь говорят, что я «якаю». А от чьего «я» мне петь — от вашего? Я же вас не знаю! Я знаю свой внутренний мир, от него иду. Знаю, что творится вокруг меня. Но мне просто страшно иногда высказать свое мнение в песне, потому что вы почему-то считаете, что мое мнение должно совпадать с вашим. Совпадает или не совпадает — да не в том дело. Кто будет диктовать Мише, о чем ему петь? Вы? И как он должен песню преподносить... Вы? Это его мироощущение, его настроение. Вы можете это принимать или не принимать, а скорее всего, понимать или не понимать. Но не диктовать. Так же нельзя... Миша, как познакомиться с вашими песнями? Вы не против, если я что-нибудь исполню?

Б о р з ы к и н. Это сложный вопрос. Я должен подумать. Я так много вкладываю в песни, что мне хотелось бы, чтобы они звучали именно о том, о чем написаны. Чтобы не изменился смысл. Нам надо обязательно поговорить сначала.

Пугачева. Мне будет нелегко, предупреждаю заранее. Я не очень умею петь такого плана песни. Поэтому хорошо бы познакомиться с текстами. Можно?

Борзыкин. Можно».

И тут кто-то закричал:

— Миша, примите мой совет, не отдавайте ей своих песен! Она все испортит, она работает на эстраде!

От неожиданности у Пугачевой чуть микрофон не выпал из рук. Но реакция у нее мгновенная. Только тень пробежала по лицу, и в следующий момент — улыбка на камеру:

— Ну так что, значит, у Миши эти песни получатся лучше, чем у меня или у кого-то еще?

Раздались возгласы:

— Лучше! Лучше!

— Вот видите, как я спровоцировала вас! Заставила признать, что он — индивидуальность. Значит, все-таки у него есть свое лицо! Это его лицо, Михаила Борзыкина, а не Гре-

От неожиданности у Пугачевой чуть микрофон не выпал из рук. Но реакция у нее мгновенная. Только тень пробежала по лицу.

бенщикова. И не мое. Вот к этому я и хотела вас подвести!..

Все заплодировали, но тучи сгущались. Самое время было дать сигнал к окончанию раунда и пустить финальную песню «Телевизора».

В эфире именно так и завершалась передача. На съемке же произошло и кое-что еще. До сих пор мы с Володей не знаем: покажи мы тот эпизод в эфире, может, и не появилась бы в газете злополучная заметка «Вот так «Браво»!». Но какой была бы реакция массового зрителя на случившееся, предугадать невозможно: слишком яркие лучи направил в финале «ринг-рентген» на участников встречи.

Позже мы условно назвали этот эпизод «признанием в любви». Героем его оказался один из постоянных наших телезрителей, капитан 1-го ранга, регулярно присылавший в редакцию прекрасные письма. Человек скромный, даже застенчивый, он предпочитал в кадре не мелькать, а своими впечатлениями делился исключительно в письменном виде. Но на этот раз, видно, что-то дрогнуло в его душе, и он взял микрофон в руки:

— Я человек не молодой и видел истоки ленинградской рок-музыки еще в начале семидесятых. «Телевизор» мне кое-чем нравится. Но я в корне не согласен с Пугачевой.

— Это в чем же? — возбужденно воскликнула Алла Борисовна и мгновенно вылетела на середину студии. — Это в чем же вы не согласны? Признавайтесь откровенно!

Но и сам капитан, вероятно, удивляясь своей смелости, отчаянно кинулся навстречу певице:

— Я не согласен с вашей позицией в творчестве, если угодно!

— А если не угодно?

— И тогда тоже не согласен! Возьмите вашу последнюю программу, которую вы привозили в Ленинград. Фурор, успех, а о чем вы пели? В стране такое происходит, а вы все «я» да «я»!.. Даже неудобно как-то.

Оба заводились все больше и больше, а ошарашенные зрители даже привстали с мест.

Пугачева:

— Так вам это не понравилось?

Капитан:

— Не понравилось!

— И прекрасно! Не для вас я пела!..

— Я вас очень люблю, Алла Борисовна...

— Не надо мне признаваться в любви!

Знаю я ваши признания!.. Вы и вышли-то сюда только затем, чтобы завтра похвастаться перед приятелями: «Вон, мол, я какой крутой, с самой Пугачихой на телевидении поспорил!

И мы испугались, что в порыве нахлынувшей ярости она стукнет маленького капитана микрофоном по голове.

Камеры наконец прорвались сквозь толпу и окружили спорящих. Операторы, не пони-

— Я в корне не согласен с Пугачевой.

— Это в чем же?

мая толком, что происходит, снимали двоих со всех точек.

А капитан разошелся не на шутку:

— Вы представьте себе, что каждый с эстрады будет только «якать»: про свою любовь, свои чувства... Что тогда будет?

— Не все! Только те, у кого есть собственное «я».

— Но на это «я» нужно иметь право!

— Я имею право! Вы болтаете тут, а я двадцать лет работаю на эстраде. Седая уже стала! «Это пойте, это не пойте...». Только и слышишь — от «Росконцерта» одно, от «Мелодии» другое. Радио, телевидение — все диктуют, все учат, как надо петь и что говорить. Что это за жизнь! — И она в отчаянии заломила руки.

— Алла Борисовна! — вдруг испугался капитан. — Вы заслужили право петь от своего имени... Но только вы. Только вы! И пойте! — кричал он, начиная понимать, что с певицей происходит что-то неладное.

— Почему это только я? — уже не могла контролировать себя Пугачева. — Почему только я?

— Потому что у нас нет больше личностей! — выкрикнул капитан и посмотрел на всех безумными глазами.

— Вы глупости говорите! Такие, как вы, не дают личности в нашей стране развиваться! — И в сердцах добавила: — А ну вас тут всех... Устала я...

И, положив микрофон на пол, пошла к выходу из студии. А за ней — верные рыцари Артем Троицкий и Евгений Болдин, приговаривая:

— Алочка, деточка, мы же предупреждали тебя... Здесь выигрывает только тот, у кого крепкие нервы. А ты расслабилась. Зря, деточка. Это же всего лишь игра...

«Пугачевского бунта» никто не видел даже в ленинградском эфире. Вместо него прозвучала последняя песня «Телевизора». Правда, Михаил Борзыкин опять пел от своего «я», но, надеюсь, в этом «я» уже слышалось «мы».

«Я не виноват, что родился.
Я не виноват, что умру.
Я не виноват, что учился
Правильно играть в игру.

...Встаньте за меня на колени,
Бросьте на меня сильный взгляд.
Я один, а вас — поколение.
В чем же я тогда виноват?»

БОЯРСКИЙ
без маски

...Последние минуты перед началом «Музыкального ринга» с Михаилом Боярским. Чтобы вы могли почувствовать напряженность предсъемочной атмосферы, попробую описать ее подробнее.

Вот из гримерной выходит Боярский и порывисто направляется в студию.

Внешне он спокоен, хотя чуть бледнее обычного. Может быть, лицо так тонировано. А может, от волнения — ведь сегодня ему предстоит главная роль в необычном спектакле без заранее написанного текста.

Его партнеры — зрители, которым тоже предстоит сыграть в этом действе немаловажную роль, — уже успели устать. Световая, звуковая репетиция, проведенная специально для них в студии под жарким, слепящим светом ламп, сначала вызывала интерес, но быстро надоела. Скорее бы съемка!

Звукорежиссер, закончив проверку микрофонов в секторах и на площадке в центре, сел за свой пульт в аппаратной, чтобы еще раз послушать, как работает связь с ведущей (вдруг откажет в самый неподходящий момент?).

Режиссер, словно дирижер большого оркестра, сосредоточенно следит за дюжиной расположенных перед ним маленьких экранчиков-мониторов, на которые поступают изображения со всех камер.

Какую «картинку» первой выдать в эфир?

Ассистент режиссера по телефону дает команду в аппаратную видеозаписи:

— Приготовиться! Пошел ракорд! Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один, ноль. Внимание, можно работать!

Режиссер — на пульте перед ним целая клавиатура, десятки разноцветных кнопочек и рычажков — нажимает одну из кнопок, и на эфирном мониторе появляется первый кадр передачи.

В этом кадре — общий план студии, снятый камерой с самой верхней точки. На его фоне — ведущая, то есть я. Нахожусь я в

режиссерской аппаратной, которая расположена на втором этаже студии и отделена от зала большой стеклянной стеной. Оттуда удобнее наблюдать во время записи за тем, что происходит и в самой студии и на экране. Но телезрители всего этого не знают. По характеру изображения в эфире у них возникает ощущение, что они видят интерьер комментаторской кабины.

— Крупный план Тамары! — командует режиссер. — Отмашка!

Телеоператор опускает поднятую руку. Это сигнал к началу действия, и я, сосредоточив взгляд на объективе камеры, обращаюсь к зрителям:

— Добрый вечер! Как мы с вами и договорились, сегодня в эту студию войдет тот, кто получил наибольшее количество зрительских

Режиссер нажимает одну из кнопок, и на эфирном мониторе появляется первый кадр передачи.

«...Пригласите Боярского на ринг, потому что ринг, как рентген, просвечивает насквозь. Пусть все увидят, какой он на самом деле!»

писем и заявок с просьбой пригласить его на «Музыкальный ринг». Да и могло ли быть иначе, когда в адрес этого исполнителя приходят вот такие письма: «Пишет вам бригада девушек-маляров из Омска. Мы просим очень, очень, очень, очень... — и тут еще три строчки «очень», я, с вашего позволения, их читать не буду — ...пригласить на «Ринг» Михаила Боярского. Мы желаем ему на «Ринге» по-сибирски чистого воздуха, нежной песни и красивой победы». И двадцать восемь подписей.

Но если вы думаете, что это самое большое коллективное письмо, то ошибаетесь. У меня есть и побольше. Вот письмо из Таллина, от офицера Военно-Морского Флота Назарова: «Выражаю общие интересы и мнение военной публики. Мы хотим, чтобы на следующем «Ринге» во всей своей красе перед нами предстал уважаемый, почитаемый, известный, популярный, горячо любимый — да, да, я без тени иронии — Михаил Боярский. И со мной подписываются 35 человек в возрасте до 23 лет».

А теперь, — продолжаю я, — представьте себе такую же восторженную почту от тех, кому за тридцать, и еще более восторженную — от тех, кому до шестнадцати, и вы поймете мои сомнения: о чем спорить, если Михаил Боярский выйдет на «Музыкальный ринг»? Но приведу одно письмо от телезрителя Иванова из Ленинграда:

«Дорогие товарищи! Вы что, действительно хотите пригласить на «Ринг» Боярского? Не вздумайте этого делать! Эта мешочно-

блечная популярность его у 14—16-летних недорослей и так, по-моему, до того вскружила ему голову, что он возомнил себя великим певцом. А голос-то у него хрипловат, да и актеры, согласитесь, есть у нас получше. Впрочем, нет, пригласите Боярского на «Ринг», потому что «Ринг», как рентген, просвечивает насквозь. Пусть все увидят, какой он, этот Боярский, на самом деле!»

Действительно, подумала я, пусть все увидят. И пригласила Михаила Боярского на наш «Музыкальный ринг»!

Такими словами закончила я свой вступительный монолог.

На самом деле приглашение, которое Боярский принял в конце 1986 года, было не первым. В течение полутора лет мы несколько раз пытались устроить встречу с артистом на «Ринге».

Инициативу всегда проявлял Володя. Он был знаком с Боярским еще со студенческих лет: учились параллельно в ленинградском театральном институте. Один — на актерском, другой — на факультете телевизионной режиссуры.

Когда Володя был на четвертом курсе, ему доверили самостоятельную режиссерскую работу — цикл передач, в который на роль ведущего он пригласил никому тогда не известного студента-третьекурсника Михаила Боярского. Это был конец шестидесятых годов, поэтому появление на экране молодого человека с прямыми, до плеч волосами, с усами, в черном свитере, да еще с гитарой могло вызвать у студийного руководства только одну реакцию. Начинающий режиссер тут же получил выговор в приказе. Боевое крещение в эфире двух студентов театрального института состоялось.

Потом уже Михаил Боярский снимался в «Янтарном ключе», в других наших развлекательных передачах. Но как только заходил разговор о «Музыкальном ринге», он всегда отшучивался:

— Хочешь получить еще один выговор?

А письма телезрителей с просьбой пригласить Боярского все шли и шли.

Правда, после исполнения им главной роли в мюзикле «Овод», поставленном в Ленинградском театре имени Ленинского комсомола и жестко раскритикованном в прессе, и особенно после публикации в «Известиях» статьи с обвинением артиста в нездоровом отношении к деньгам, письма на телевидение стали приходиться в основном от его недоброжелателей.

Казалось, время для выхода Боярского на ринг самое неподходящее. Но какое-то внутреннее чутье подсказывало мне, что сейчас он не откажется. И действительно, Михаил словно ждал нашего звонка.

— Можете приехать завтра ко мне домой? — спросил он сразу.

На следующее утро мы поехали на Мойку, захватив с собой большую пачку писем.

Разговор я начала с того, как много пишут о Боярском на студию и как разноречива эта почта. Показала одно письмо, где работу на эстраде Михаила Боярского и «ему подобных» открыто называли халтурой.

— Вы думаете, я таких писем не получаю? — заметил он грустно. — Еще и похлеще! Поэтому и хочу выйти на ринг. Я уже думал, как это сделать. Мой голос не нравится? Манера петь, вести себя на сцене? Черный костюм? Так я выйду в белом смокинге и котелке. Или нет... в современном белом костюме, с английским пробором. Ну, как? — И он взглянул на нас, проверяя, какое это произвело впечатление.

Я представила себе кадр: под перекрестными лучами прожекторов выходит на ринг Боярский, весь в белом. С аккуратной стрижкой, непривычно уважаемый, приглаженный. И начинает петь красивым баритоновым какую-нибудь задушевую песню пятидесятых годов. Это же настоящий нокдаун для ринговской аудитории!

— Но где найти белый костюм? — И Миша, размахивая руками, забегал по комнате. —

В театре точно нет... Сшить? Терпеть не могу эти примерки — на спектаклях и фильмах всю душу изматывают! Может быть, на «Ленфильме»?..

Белый костюм к съемкам он так и не нашел, поэтому вышел на ринг в привычном, черном. Но первую серию вопросов мы все-таки предугадали. Едва началась передача, как Боярского спросили:

— Мы как-то привыкли видеть многих исполнителей в различных костюмах, а вот вы всегда в черном. Отчего?

— Должен признаться, — ответил Боярский, — что это вопрос традиционный. На каждом выступлении мне его задают. Скажу вам правду. Одеться красиво я не могу: нет такой возможности — пойти в магазин и купить то, что нравится. Думаю, вы это знаете не хуже меня. А черный цвет наиболее удачно скрывает недостатки нашей легкой промышленности. Если бы была такая возможность — купить нужный мне белый костюм, я бы с удовольствием это сделал.

И еще одну тему, быть может, самую сложную для Боярского, мы предугадали во время нашей домашней репетиции. На ринге она возникла почти в самом начале первого раунда:

— Михаил, в своих интервью вы постоянно подчеркиваете, что вы не певец. Об этом же говорит ваш костюм — в нем нет мишуры, блеска, парадности. Но вы не можете отрицать, что известность пришла к вам именно благодаря эстрадным песням, показанным по телевидению, исполненным по радио, записанным на грампластинках. Так кто же вы тогда?

— Эти песни, — ответил Боярский, — часть моей работы драматического актера, будь то песни Д'Артаньяна, Теодоро, Волка, Трубадура и так далее. Актер должен владеть всеми элементами своей профессии — уметь петь, фехтовать, плавать. Если кто-то не умеет, это плохо. Такие навыки — норма для русского артиста, который часто начинал с воде-

Белый костюм к съемкам он так и не нашел, поэтому вышел на ринг в привычном черном.

виля. Там он делал все — плясал, пел, играл. Как ни печально, сегодня песня на эстраде помогает быстрее установить контакт между зрителем и актером, чем песня в театре. Но театр — мой дом, я там родился. И не могу без родителей. Есть ведь общечеловеческие ценности... Театр и дал мне возможность выйти на сцену с микрофоном.

— А как насчет того, что вы стали известны главным образом благодаря массовому тиражированию ваших песен?

— Может, вы и правы.

Это был удар в незащищенное место. Во время той первой, домашней репетиции, когда мы вместе прикидывали круг возможных вопросов, Боярский признался: он переживает, что популярен стал прежде всего как певец. Почему?

— Я и сам хотел бы получить ответ на вашем «Ринге», — сказал он тогда. — Но спрашивать-то будут больше о другом.

Многое успели мы обсудить в тот раз, и подготовка к передаче пошла полным ходом. Потом Боярский рассказывал, как ночами бродил по квартире с письмами в руках, мысленно проигрывая варианты своих ответов:

— Вот они спросят меня, как в этом письме из Кургана: «Я знаю огромный круг людей, которые коллекционируют ваши, и только ваши, записи, для которых вы, и только вы, являетесь кумиром. Скажите, вы одобряете их выбор?» Что ответить? Может, так: «Думаю, это их личное дело»? Нет, грубо. Лучше, пожалуй, с юмором... Значит, вопрос такой: «Вы одобряете выбор ваших поклонников?» Мой ответ: «Разумеется! У них хороший вкус». Пожалуй, это уже лучше. Юмор на «Ринге» ценят... Так, что дальше? «Прежде чем выпустить сумку и трикотаж с изображением Боярского, его согласия спрашивают? Или все дело в гонораре?» Что ответить здесь? Как объяснить, что сначала мне казалось это ужасным и я перебежал на другую сторону улицы, увидев свой портрет на груди

какой-нибудь девушки? Потом понял: бороться бесполезно, ведь кто-то зарабатывает себе на этом деньги. Нет, объяснять все это долго. Нужно опять с юмором. Например, так. Они: «Вас вообще-то спрашивают, когда производят эту продукцию, или все решает гонорар?» Я: «Да какой уж гонорар! Если бы я хоть копейку с мешка получал, я бы миллионером был...»

Рассказывая о ночных «рингах с самим собой», он смеялся:

— Скорее бы съемка! Ночами не сплю...

— Ты как-то уж слишком серьезно относишься к этому, — пытался успокоить его Володя. — В конце концов, это только игра. Ты бросаешь перчатку публике, выходя на раунд, она проверяет своего кумира на прочность. Да к тому же половина аудитории, а то и больше, — за тебя.

Но Боярский снова и снова мысленно возвращался к тому, о чем раньше, может быть, и времени задуматься не оставалось. Репетиции, съемки, спектакли, концерты, записи на радио, на телевидении, гастроли. До копания ли здесь в своей душе? «Музыкальный ринг» дал ему повод «остановиться, оглядеться».

Он хотел говорить со зрителями о вещах серьезных — о политике, экономике, о кризисной ситуации в театре, об изломанной актерской жизни. А его воспринимали как героя легенды, выросшей из ролей в театре, кино, на телевидении. По этой легенде, он был баловнем судьбы — легкомысленным, удачливым, самодовольным, суперменом и ловеласом. С этой маской ему долго пришлось ходить. Но теперь он чувствовал потребность избавиться от нее, причем публично.

Чем ближе подходило время съемки, тем больше беспокоились мы за Михаила. Может, на ринге ему выступить с кем-нибудь в паре? Но с кем?

В программу, которую мы вместе отобрали, входило несколько песен Юрия Чернавского. Боярский тогда очень увлекался необычной по стилистике, яркой по форме

музыкой этого молодого композитора. Он мог подолгу рассказывать, как Юрий свою маленькую комнату в коммунальной квартире превратил в знаменитую на всю музыкальную Москву студию звукозаписи. Как они сутками работали, записывая фонограммы новых песен на суперсовременной электронной аппаратуре. Как спали тут же, на раскладушках, всего по несколько часов, потому что времени у Миши, как всегда, было в обрез...

Идея выйти на «Музыкальный ринг» вместе с Боярским Юрию Чернавскому сначала понравилась. По телефону в течение часа даже оговаривали детали. Но через некоторое время выяснилось, что в назначенный день композитор приехать в Ленинград не сможет — у него какая-то срочная работа. Боярский, конечно, расстроился.

И тут у нас появилась новая идея.

В очередном разговоре Володя вдруг спросил:

— Скажи, а тебе часто на гастролях задают вопросы о твоей жене?

— Часто, — ответил Боярский, еще не понимая, куда клонит Володя, и взглянул на сидевшую тут же жену Ларису.

— Ну и что ты обычно отвечаешь?

— Да не распространяюсь на эту тему.

— А ты подумай: играете в одном театре, поете вместе в одних спектаклях, даже заслуженными артистами стали почти одновременно... Вот и на ринг вам нужно выходить вдвоем!

— Ну что вы, Володя! — смутилась Лариса. — Я не могу взять на себя смелость выступать как эстрадная певица.

— Но на сцене ведь вы поете? — вставила я реплику, тут же оценив Володину идею.

— Там песни — часть спектакля. Это совсем другое дело! А на ринге в каком качестве я буду?

— У вас получится прекрасный семейный дуэт... Или нет, трио, — поправилась я, вспомнив, что их сын Сережа год назад дебютировал в «Музыкальном ринге» с песней Виктора

Резникова «Динозаврики», которую потом долго прокручивали разные музыкальные программы.

Если бы мы могли предположить, что в появлении на «Ринге» маленького Сереженьки и его мамы, известной ленинградской актрисы Ларисы Лупиан, кто-то усмотрит элемент спекуляции, что это даст повод для споров о том, насколько этично «включать родственников» в такую передачу!..

Но мы с Володей тогда об этом, признаться, даже не задумывались. Главная наша цель состояла в том, чтобы создать для Михаила такую ситуацию, при которой он чувствовал бы себя на ринге более уверенно и внутренне комфортно. Ведь он поющий актер, а не профессиональный певец, и у него не было своей музыкальной группы. Такой «группой поддержки», по нашему замыслу, и могла стать в передаче его семья. Мы догадывались: участие Ларисы и Сережи поможет Михаилу обрести ту меру душевного равновесия, без которой так трудно провести поединок. Тогда и аудитории удастся под привычной маской покорителя женских сердец разглядеть неожиданного, но настоящего Боярского. И произойдет еще одно открытие человека, подобное открытию Леонтьева в первой нашей передаче, показанной по ЦТ.

Как плохо мы еще знали психологию зрителя! Но это выяснилось уже после эфира, когда пошли письма. А пока...

Выход на ринг семейного трио оказался для остальных участников съемки сюрпризом. Вопросы готовили Боярскому — певцу, актеру. И столько их накопилось, что в первом раунде не все даже внимание обратили на знакомое лицо актрисы Театра имени Ленсовета Ларисы Лупиан, которая в скромном черном платье сидела в первом ряду, прижав к себе Боярского-младшего.

Атаку, как всегда, начали авторы самых интересных писем. Они получили приглашение на ринг и теперь хотели во что бы то ни стало показать себя на экране.

Если бы мы могли предположить, что в появлении на ринге ленинградской актрисы Ларисы Лупиан кто-то усмотрит элемент спекуляции...

Сначала вопросы были традиционны: касались одежды, манеры пения, выбора репертуара. Но после того как Михаил представил остальных участников «трио Боярских» и они спели песню, которую успели записать в студии Чернавского (как всегда, ночью), интерес ринговской аудитории сосредоточился на делах семейных.

З р и т е л ь н и ц а. У меня есть дочь примерно такого же возраста, как ваш сын Сережа. И когда ей удастся хотя бы ненадолго стать центром внимания, она сразу же начинает зазнаваться. Есть ли у вас проблемы, подобные этой, и как вы их решаете?

Б о я р с к и й. Это, скорее, разговор для другой передачи — «Школа для взрослых». Я знаю, как меня воспитывал отец. И это я унаследовал во взаимоотношениях с сыном. Никогда Сережа себе не позволит, я ручаюсь за него, держать нос выше, чем он у него есть. Потому что он, находясь в актерской среде, знает, как тяжел наш труд. Знает, что за внешней «звездностью» — огромная работа. Мы посвящаем его в те проблемы, которые возникают у нас в театре, кино. И не скрываем от него наших трудностей. Думаю, это будет ему только на пользу.

З р и т е л ь. Из каких соображений вы и другие артисты выступаете на сцене со своими детьми? Разве все они обладают столь уж незаурядными способностями? И педагогично ли это — уже с такого возраста ставить детей в привилегированные условия?

Б о я р с к и й. Я убежден: самым главным педагогом являются родители, и считаю, что чем раньше начинаешь приобщать ребенка к труду, тем лучше. Пусть он будет кем угодно, когда вырастет. Я стараюсь уже сейчас вытащить лучшие качества, которыми он обладает. Жаль, что здесь сидит мой сын, а то бы я на этом остановился подробнее. Вот он занимается в музыкальной школе при консерватории. С шести лет пошел в школу. Играет каждый день по три часа на фортепьяно. Это, наверное, ему не очень интересно, потому что

во дворе бегают ребята и зовут его: «Эй, Серега, давай выходи в футбол играть!» А он сидит и гаммы разучивает. Я в свое время прошел через это, теперь пусть он пройдет. Ты согласен, сын?»

И Сережа совершенно неожиданно для своих родителей вдруг встал и через весь зал направился к роялю. В костюме-тройке, в лаковых ботиночках, с «бабочкой» на груди, он казался похожим на мальчика с обложки какого-нибудь западного каталога. Но он так серьезно и сосредоточенно заиграл фортепьянную пьесу Шуберта, что сходство с рекламной картинкой тут же пропало.

Сережа очень старался, потому что видел, как нелегко приходится его отцу в этом раунде. Он еще не мог прийти к нему на помощь в словесной дуэли, но бросился на защиту сразу, как только представилась возможность поступка.

З р и т е л ь. Будете ли вы для Сережи кумиром не как отец — как отца он вас всегда будет уважать, — а как человек, с которым у него совпадает жизненная позиция?

Б о я р с к и й. Разумеется, нет! Конечно, нет... И не должно этого быть. Он должен по-другому смотреть на мир. Как я ни любил своего отца, но всегда мне казалось, что — эх, староват, неужели не понимает?

З р и т е л ь. Но ведь вы хотите идти в ногу со временем? Сегодняшняя молодежь принимает вас, вы ей близки. Значит, вы в свои не совсем молодые годы все-таки не отстааете?

Б о я р с к и й. Стараюсь.

З р и т е л ь. Значит, через восемь-десять лет...

Б о я р с к и й. Ну, я ориентируюсь на Маккартни — пока у него все в порядке. А об актерах и говорить нечего. Актер может быть молодым лет до девяноста!

З р и т е л ь. Миша, раз у нас возникла семейная тема, я хочу спросить: при такой большой работе в кино, театре, на телевидении, на эстраде — какое место вы отводите своей семье?

Как только «трио Боярских» спело песню, интерес ринговской аудитории сосредоточился на делах семейных.

Сережа видел, как нелегко приходится его отцу в этом раунде. И бросился на защиту сразу, как только представилась возможность.

Б о я р с к и й. Мне неловко говорить, потому что вот они, здесь сидят, но семья — это главное. Это самая большая ценность, которая дает мне сегодня покой, вдохновение, творческие силы, энергию. Театр несовершенно, кино тоже. Самое совершенное и самое прекрасное — это жена и дети».

Скажу откровенно, отношение Боярского к Ларисе, сыну, маленькой дочурке поразило меня еще во время наших домашних репетиций. До этого мы встречались лишь на съемках телевизионных передач, и, как большинству зрителей, Боярский казался мне лишь одним из лихих мушкетеров. А оказалось, что все не так.

Вопросы, касающиеся семьи Михаила Боярского, интересовали не только меня и участников передачи, но и телезрителей. Однако в некоторых письмах они получили странный оттенок. В таком, например:

«Следуя духу времени, Боярский организовал семейный коллективный подряд. Втроем, с женой и дитем! Ну как же, заработок в три раза больше! Тут пальма первенства полностью за ним. Ведь когда пел Утесов со своей дочерью Эдит, то говорил: «Поем вдвоем с своим дитем!» Правда, тогда еще не было семейного подряда. Боярский оказался находчивее: заставил сына бить в ладоши, а жену, заслуженную артистку, производить на ринге заслуженные кривляния.

По поручению бригады отделочников строительного-монтажного управления Киева

Перехвальский С. Т.».

Правда, на письмо из Киева мне не пришлось отвечать самой. Я просто переслала бригаде отделочников другое письмо, тоже коллективное — от сотрудников управления Министерства обороны:

«Мы смотрели по телевидению «Ринг», где выступал Михаил Боярский со своей семьей. Прекрасно! Побольше бы таких семейных концертов. Тогда бы и разводов было меньше. Какая артистичная, дружная семья! И как пели — с душой, просто, достойно. А

Михаил — любящий муж и отец. Никого не слушай, Миша! Сколько характеров — столько мнений. Но искусство есть искусство. Песня — прежде всего душа человека, а кто поет от ноты до ноты поставленным голосом, это не певец. Миша, пой, пока есть здоровье. Мы все слушаем тебя с большим удовольствием, и на «Ринге» можно было только позавидовать твоей нежностью и прекрасному отношению к жене и милому Сереженьке.

Генерал-майор *Л. Краснов*,
полковник *О. Лукьянов*
и к ним присоединяются другие
сотрудники».

А на ринге «семейный» раунд закончился, и Михаил Боярский уже один продолжил диалог с аудиторией.

З р и т е л ь. Вы не боитесь быть нокаутированным на ринге? Скажите честно.

Б о я р с к и й. Буду откровенен. Я испытывал волнение, но больше радость, идя сюда. Потому что есть возможность пообщаться с такой требовательной аудиторией, как ваша. Что-то понять с вашей помощью. И, наконец, узнать, что же вы действительно обо мне думаете. Поэтому страха у меня сегодня нет, что вы!.. Потом, я уже свое отбоился.

З р и т е л ь. Вы прекрасный актер, я вас люблю и уважаю. Но как певцу вам с вашими голосовыми данными выступать перед аудиторией, мне кажется, не стоит. А насколько вы сами считаете это искусством?

Б о я р с к и й. Что касается моих вокальных данных, они оставляют желать лучшего. Но я рад, что они у меня именно такие. Я люблю голоса с биографией. Когда голоса обструганы, как столбы, это неинтересно. Я могу спеть что-нибудь так, как вы хотите, — «красивым баритоном». Пожалуйста... (*И Боярский запел «оперным» голосом арию. В зале засмеялись.*) Вам так больше нравится? А вот мне голос Высоцкого дороже, чем любой другой. Он проникает в меня до глубины души.

З р и т е л ь. Еще лет десять, и вам будет

«Семейный» раунд закончился, и Михаил Боярский остался с аудиторией один на один.

нужен какой-то новый образ. Вы согласны в пятьдесят петь такие же песенки?

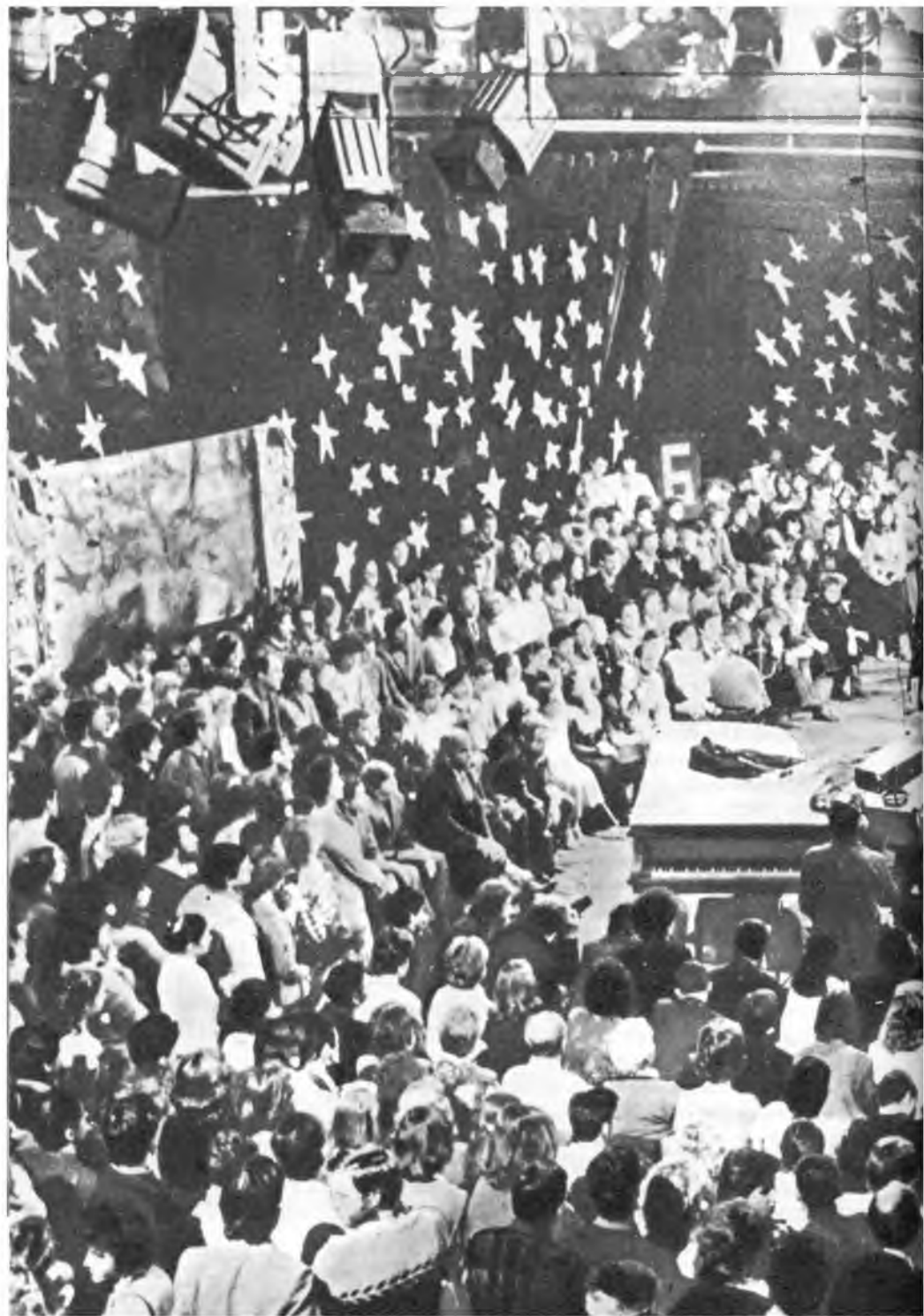
Б о я р с к и й. Этот образ должен сам появиться. Мне его может подсказать театр. Если я волею судеб оказывался романтическим героем со шпагой, с усами и так далее или становился похожим на волка или кота, я пел и орал, но не от своего имени, а от лица героя.

З р и т е л ь. Ваше кредо, как вы сами доказываете сегодня на ринге, — песни о любви, о двориках, динозавриках и прочих пустяках. Для сорокалетнего мужчины это несерьезно. Поражает ваш политический инфантилизм. Если это не так, скажите, почему вы не поете гражданских песен?

Б о я р с к и й. Я никогда не лгал и не буду лгать на сцене. Этот «пафос гражданский», который приобрел у нас такие масштабы на эстраде и в жизни, топит в людях все человеческое. Разве вы этого не видите? Мне кажется, только у Высоцкого гражданская тема — от души. Но на эстраде в исполнении любого профессионального исполнителя она звучит формально. Чего-то не хватает, и получается фальшь. Поэтому я стараюсь избегать пафосных песен. Пусть я буду петь про детей, любовь, котов и мушкетеров, но, по крайней мере, откровенно и честно, и это не будут мертвые тексты на мертвую музыку».

Мы надеялись, что благодаря передаче скандальный ажиотаж, окружавший имя Боярского, несколько поутихнет. Но зрители оставлять артиста в покое не желали.

После показа «Музыкального ринга» с Боярским по ЦТ потоки писем как по команде хлынули в редакции «Известий», «Советской культуры», «Труда» и, конечно, на телевидение. Одни были решительно «за», другие — столь же категорически «против». Досталось и нам, авторам передачи, и завсегдатаям «Ринга». Им — за то, что, как говорилось в одном из писем, «приехали на встречу со звездой с камнем за пазухой, чтобы испортить человеку настроение, а может быть, и жизнь». Нам, как говорилось в другом письме, — за то, что «ав-

торы этой провокационной передачи решили устроить бойню по очереди всех суперзвезд советской эстрады, что особенно выразилось в передаче с Михаилом Боярским».

Такая точка зрения — что мы «морально избиваем» популярных артистов — высказывалась не только в письмах, но и в печати.

«Создается впечатление, что авторы «Музыкального ринга» стремятся поставить своих героев в удивительно неловкое положение, вынуждая их отбивать «атаки» зала и вести «оборонительные бои» против публики, осыпая их градом упреков. Право же, здесь мало общего с интересом к исполнителю как к профессионалу, как к личности. И дело тут вовсе не в ограничении прав зрителя задавать вопросы, а в подаче материала журналистом. Разве не наша задача, задача журналистов, послужить «буфером» между «звездой» и теми, кто пытается влезть в замочную скважину, а не идти на поводу у них?.. Мы нередко говорим о врачебной этике, но не стоит ли чаще говорить об этике журналиста?»

Я приготовилась уже ответить Алле Шашковой, автору статьи, появившейся в «Советской культуре» вскоре после показа по ЦТ передачи с Михаилом Боярским. Хотела объяснить, что пришла на телевидение вовсе не для того, чтобы служить «буфером» между кем-то и чем-то, и свою задачу журналиста, в отличие от Аллы Шашковой, вижу в другом. Но меня опередил Аркадий Арканов в той же «Советской культуре»:

«Честно говоря, публикация статьи А. Шашковой меня расстроила и насторожила... Слова вроде бы мягкие, доброжелательные, но уберите елей — и вы увидите одно требование: не надо! Закрывать! Печально то, что автор статьи, выступая как бы в защиту «звезд» от бестактных, с ее точки зрения, вопросов и наскоков зрителей, подсознательно ставит в центр ринга себя, и получается, что ей такие вопросы кажутся грубыми, раздваивающими, нескромными. Ну и прекрасно! И не отвечайте на эти вопросы или при-

гвоздите «мещанизированного» зрителя к позорному столбу хлестким ответом, когда вам действительно доведется или посчастливится стоять в центре ринга и вызывать интерес публики. Но пока что публика сама задает только те вопросы, которые интересны ей, публике. И в этом «Музыкальный ринг» социален, демократичен, стало быть, интересен и спорен. А если публика будет задавать вопросы, которые интересуют только одного человека, считающего себя публикой или взявшего на себя функцию выражать интересы публики, то мы непременно вернемся к прежним временам серого, монотонного телевизионного показа и потеряем аудиторию, с таким трудом завоеванную».

Так Аркадий Арканов отвел удар от «Музыкального ринга», а Георгий Семенов и Григорий Горин в «Литературной газете» поддержали его. В частности, Георгий Семенов писал: «Понравилось выступление Михаила Боярского, хотя раньше никогда не причислял себя к поклонникам этого неожиданно раскрывшегося, остро и чутко чувствующего свою роль в современном искусстве артиста».

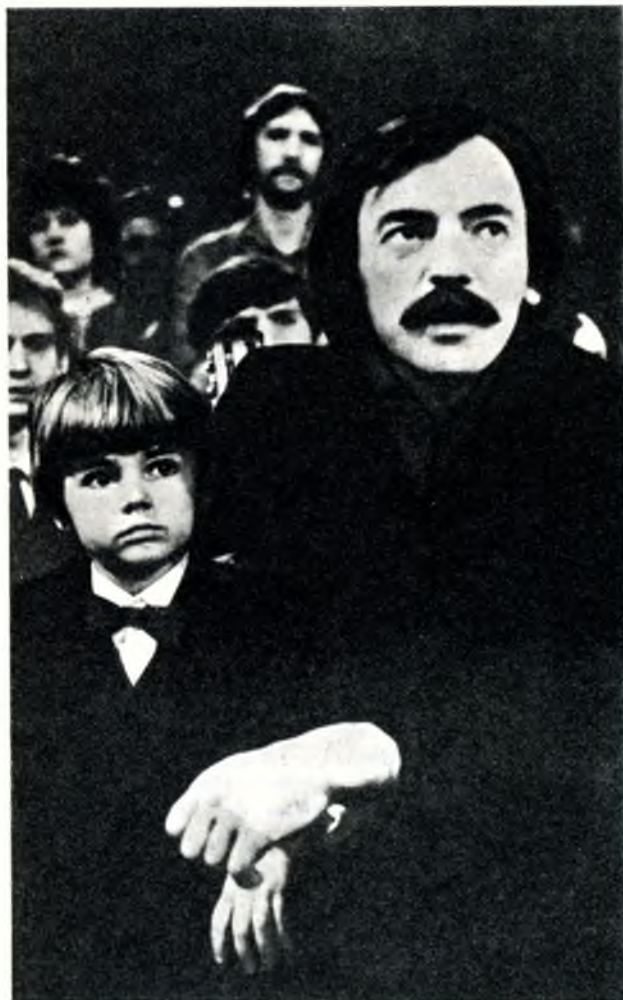
Находился ли «Музыкальный ринг» и вправду под угрозой закрытия или Аркадий Арканов сгустил краски? Как знать...

Откровенно говоря, основания для беспокойства были. На телеэкране к тому времени появились передачи, в которых люди, пусть и не владея еще навыками ведения дискуссии, пытались наконец высказать то, что накопилось за долгие годы молчания. Телевизионный экран становился начальным классом новой школы социального общения. Я отношу это и к «Музыкальному рингу». Но многих зрителей такая новизна раздражала. «Неужели это и есть перестройка и гласность?» — недоумевали они или попросту возмущались.

К концу 1986 года «Музыкальному рингу», как показывала почта, удалось завоевать всеобщую аудиторию. По письмам мы знали: передачу смотрят вне зависимости от того, кто в ней участвует. Зрителей привлекают

сама драматургия поединков, психология взаимоотношений участников встречи. Некоторых ринговские дискуссии интересовали даже больше, чем музыкальные номера.

Проанализировав почту, полученную нами за год, научная группа подготовки передачи дала заключение: теперь задачу цикла можно усложнить. Это мы и попытались сделать на следующей же ринговской встрече.

**Время
Бардов**

«Сейчас в Иркутске первый час ночи. Сна нет. Заварила крепкий чай. Сигареты. Все во мне. Наступило оцепенение, и я рада, потому что это бессонница души, которую пробудила ваша передача».

Светлана Ода

«Пишу сразу после «Музыкального ринга». Очень взволнован. Даже выключил телевизор — не стал смотреть футбольное обозрение, хотя страстный болельщик. Просто не хочется больше ничего — боюсь, не пропало бы впечатление той душевной растревоженности, которое вызвало искусство бардовской песни. Только оно способно выразить сокровенное».

С. Ф. Сигалов

Подобные письма раньше на «Ринг» не приходили. Ведь считалось, что это программа развлекательная и соответствует в первую очередь вкусам молодежи. Но так было до определенного момента. Наступил день, когда мы решились показать нашим постоянным зрителям нечто мало знакомое им — бардовскую песню.

На всякий случай социологи провели предварительный опрос в Ленинграде и пришли к следующему выводу: «Поклонники рок-музыки и эстрады испытывают к этому жанру, как правило, полное равнодушие, а иногда даже какую-то неприязнь. «Романтика карточных домиков» у части молодежи вызывает раздражение, в некоторых случаях — снисхождение к слабостям «предков».

Полученная информация оптимизма не внушала. Но как-то не верилось, что участие Булата Окуджавы или Юрия Кукина, Кима Рыжова или Евгения Клячкина оставит наших зрителей безучастными. И мы приступили к работе.

Приглашение на «Музыкальный ринг» исполнители авторской песни принимали охотно, согласие давали все без исключения. Но когда дело дошло до съемок (а было это в ноябре 1986 года), оказалось, что из ветеранов выступить сможет лишь Евгений Кляч-

кин. Впору запись отменять — трудно надеяться, что молодые, неизвестные авторы привлекут внимание той публики, для которой мы в первую очередь и собирались сделать эту программу.

И тут Володя вспомнил об Александре Розенбауме. Его записи тогда уже имелись в домашних фонотеках, звучали в кафе и барах, но концерты давались редко и не на лучших площадках. Интерес же к Александру Розенбауму подогревался некоторым сходством его песен и манеры исполнения с Владимиром Высоцким, и часто те, кто не знал еще нового имени, спрашивали: «Это тот, что под Высоцкого работает?»

Высоцкого телевидение с осени 1986 года наконец-то открыло. А еще летом приходилось прибегать к разным ухищрениям, чтобы показать на экране хоть несколько кадров с ним. Так было в «Телекурьере» — передаче, которую придумал Володя специально для репортерского тренинга. Пока не появилось «Общественное мнение», я тоже была одной из ее ведущих. И вот во время моего дежурства по «Телекурьеру» 25 июля мы решили впервые отметить на телеэкране день памяти Высоцкого. Для этого пришлось разработать с знакомыми нам по «Рингу» ребятами из горкома комсомола целую операцию: в молодежном киноцентре они устроили вечер Высоцкого с прослушиванием фонограмм, показом слайдов и фрагментов из фильмов, тогда еще лежавших на полке. А «Телекурьер» приехал как бы по вызову участников вечера, чтобы отразить работу горкома комсомола.

И все-таки, несмотря на предпринятые меры безопасности, эпизод этот заставил поволноваться тех, кто отвечал за благонадежность выпусков «Телекурьера», пока оператор не показал крупным планом обложку журнала «Молодой коммунист», а я как ни в чем не бывало произнесла прямо на камеру: «Вы еще не читали статью из этого журнала «Мир песни Владимира Высоцкого»? Тогда непременно прочтите». Ну уж раз орган

ЦК ВЛКСМ напечатал такую статью — телевидению, пожалуй, тоже можно.

А уже через два месяца песни Владимира Высоцкого свободно, без всякого прикрытия зазвучали не только в программах Ленинградского, но и Центрального телевидения. Что песни! Целые передачи, фильмы пошли в эфир друг за другом.

Вслед за Высоцким стали получать доступ на экран и исполнители авторской песни. Казалось, вот-вот начнут снимать и Александра Розенбаума. Но приглашений с телевидения все не было. Письма с заявками в редакции поступали, однако музыкальные редакторы не торопились — выжидали, кто первым откроет это имя для экрана.

«Музыкальный ринг» для дебюта на телевидении, как считали многие музыканты, программа — лучше не придумашь. Но, узнав, в какой компании ему придется выступать, Розенбаум поморщился:

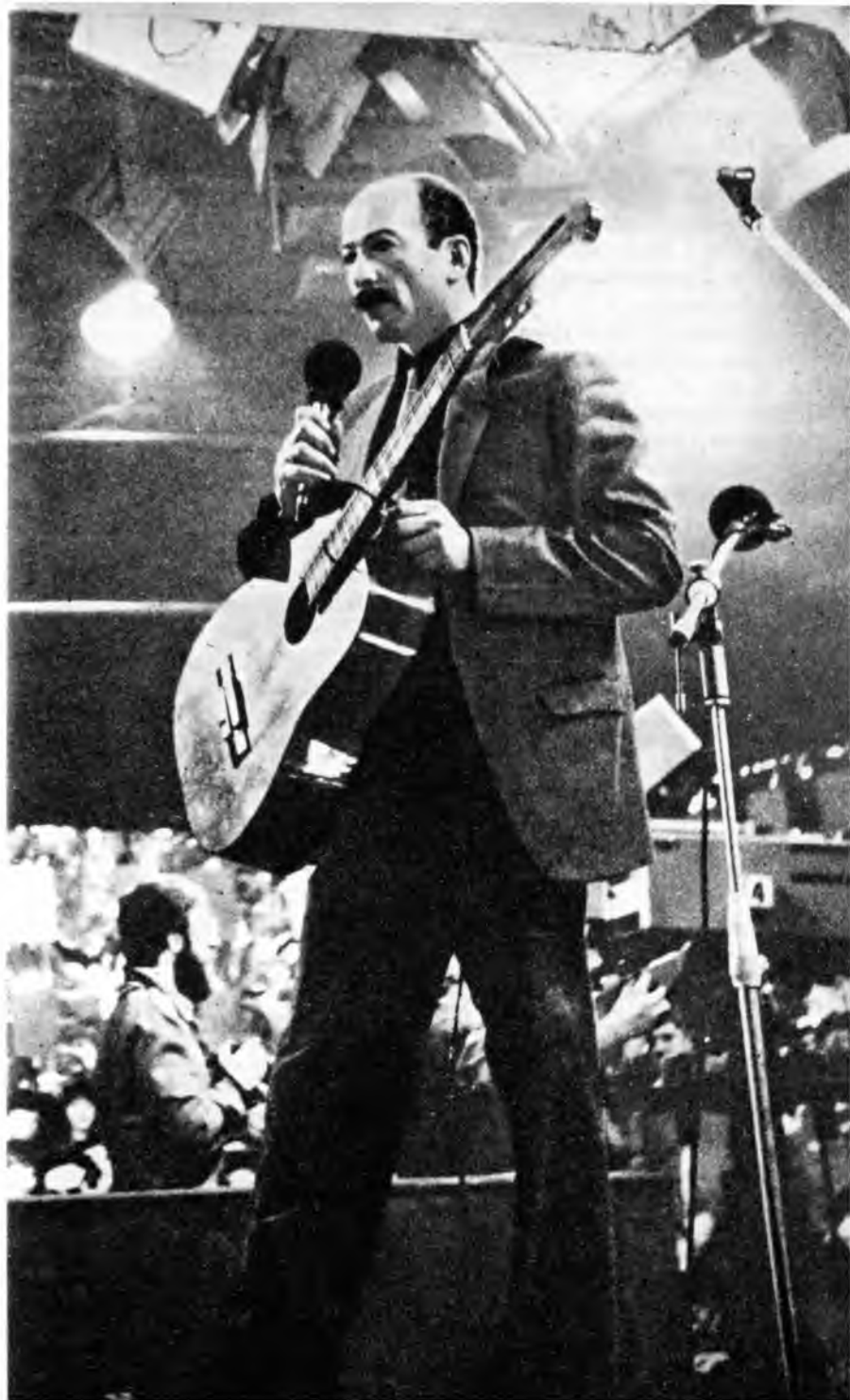
— Я — и это бардье!

Мы сделали вид, что не обратили внимания на эти слова, хотя сразу же поняли, в чем дело. Несмотря на то, что Розенбаум сам когда-то начинал в клубах самодеятельной песни и в первых интервью рассуждал о ее огромной «нравственной и эмоциональной силе», к бардам он теперь себя не причислял. Наоборот, отвечая на вопросы журналистов, старался подчеркнуть: «Я поэт и композитор, в моих композициях музыка играет не меньшую роль, чем слова. А у бардов — девять песен из десяти на одну и ту же мелодию или просто мелодекламация. Потому что они не знают музыки. Они не имеют, за редким исключением, музыкальной культуры...»

Барды платили Розенбауму той же монетой и отзывались о его творчестве, мягко говоря, нелестно.

— А нельзя ли выйти на ринг мне одному? — предложил он при первой нашей встрече. — У меня около пятисот песен — от военных, лирических до «блатных». Хоть на три раунда набрать можно. Будет о чем поспорить

Хотя Розенбаум сам когда-то начинал в клубах самодеятельной песни, к бардам он теперь себя не причислял.

вашей публике, поверьте!.. Программа на любой вкус.

Но дело было не в программе, и он сам это отлично знал.

— Неужели это правда, что вам предлагали сменить фамилию? — спросила как-то в беседе с Розенбаумом журналистка Александра Горбачева.

— Да, прямо так и предлагали, — ответил он. — Для моей же пользы, как говорили. У ряда людей еще имеются проявления антисемитизма, так же как и националистические завихрения у части евреев. К этим явлениям надо относиться серьезно: не замалчивать, а изучать, воздействовать — в том числе и через искусство.

Корреспондентка деликатно промолчала, так как не была уверена, напечатают ли материал. «Аргументы и факты» интервью опубликовали полностью.

Но вот месяц спустя после этого, в середине того же 1986 года, мой коллега, молодой телевизионный журналист, сдавал руководству своей редакции передачу о развитии кооперативов.

— Это вы что, в эфир такое выдавать собираетесь? — спросили его вроде бы шутя.

— Вообще-то собираюсь, — еще не понимая, в чем дело, ответил автор. — А что вас смущает?

— Так это кто у вас на экране?

— Как — кто? Председатель кооператива.

— Да нет, рядом?

— Известный писатель. А слева — доктор наук, экономист. Оба занимаются проблемами кооперативного движения.

— Вы что, не понимаете? Пропагандировать кооперативное движение должны люди другой национальности.

— Какой — другой? Вы видели их фамилии в титрах? Иванов, Петров, Сидоров. Подпечатка крупным шрифтом.

— «Подпечатка», «подпечатка»... А носяра-то? Носяру, брат, никуда не денешь. Носяра, он все равно выдаст!

Молодой журналист на ЦТ пришел недавно и к подобным замечаниям руководства оказался не готов. Он молча подал заявление о переходе в другую редакцию, никому ничего не объясняя, настолько непристойной казалась ему эта ситуация. У нас же, «ветеранов телевидения», была не закалка — привычка. Условный рефлекс выработался еще в те годы, когда существовал негласный процент показа на телеэкране лиц еврейской национальности. Официальных инструкций, естественно, не существовало, но тем не менее даже редакторы детских передач хорошо знали: лучше снимать крупные планы славянского типа.

Правда, по нынешним временам такая практика становится анахронизмом, но еще в конце 1986 года для опасений, что фамилия Розенбаум кое-кому придется не по вкусу, некоторые основания были. И, признаюсь, я даже думала, не изменить ли для простоты прохождения сценария две-три буквы в фамилии участника, как будто в тексте нечаянная опечатка. Кто знает, могли ведь и вызвать, как в прежние времена, и настоятельно порекомендовать поискать исполнителя с более подходящей фамилией.

У многих редакторов периода застоя были свои маленькие хитрости — иначе телевизионный эфир стал бы совсем стерильным. С трудом верится, что так жили. Но времена на телевидении меняются стремительно, и мы сами не всегда успеваем сориентироваться, что уже можно, а что можно будет завтра...

Но вернемся к началу главы. Еще два письма в дополнение к предыдущим.

«Директору
Центрального телевидения
от телезрителя *Ханина А. И.*

Я требую от вас немедленного увольнения с работы режиссера Максимова и инженера монтажа Горбунова, которые не позволили мне вникнуть в содержание песен бардов своим ежесекундным показом слушающих в студии зрителей. Номер приказа об увольне-

нии прошу сообщить по адресу: город Прокопьевск, Пионерская, 66-9».

«Прошу вынести благодарность или даже дать какую-нибудь там премию создателям «Ринга» за то огромное удовольствие, которое я получил от показа бардовских песен. Неизгладимое впечатление произвели на меня лица слушающих, прекрасные и открытые. Мне никогда еще не доводилось видеть такого сопереживания и единения авторов, исполнителей и слушателей».

В. П., Москва

Остальные 119842 письма, пришедшие в редакцию после «Музыкального ринга» с участием бардов и Розенбаума, по эмоциональности и контрастности мнений не уступали двум предыдущим. И в немалой степени «вина» здесь действительно лежала на режиссере Владимире Максимове, видеомонтажере Владимире Горбунове и ведущих операторах ринга Борисе Деденеве и Анатолии Ильине.

Володя поставил перед операторами задачу: все исполняемые песни давать через восприятие зрителей, преимущественно молодых. Конечно, если реакция будет не такой, как мы ожидали, то кадры окажутся унылыми, а песни на экране проиграны. Дубли исполнения не делались — запись, как обычно, шла в режиме концерта (что, кстати, всегда изумляло коллег из музыкальных редакций других студий). При такой работе — съемке на одном дыхании — телеоператоры и режиссер не имели права на ошибку. Ведь потом уже ничего не переснимешь.

В программу бардовского ринга включили около двадцати песен. Преимущественно — интимно-камерного характера, не рассчитанных на внешний эффект, на яркое оформление и экстравагантность костюмов, зато подкупающих искренностью и глубиной чувств, идущих от сердца автора.

Нужно было видеть, как входили барды в студию: вечно юный седовласый романтик Евгений Клячкин, в прошлом геолог, а потом профессиональный артист Ленконцерта; «в

меру упитанный» добропорядочный муж из передачи «Веселые ребята» Леонид Сергеев, он же журналист радиостанции «Юность»; еще один романтик, пришедший как бы из пушкинских времен, поэт Виктор Федоров.

Все трое начали раунд уверенно, как на хорошем аншлаговом концерте. Но постепенно стало заметно какое-то беспокойство. Аудитория была для них такой непривычной и будоражаще конфликтной. Хотелось не ссориться с ней — завоевать. И, конечно, разобраться самим: что здесь — активное неприятие или просто непонимание? Поэтому все трое, сдерживая эмоции, в течение сорока минут отвечали на вопросы, подчас некорректные, больно задевавшие. Хотя те, кто спрашивал, часто не замечали этого.

...Поблескивая экипировкой, очередную атаку начал один из металлистов:

— Я профессиональный музыкант и представляю новое поколение — рок. Я слушал внимательно, и у меня создалось впечатление, что у всех вас музыка — просто подкладка для текста. Вы пользуетесь музыкальными штампами, которые, на мой взгляд, для нашего поколения уже, в общем-то, устарели. Необходимо найти новую форму, чтобы молодежь могла понять бардовские песни.

И тут произошло неожиданное. Забыв о сложностях своих отношений с бардами, в их защиту выступил Александр Розенбаум:

— Я музыкант, как и вы, профессиональный, так что поговорим на равных. Среди рок-музыкантов, так же как среди эстрадников, есть мелодисты и есть совершенно жуткий примитив, питающийся, как правило, идеями других. Что касается важности стихов и музыки в песне, я хочу прочесть одно стихотворение, и думаю, вам все станет ясно.

«Как часто ночью, в отзвуках шагов,
Строфа дрожит, шатается и рвется!
Мне стих без музыки так редко
удаётся —
Я должен слышать музыку стихов.

она будет, не беспокойтесь! Если поется «дворовая» песня — нужна «дворовая» музыка. Если я пою «Вальс-бостон» — должна быть ностальгическая музыкальная тема.

И Розенбаум запел:

«На ковре из желтых листьев,
В платьице простом
Из подаренного ветром крепдешина
Танцевала в подворотне осень
вальс-бостон.

Отлетал теплый день,
И хрипло пел саксофон...»

Чтобы описать происходившее на ринге дальше, я воспользуюсь конспектом одного из телезрителей. Да-да, именно в такой форме откликнулся на передачу Алексей Румянов — «32 года. Технар по образованию. Коренной москвич», как представился он в письме.

*«Настоящая фанатка! И
глаза закрыла».
«...Эта поющая душа де-
вушки в вальсе-бостоне».*

«Свои мысли, — писал Алексей, — буду излагать в форме конспекта. Стал его вести по ходу передачи. Правда, не сразу. А с того момента, как Александр Розенбаум начал исполнять «Вальс-бостон». Уж очень меня удивило: зачем оператор уставился на эту балдеющую поклонницу! Настоящая фанатка! И глаза закрыла. И в такт песне раскачивается. И слова-то все откуда-то знает».

Тогда, на ринге, знаменитый «Вальс-бостон» Розенбаума впервые звучал в телевизионном эфире. Поэтому многим было странно видеть девушку, слово в слово повторяющую текст песни за автором. Володя попеременно монтировал крупные планы Розенбаума и девушки, и получался дуэт, который, как мы потом узнали из писем, зрители восприняли по-разному. Вот какое впечатление та же самая «фанатка» произвела, например, на Татьяну Рязяеву из Подольска:

«...эта поющая душа девушки в вальсе-бостоне. Именно душа. Ее «я». Да ведь она совершенно обо всем забыла! Она же распахнула себя! Обычно такую естественность, такую искренность чувств можно подглядеть лишь фотоаппаратом или скрытой камерой. Это одна из возможностей авторской песни — делать нас добрее».

Однако вернемся к диалогу Розенбаума с нашими «бойцами».

З р и т е л ь. У вас есть действительно прекрасная лирика. Но как соседствуют с ней жанровые ваши песни?

Р о з е н б а у м. Товарищи, они написаны в 1970—71 годах к студенческим капустникам!

З р и т е л ь. Но вы же исполняете их на концертах, явно спекулируя на этой тематике! Например, «Гоп-стоп»...

Р о з е н б а у м. Нет, этого не может быть! Единственное, что могло звучать, — это песня «Извозчик», но она не оттуда. Одесские песни никогда не исполнялись даже в студенческих общежитиях. Потому что после ленинградских и военных песен «Гоп-стоп» просто не песня. Она была написана для спек-

принесли вам удовлетворение, — моральное или материальное?

Р о з е н б а у м. Большое моральное удовлетворение. Потому что я их создавал к студенческим капустникам по «Одесским рассказам» Бабеля. Это песни драматургические, песни персонажей, уточняющие время и место действия. А именно, Молдаванка двадцатых годов... Это песни от имени героев Молдаванки двадцатых годов, а не студента медицинского института Розенбаума».

Комментарий к происходившему на ринге. Из конспекта москвича Алексея Румянова:

«...Не пойму, почему Розенбаум все оправдывается? Вот Владимир Высоцкий не стеснялся своих ранних песен. У меня есть запись его концерта в Торонто. Там он откровенно (дома так не мог!) говорит, что никогда не отказывался от этих своих так называемых «блатных» (его выражение) песен. Они обогатили его «в смысле формы». Да, Высоцкий был откровенен, прям — в этом весь Владимир. А Александр — то да се. Стыдливо как-то называет одесский цикл «жанровым». «Я их на концертах не пою...» — говорит. А Высоцкий пел. И еще он часто говорил, что никогда чужих песен не поет и не любит, когда его песни исполняют с эстрады. Помните, одно время Кобзон выводил: «Если дру-у-у-г оказался вдру-у-у-г...» И всем было как-то стыдно... Потом, слава богу, прекратилось. А Высоцкого самого в то время и не показывали. Дикость! Сейчас начали наверстывать упущенное, в чем-то спекулировать даже, хотя и полгода не прошло, как разрешили его.

...Понимаю, нужно ближе к «Рингу», а я все на Высоцкого ссылаюсь. Но по-другому не получается. Это классика бардов.

Недавно слышал Розенбаума по радио. Опять оправдывается: «Вышли мои песни из-под контроля... Читайте Бабеля...» Читаем, Александр Яковлевич, давно читаем. И молодые, кому надо, прочтут. Только не надо Бабелем прикрываться. За каждый поступок человек должен отвечать сам.

Прошу ведущую извинить за резкость, но она сама напросилась».

Действительно, к концу первого раунда я обратилась к телезрителям с просьбой не стесняться в выражении своих чувств, когда они будут писать нам. А что писем будет невиданное количество, я почувствовала после слов одного из поклонников творчества бардов.

— Здесь авторскую песню совсем забили и заклевали — закричал вдруг немолодой взломаченный человек. — Сказали, что она в упадке, что у нее форма не та, устарела. Все это просто чепуха! Не нужно форму менять, она всегда будет жива. И песня эта останется. А разговоры, что бардовская песня устарела, выродилась — просто глупость и чепуха! Пусть товарищи, которые будут нас смотреть, напишут — поддерживают они меня или нет? — И он возбужденно ткнул рукой в объектив камеры.

— Пишите! — тут же подхватила я. И, произнеся нарочито невозмутимым голосом две-три финальные фразы, дала сигнал к окончанию раунда.

Свет в студии притушили, и разгоряченные зрители, как всегда, продолжили дискуссию в экспресс-баре.

— Вам не нравится Розенбаум? И не надо! Не слушайте! — исступленно кричала девушка, только что распахнувшая на экране душу в вальсе-бостоне. — Идите туда, где вам нравится! А мы хотим Александра слушать. Нельзя так категорично утверждать, что он не бард. Он всеми признан. Он самый выдающийся бард современности!

— Успокойтесь, милая девушка, — язвительно заметил один из завсегдатаев ринга. — Значит, песни Розенбаума для вас выражение духовности. Для вас это потолок? И ради бога, пусть это будет вашим островком счастья.

Недалеко от них, раскрасневшихся от возбуждения, стоял в окружении небольшой группы ребят Евгений Клячкин. Глядя широко распахнутыми глазами прямо в камеру,

но не замечая ее, он словно сам с собой размышлял вслух:

— Было бы дико, если бы я вышел, как Леонтьев, в штанах в обтяжку, стал прогибаться и показывать пупок. Валера считает, что ему это можно. У него еще не видна седина в волосах. А я что должен делать теперь, чтобы, как вы говорите, казаться современным, понравиться молодежи? Я врать не хочу. Я такой, как есть.

— Но меня ваша музыка не трогает! Понимаете? Никак не задевает, — наступал на Клячкина лохматый металлист.

— Что ж, может быть и такое. Может быть несовпадение. Моя музыка — не ваша. И меня это нисколько не смущает.

— Как, вы же сами недавно давали интервью в журнале «Аврора» и сказали, что течение бардов — это бурная река, которая теперь вышла на равнину, растеклась и обмелела, — брал Клячкина металлист приступом. — И философия, может быть, измельчала? Вот в чем все дело! От этого упадок вашего жанра. А на смену ему пришел рок.

— Нет, это не упадок. Дело в том, что в шестидесятые годы общественная потребность в нашей бардовской песне была. А сейчас общественной потребности такой не стало.

— В этом ли дело? Мне кажется, в другом, — сказал кто-то, и возбужденные металлисты вокруг заговорили все разом, так что телеоператору пришлось перейти к следующей группе. Самой большой, но и самой молчаливой, потому что здесь все внимали одному человеку, стоявшему в центре, ловя каждое его слово.

— Для меня, ребята, в любой музыке — в роке, в «симфо», в романсе, в «барде» — один закон есть. Для того чтобы песня послала человека в нокаут, нужны пять компонентов: стихи, музыка, вокал, игра на инструменте и внешний облик.

— И душа, наверное, тоже? — раздался чей-то робкий голос.

— Об этом я уже не говорю! — И, бросив недовольный взгляд на того, кто подал реплику, продолжал: — Без души вообще ничего делать нельзя. Но пять компонентов — запомнили? — стихи, музыка, вокал, игра на инструменте и внешний облик должны быть непременно. Если хоть один из них отсутствует, песня пролетит... Это вам я говорю, Александр Розенбаум!

Комментарий к действию из конспекта Алексея Румянова:

«Что-то Александр там совсем распетушился: «я», да «я»! А «фанаточка»-то эта за своего кумира прямо глаза выцарапать готова. Не создавайте себе идолов! Но это отдельный разговор. Может, его кто-нибудь и поднимет?»

А Клячкин с этими волосатиками-металлистами все по-хорошему. И чего они на него налетели? Нашли место, где препираться! Пусть бы у себя на дискотеке и схлестнулись — интересно было бы посмотреть... Но Клячкин в разговоре с ними был на высоте. Нет, определенно стоящий мужик, хотя до меня он напрямую не доходит, как ни стараюсь. Другие — тоже как сквозь вату. Хотя юмор Леонида Сергеева — это особая статья. Правда, в передаче «Веселые ребята» он мне больше по душе. Раскрепощенней там, проще, что ли. А вот песни — нет. Может, потом придет — и с ним и с другими.

...Но что-то я отвлекся. Все уже опять в студию вошли, и ведущая, кажется, второй раунд объявила».

Действие на ринге действительно продолжалось. Прозвучали две новые песни — Евгения Клячкина об острове Валаам и «Элегия о Пушкине» Виктора Федорова. И вновь посыпались вопросы, бесконечные вопросы от тех, кто пока не был поклонником бардовской песни, но хотел сегодня на ринге уяснить что-то важное для себя.

Бардов спрашивали, почему у них нет песен, написанных «на сегодняшнем языке нашей демократии».

— Было бы дико, если бы я вышел, как Леонтьев, в штанах в обтяжку, стал прогибаться и показывать пупок.

— Для того, чтобы песня послала человека в нокаут, нужны пять компонентов... Если хоть один из них отсутствует, песня пролетит.

— На кассетах нас не слушали. У нас другого рода песня, другого характера.

«К л я ч к и н. Мне кажется, что вопросы, которые здесь возникают, порождены невежеством. Вы меня извините за грубость. Вины здесь, может быть, вашей и нет. Об этом жанре у вас просто нет никакого представления. Вы не слышали наших песен. Вот у Саши Розенбаума счастливая судьба — пленки его широко разошлись, и его знают. А с нами иначе. У нас не было средств массовой информации, и на кассетах нас не слушали. У нас другого рода песня, другого характера.

Любители знают Булата Окуджаву, знают Владимира Высоцкого. Нельзя сейчас писать, забывая, что был Высоцкий. Володя задал некую шкалу для любых песен. И от этой шкалы надо вести отсчет. Там, допустим, сто процентов, или единичка. А у тебя как — 0,3 или 0,7? Может быть, полтора? Полтора пока не было ни у кого, и единицы тоже. Вот это важно — чтобы точка отсчета была ясна. Уровень. А сравнивать уровни можно только с помощью средств массовой информации, и в первую очередь телевидения.

З р и т е л ь. А кого бы вы назвали бардом? Я спрашиваю потому, что, мне кажется, далеко не все, кто сегодня претендует на это, могут считаться бардами. Авторами-исполнителями — может быть, а бардами — нет. Я ничего не имею против Леонида Сергеева, я очень люблю его песни. Но к бардовской песне они, по-моему, имеют отношение весьма приблизительное, хотя атрибуты ее у него, несомненно, есть.

С е р г е е в. Честно говоря, я не понимаю, в чем смысл полемики. Какая разница, как называться: бардом или автором-исполнителем, миннезингером или вагантом? Мы будем спорить три часа и наконец определим, что я полувагант, псевдобард, в чем-то идущий от скальдов через скоморохов. Не в этом дело, мне кажется. Это не главное. Потом, я не совсем ясно понял, что значит «у него, несомненно, есть какие-то атрибуты бардовской песни». Что имеется в виду — мой живот, повязка, гитара?

— Мне хочется сказать от имени рокеров: если музыка хорошая и в людях она находит отклик, то не важно, как это называется — бардовская песня или «хэви метал». Я считаю, музыка Леонида Сергеева... Да что там, спасибо ему за эту песню!..

И, засмущавшись своей неожиданной откровенности, парень спрятался за спину стоявшего рядом товарища.

— Большое спасибо за песню! — еле справляясь с волнением, заговорила какая-то пожилая зрительница. — Я слышала много песен про войну. Но такую, чтобы до самого сердца, — первый раз. Еще раз спасибо и поклон вам низкий!..

И тут вопреки всем правилам в разговор вмешался один из наших социологов Николай Кафырин.

«К а ф ы р и н. Я хочу напомнить всем начало нашего ринга. Вернитесь мысленно на полтора часа назад — полное равнодушие большей части присутствующих. Помните? И сравните с ощущением, которое мы только что пережили. Значит, контакт и взаимопонимание устанавливаются. Будьте внимательны и осторожны — не нарушьте его!

З р и т е л ь. Мне тут иногда казалось, что сейчас раздастся крик «Бей их!» — и пойдет стенка на стенку. О чем мы спорим? Неужели бывает бескризисное творчество или кто-то будет утверждать, что жанра бардовской песни не существует? В любом творчестве есть подъемы и спады. Разве здесь собрались противники авторов-исполнителей? Поднимите руку, кто против этого жанра! Все «за»! Дорогие друзья, дорогие наши авторы-исполнители, здесь все «за», все желают вам, чтобы вы сделали еще больше и лучше. И только поэтому идут споры. А вы почему-то не хотите понять нас, отбиваетесь.

З р и т е л ь н и ц а. Можно мне? Я, наверное, представительница самой молодой здесь части аудитории — мне восемнадцать лет. У меня вопрос к бардам. Вы можете отразить наши проблемы? Мы в перерыве разго-

варивали с Евгением Клячкиным, и он сказал, что не берет на себя смелость сделать это. А мы нуждаемся в вашей помощи. Вы поймите нас правильно, мы не хотим жить только роком. В бардовской песне, мы чувствуем это сегодня, души больше.

*«На горе, на горочке
стоит колоколенка...».*

З р и т е л ь н и ц а. Я согласна с моей подругой. Почему вы поете только для своего круга? Вы как бы замкнулись в себе. А мы, наши проблемы? Почему вы не поете о том, что творится с моим поколением? Вас это не касается? Или вы делаете вид, что ничего не замечаете?

Р о з е н б а у м. Проблемы молодежи — любовь, трусость, ненависть?

З р и т е л ь н и ц а. Не только это. У нас еще наркомания, бездуховность, моральное падение, разрушение всех идеалов, которые вы, взрослые, внушали нам с детства. Почему так тянутся к року? Там хоть немножко говорится о том, чем больно наше поколение. Но

эта музыка только ожесточает. Вы же, мне кажется, помогли бы нам разобраться в жизни — вы старше и мудрее. Но вы отвернулись от нас! Вы поете только о каких-то высоких ценностях, которыми дорожит ваше поколение. Но мы-то этого понять не в состоянии! Неужели вы слепы?

Р о з е н б а у м. Тихо, тихо! Я врач «Скорой помощи». Я не могу спокойно видеть девушку, близкую к истерике. Я хочу помочь ей... Успокойтесь, ради бога! Может, и мы когда-нибудь напишем о наркомании. Но сейчас нас интересуют действительно другие проблемы, и тоже важные, как мне кажется, для восемнадцатилетних. Я сейчас вам спою песню, и то, как на нее реагирует молодежь на концертах, причем именно вашего возраста, мне очень дорого.

«В пальцы свои дышу: не обморозить
бы!

Снова к тебе спешу Ладожским
озером.

Долго, до утра, в тьму зенитки бьют
И в прожекторах «юнкерсы» ревут.

Пропастью до дна раскололся лед.
Черная вода — и мотор ревет:

«Вправо!»

Ну, не подведи! Ты теперь один —
Правый.

Фары сквозь снег горят — светят
в открытый рот:

Ссохшийся Ленинград корочки
хлебной ждет.

Вспомни-ка простор шумных
площадей.

Там теперь не то — съели сизарей.

Там теперь — не смех,
не столичный сброд.

По стене на снег падает народ:

Голод.

И то там, то тут в саночках везут

Гольх...

Не повернуть руля — что-то мне
муторно...

Близко совсем земля,
ну что же ты, полуторка!

Ты глаза закрой, не смотри, браток.

Из кабины — кровь, да на колесо —

Ало...

Их еще несет, а вот сердце — все,

Стало».

Из конспекта Алексея Румянова:

«Прошибает Розенбаум, прямо в самую точку: «...съели сизарей», «... в саночках везут голых»...

Там, в телестудии, наверное, не утерпел бы — кинулся, обнял. А может, и слезу не сдержал, как тот молодой офицер, что крупным планом во весь экран. А вот дома — надо же! В какой-то момент показалось: работает профессионал. Патологоанатом. Словно человеческие души препарирует, а вместо

скальпеля в руках гитара. Да нет, что это я... Померещилось, наверное, от избытка чувств».

Дополнение к конспекту. Из письма челябинского врача Л. Некрасовой:

«Потрясли лица. Молодые, старые. Их глаза — боль души, звучащая в песнях о войне, которые я слушала вместе с сидящими в студии, совершенно забыв, что от Ленинграда меня отделяет Уральский хребет».

Дополнение к конспекту. Из письма главного режиссера Театра оперы и балета в Донецке Е. Кушакова:

«Камера много раз показывала плачущие лица. На рок-концертах разве такое увидишь? Мне могут возразить: сентиментальность это. Но как нужна она в наш век практицизма и отчужденности! Будите доброту всеми силами, чтобы возник хоть относительный баланс между добром и злом. Думаю, что эту высокую миссию барды смогли выполнить только благодаря атмосфере «Музыкального ринга», обострившей чувства для восприятия настоящего искусства».

Дополнение к конспекту. Из письма московской журналистки А. Рыковой:

«Когда увидела лица слушающих песню о блокадном Ленинграде, все сразу стало понятно. Придет и уйдет рок, может быть, вернется твист или шейк, а может быть, что-нибудь и более причудливое, но настоящие ценности, дорогие нашей нации, навсегда останутся. Может, это и есть одна из самых важных проблем — не подражать и не заимствовать, а иметь свое собственное и всем одинаково нужное. Ведь как слушали песню и молодые и старые! В глазах — вся наша история, словно в зеркале».

После песни Леонида Сергеева о взводном и «Блокадного вальса», который действительно был воспринят на едином дыхании, в ринговской аудитории что-то изменилось. Барьер, разделявший зрителей в студии и гостей на ринге, не рухнул, нет. Но словно бы стал ниже. Казалось, те и другие наконец уви-

дели друг друга. Увидели, хотя еще не услышали, и заговорили на более близком языке, стараясь лучше понять друг друга.

«З р и т е л ь. Песни Александра Розенбаума и других авторов-исполнителей предназначены для уже добрых, уже хороших, уже высоконравственных людей. А как же та улица, про которую, к сожалению, все барды забывают?»

З р и т е л ь н и ц а. Пусть сначала улица дорастет, до авторской песни! А барды не должны опускаться до уровня ребят из подворотни.

З р и т е л ь. К сожалению, тех, кто на улице, завоевывает «хэви метал». Там и форма ярче, и романтика в атрибутике, и децибеллов столько, что получаешь заряд энергии, — вот только не для добра, а для насилия. Почему же барды не хотят вступить в противоборство с ними за души юных?»

З р и т е л ь н и ц а. Ваши высокопарные слова о противоборстве неуместны, потому что улица гонится именно за той музыкой, которая пропагандирует насилие. Для этих ребят в агрессии и заключена романтика. Для них в музыке важен напор. А в бардовской песне главное — слова, которые ваша улица расслышать не способна. Может, станут ребята постарше — что-то и поймут.

З р и т е л ь. Получается, что эту молодежь надо бросить на произвол судьбы? Я вот представляю дискотеку Дворца культуры Ижорского завода. Там сотни ребят, которых, я знаю, не заманишь на концерт бардовской песни. Что ж, мириться с этим?»

З р и т е л ь н и ц а. Но при чем здесь сами барды? Это задача воспитательных учреждений — прививать людям вкус.

З р и т е л ь. Как — воспитательных учреждений? А барды что, не воспитатели? Кто же они тогда, если, смотрите, сегодня в зале им удалось совершить переворот в душах многих молодых!

З р и т е л ь н и ц а. У меня просьба от тех, кто сегодня кое-что понял: вы должны

бороться за то, чтобы ваша песня, которая будит наши гражданские чувства, делает нас людьми, — чтобы эта песня до нас дошла!»

Из конспекта Алексея Румянова:

«Молодец девчонка! Что барды хотя законсервироваться в своей среде — факт. А молодым и правда их песни нужны.

... Дело идет к концу. Вы знаете, я где-то с середины передачи даже магнитофон включил. Потом прослушаю, может, еще напишу.

Я вообще-то не собирался смотреть, на фильм по другой программе настроился. Но дай, думаю, гляну так, из любопытства, что эти барды на «Музыкальном ринге» делать собираются.

Нет, вы, ленинградцы, честное слово, молодцы. Сроду не писал ничего подобного. Никуда».

И еще дополнения к конспекту.

Из письма московского инженера, сотрудника МВТУ имени Н. Э. Баумана Александра Идрисова:

«Вспоминаю истошно кричащую в микрофон девушку, очень похожую на школьного, профсоюзного или комсомольского работника. Она требовала от Розенбаума и от всех бардов песен о проблемах молодежи, остросоциальных песен. А я подумал, что за всем этим криком, судя по ее возрасту, скрывается одно желание, огромное и понятное, — ей нужны «алые паруса». И, скорее всего, песню, способную затронуть ее душу, сможет написать только тот человек, который найдет общий язык с ее сверстниками, если он захочет понять их, а не будет впадать в амбицию. Вообще все, что творилось у вас на ринге в этот раз, показало, как важно отцам и детям общаться чаще».

Из письма Ольги Световой (Иркутск):

«Отцы и дети? Авторская песня и коллективный урок? Те и другие получили его сегодня в эфире. Нам, «старикам», есть о чем подумать. А тех, кто выступал против бардовской песни, простим за молодость».

Но пусть не будет у читателя иллюзии, что

на этот раз мы получили в основном восторженные письма. Совсем нет. Других было если не больше, то вполне достаточно для того, чтобы на какое-то время вывести творческую группу «Музыкального ринга» из рабочего состояния. Ведь на телевидение приходили не только письма с выражением неудовольствия. Приходили еще и копии протестов, посланных в Министерство культуры, обком, горком и прочие высокие инстанции. Почту эту к конспекту Алексея Румянова добавлять не хочется, но и вовсе без нее обойтись нельзя. Ведь ожесточенное неприятие передачи с бардами — тоже реальность и какая-то краска в картине нашей жизни того периода, о котором я рассказываю. Поэтому выношу такие письма как бы за скобки главы. Итак...

«Странное впечатление оставил этот «Ринг». И не потому, что он больше напоминал корриду, а потому, что публика там молодняк и во многом люди дремучие и темные в отношении всего, что выходит за рамки «тяжелого металла», «новой волны» или «брейк-данса». Стоит только вспомнить эту жутковатую молодую особу, устроившую Розенбауму директивный разнос в худших традициях недоброй памяти прошлого. Будто не было ничего — ни перестройки, ни гласности, ни «Покаяния», ни статей и фильмов о Высоцком, а есть только цепные псы несвободы, злобно рычащие на любое проявление таланта и интеллекта. Страшно, как в лесу...».

Автор этого письма — Г. Г. Лахути, главный специалист проектного института «Ги-протеатр» Министерства культуры СССР, 49 лет.

Следующее письмо написано тридцатипятилетней москвичкой Т.Ю. Юленковой:

«Возмущение, негодование, гнев — вот чувства, которые владели мною во время вашей передачи, посвященной авторской песне. Как хотелось спросить: зачем? Зачем нужна ваша передача? Зачем пришли эти люди в студию? Слушать?»

Нет! Они пришли спорить!!!

Вы доспорились, товарищи, до того, что обвинили бардов в нежелании петь о наркомании, проституции. Вам бы очень хотелось, чтобы и с эстрады пели об этом. Газет и журналов вам теперь мало!.. Прекрасно! Как будет довольна ваша публика — проблемная песня о проституции!

Авторская песня была уже тогда, когда не было вашего «Ринга». Она есть, несмотря на ваш пресловутый «Ринг»! И она будет, черт возьми, даже тогда, когда в помине не будет ни вас, ни вашего «Ринга»!!!»

Возмущенный нами зритель И. С. Тищенко уже пенсионер, живет в городе Куйбышеве. Приведу несколько строк из его сердитого письма:

«Как смел «Ринг» посягнуть на святая святых — бардовскую песню?! Подвергнуть разбору творчество этих бескорыстных людей, усомниться в актуальности их сегодняшних тем? И кому позволили суд вершить — этим недоумкам «рокерам» и «металлистам», всему этому сброду, с которым порядочные люди и дела-то иметь не должны!»

Вот такие письма... Да что письма — были и угрозы авторам «Ринга» по телефону, словно в детективе. Как ни странно, иные поклонники бардов оказались куда воинственнее металлистов.

И тут во время очередного дежурства по «Телекурьеру» узнаю, что в Ленинграде проходит Всесоюзный слет любителей авторской песни. Приезжаю без приглашения, нарушая свой же принцип — работать в «Телекурьере» исключительно по вызовам телезрителей.

Со сцены объявляют:

— К нам приехал «Телекурьер» и его ведущая Тамара Максимова.

В полной тишине выхожу на сцену и со своей изломанной ринговской интонацией произношу:

— Добрый вечер!

Здесь это сейчас звучит как вызов, и в ответ тут же раздаются свист и выкрики:

— Долой «Музыкальный ринг»!..

По красному глазку камеры вижу: телеоператор съемку не останавливает. Поэтому решаю продолжать в ринговском стиле, как бы не обращая внимания на бурную реакцию зала:

— Конечно, так «Телекурьер» не встречали даже металлисты, к которым в прошлую субботу мы ездили по вызову их родителей. Но я хочу, несмотря на ваши протесты, выполнить свою миссию до конца и прочесть вам строки из письма, ради которого сегодня сюда и приехала. Потому что уверена: написанное на этих шестнадцати страницах для каждого из вас должно значить не меньше, чем для меня.

И я достала листочки в клеточку, которые до сих пор храню как реликвию, как знак маленькой победы нашего «Ринга».

«Пишу вам от имени той самой страшной «улицы», которой все так боятся, от которой шарахаются с ужасом и за частичку человечества не считают. Кроме меня в нашей компании 14 человек, средний возраст 16—19 лет, я самая младшая. Зовут меня Женя, учусь в 10-м классе. Вашу последнюю передачу смотрели все вместе, в бункере. Собрались, как всегда, вечером и в предвкушении «Ринга» расселись на полу. Только когда узнали, что будут барды, хотели сразу ящик выключить.

...Но вот начался второй раунд, и такая тишина воцарилась, какой не было с начала существования нашей команды (3 года). Скажу честно, о бардах мы всегда думали как о надоевших халтурщиках. Боже мой, как мы ошибались!!!

Клячкин, Сергеев, Федоров, Розенбаум потрясли нас. Мы открыли для себя новый мир. Если выражаться на нашем жаргоне, это был тот самый кайф, который волнует, и успокаивает, и приподнимает одновременно. Когда запел Леонид Сергеев о войне, у нас с Катькой (нас всего две девушки в компании) глаза стали на мокром месте, а уж когда Розенбаум начал о блокаде, мы просто плака-

ли, плакали в три ручья. У меня еще никогда не было таких ощущений, как сегодня. Эти слезы облегчают, заставляют смотреть сквозь них на мир честнее и человечнее. Мы с Каткой своих слез не стеснялись. Уверена, был бы в бункере свет потушен, парни бы тоже плакали. Когда «Ринг» закончился, они боялись взглянуть друг на друга, на нас, прятали глаза (поэтому поскандалили из-за включения света, поэтому слишком много скурено было сигарет)... А может, просто переживали из-за того, что так налетели некоторые там, на «Ринге»: «Улица! Безграмотная! Забитая! Она ничего не понимает! Это не люди!»

Да поймите же вы в конце-то концов, что мы самые обыкновенные парни и девушки, каждый со своим восприятием и характером. И не надо считать, что мы хуже вас, что мы серое стадо, которое должно еще «дорости» до бардов. Как мы устали уже от всего этого! Мы только тем отличаемся от своих сверстников, что чувствуем себя взрослее и не хотим принимать решений «на поводке». Мы стараемся найти свою точку опоры в жизни и отстаиваем свое мнение, иногда, правда, с помощью кулаков, когда слов не хватает. Нам не нужно опекать и кормить с ложечки. Не нужно думать за нас и решать, чем еще этаким напичкать наши головы. Это только обозляет.

...К кому это я обращаюсь? Один «Ринг» нас вроде и понимает. Да еще барды смогли бы понять, я уверена, но не очень-то хотят приблизиться к улице. Впрочем, для нас все равно великое счастье знать теперь, что есть на свете люди, говорящие душой...».

Послание из «бункера» я прочитала не целиком: как-никак шестнадцать страниц страстной исповеди — не для декламации в такой обстановке. Да и оператор давно делал знак — «закругляйся!». Я молча ушла со сцены, и тут зал взорвался аплодисментами. Участники слета вдруг запели один из бардовских гимнов — «Атланты». Для меня все это было как знак примирения.

Маленькая телевизионная драма с благополучным финалом была зафиксирована на пленке и вечером промелькнула в калейдоскопе еще двадцати пяти микросюжетов, отснятых нами в тот же день для «Телекурьера».

А за кадром осталось еще множество исповедей, присланных зрителями, молодыми и далеко не юными, после передачи с бардами.

**Зов
крови
предков**

Письма-исповеди, раскрывающие не только личную драму, но и драму времени, судьбу поколения, в музыкальную редакцию Ленинградского телевидения приходили редко, так что «Ринг» вполне мог гордиться получаемой корреспонденцией такого рода. В последней же почте появилось и нечто для нас новое — сигналы, подаваемые в поисках контакта представителями разных поколений. Наши социологи пришли к выводу, что ответ на эти сигналы нужно попытаться дать немедленно — с помощью такого музыкального языка, который способен привлечь и «отцов» и «детей».

Долго думали, какую музыку выбрать, пока не остановились на фольклоре. В этом был риск, и немалый. Два года раньше попытка представить на «Музыкальном ринге» народное творчество провалилась. Ни задушевность русских песен в исполнении ансамбля под руководством А. М. Мехнецова, ни занимательность колядок с выбором сужено-ряженого не могли удержать молодых зрителей у экрана. Многие из них, выключив телевизор, садились писать нам надрывные письма:

«Ринг! Не предавай нашу музыку!!! Никто не имеет права отнять тебя у нас и отдать фольку!

Твои преданные металлисты
и все другие рокмены».

Чего ждать от этих ребят теперь? Социологи уверяли, что ринговская аудитория за два года изменилась и способна кроме рок-музыки и эстрады воспринимать другие жанры. Ссылались на цифры, графики, полученные в результате анализа программы с участием бардов. Но авторская песня куда привычнее для молодых, чем фольклор. К тому же среди поющих поэтов есть люди, близкие молодежи по духу — Булат Окуджава, Владимир Высоцкий... Очевидно, в передаче о фольклоре ставку нужно делать тоже на личность сильную, незаурядную, конфликтную. Иначе опять может быть неудача.

— Человека, который нам нужен для этого случая, я хорошо знаю, — обнадежила нас редактор «Музыкального ринга» Галина Нечаева. — Это Дмитрий Покровский. А уж его ансамбль столько вызывает противоречивых мнений! От преклонения до полного отрицания.

И она показала нам две рецензии на выступления ансамбля.

В одной из рецензий покровцев обвиняли в поверхностности, непрофессионализме, саморекламе, профанации народного творчества и даже в склонности к магии, характерной для рок-групп, вместе с которыми они иногда выступали. Зато в другой подчеркивался свойственный ансамблю Покровского совершенно новый подход к народному творчеству, когда фольклор перестает быть музейным экспонатом, а становится элементом современной жизни.

— Особый дар Дмитрия Викторовича помогает людям ощутить свои корни, — просвещала нас Галина Нечаева. — Но в этом вы должны убедиться сами. Я позвоню в Москву Покровскому и договорюсь, чтобы он оставил вам билеты на концерт. Иначе не попадете.

Предложение нашего редактора было принято. Мы поехали в Москву.

И вот вечер в одном из московских концертных залов начался. Вскоре мы почувствовали, какую удивительную атмосферу удалось создать ансамблю Покровского: самые флегматичные слушатели на глазах преобразались. словно под гипнозом, выходили на сцену, начинали петь, плясать, а то и колени выкидывать. Потом была игра на дудках, пищалках, хороводы в фойе... Расходились все взлохмаченные, покрасневшие и ничуть не смущенные. Правда, происходили все эти чудеса с людьми изначально настроенными к ансамблю доброжелательно. Они хотели получить удовольствие от общения с артистами, от прослушивания милых сердцу песен.

Сразу подумалось: а возможно ли подобное на ринге? Ведь у нашей публики иной настрой. Конечно, в виде исключения, учитывая сложность стоящей перед нами задачи, можно пригласить в студию одних почитателей ансамбля. Они поддержат Покровского и своим энтузиазмом помогут сидящим у экрана слушаться, вжиться в незнакомый многим мир песенного и танцевального фольклора. Но может случиться иначе: телезритель почувствует «подставку», и тогда интерес к действию сразу пропадет. Не потому ли провалилась программа с ансамблем Анатолия Мехнецова, что из-за нашей перестраховки ринг превратился просто в вечер фольклорной музыки с приятными вопросами и еще более приятными ответами? Ошибку повторять не хотелось.

Ну а если соберется обычная ринговская аудитория, не окажется ли в ней воинствующих больше, чем нужно? И не проявят ли они явную тенденциозность по отношению к «чужакам», которым отдали «Музыкальный ринг»? В этом случае от «фанатов» можно ожидать чрезмерно хлестких, за гранью корректности, вопросов. А что «фанаты» появились и у самой передачи, мы видели по письмам.

Стали размышлять дальше. Допустим, вопросы будут слишком резкими. Смутит ли это Покровского? Скорее, только раззадорит, а блестящая реакция и природное чувство юмора помогут ему овладеть даже такой сложной аудиторией. Пожалуй, опасаться следует иного — равнодушных к искусству вообще. Последнее время мы заметили, что именно эта категория зрителей старается попасть на престижную передачу, используя свои связи. Еще бы, здесь можно других посмотреть и себя показать! Повезет, так крупным планом покажут на всю страну. А то еще и вопрос такой задашь, чтобы среди знакомых в героях ходить: «Как ты его!..»

К сожалению, любителей задать вопрос ради вопроса появлялось на ринге все больше.

Симптом тревожный. Но при подготовке к фольклорной передаче пришлось сосредоточиться на другом: как помочь таинственному дару Покровского проявиться в обстановке телевизионной съемки? Хватит ли ему и ребятам из ансамбля сил, творческого запала, чтобы зажечь ринговскую аудиторию и с помощью зрителей в студии передать этот импульс тем, кто находится по другую сторону экрана? Тем, кто досматривает ринг до конца.

А досмотреть, по нашему расчету, должны были многие. Тут уж постарались социологи и социальные психологи. Перед входом в студию они придумали соорудить гигант-анкету, с показа которой и начиналась передача.

Представьте себе: в кадре — распisanная метровыми буквами стена. Наверху — вопрос, один-единственный:

«Что ощущали вы во время прослушивания программы Дмитрия Покровского на ринге?»

И четыре столбика с вариантами ответа.

Перед входом в студию социологи придумали соорудить гигант-анкету.

В первом: «Зов крови предков».

Во втором: «Заполнение духовного вакуума».

В третьем: «Интерес к незнакомому жанру».

В четвертом: «Полное равнодушие».

Тут же — цветные мелки. Идешь в студию — вопрос сам собой откладывается в памяти. Вышел после съемки — мимо анкеты не пройдешь: большие цветные буквы в глаза бросаются. Возьми мелок и поставь крестик в любой графе. Это и есть твой вариант ответа.

Яркая надпись на стене помимо сознания превращалась в команду: не просто отвергай или принимай, а разберись, что происходит в твоей душе! Таковую же установку непроизвольно получали и зрители.

...Передача началась. Камера медленно панорамировала по стене с анкетой, а я говорила за кадром подчеркнуто интригующим голосом:

— Сегодня я советую вам ничему не удивляться. Многое из того, что вы увидите на «Музыкальном ринге», случится на телевидении впервые. Дело в том, что наши социологи проводят необычный эксперимент, и в нем, сами того не подозревая, участвуют все, кто вошел через эту дверь в студию. Более того, в этот эксперимент уже оказались втянуты и вы, наши телезрители, — да, с того самого момента, как каждый из вас прочитал надписи на этой стене. Так что вам ничего не остается, как ждать, чем задуманное социологами закончится. Но пока все еще только начинается. Начинается вопреки всем нашим правилам.

После этих слов камера с гигант-анкеты скользнула в раскрытую дверь студии и медленно поплыла навстречу звукам, доносившимся из середины тесного круга.

Плечом к плечу, спиной к зрителям, стояла довольно странная компания. Молодые люди в современных костюмах и девушки в расшитых русских сарафанах, глядя перед собой, сосредоточились на пении одного

В центре студии плечом к плечу, спиной к зрителям, стояла довольно странная компания

какого-то слога. Звук, казалось, концентрировался в центре маленького круга.

Прошла минута, три, пять — никакого внимания на камеры, за которыми операторы, усиленно жестикулируя, делали знаки, что съемка уже идет. Заканчивалась одна попевка — начиналась другая. За ней, без всякого перехода и пауз, следовали песни с необычной для «Ринга» мелодикой и гармонией.

Все происходило по еле заметному знаку человека довольно-таки демонического вида. В ореоле черных как смоль волос — неподвижное бледное лицо, выразительны на нем только усы. Очевидно, именно по воле этого человека остальные держали «круговую оборону» и, словно не чувствуя нарастающего раздражения публики, погружались в магические волны звуков, которые расходились по всей студии.

На одиннадцатой минуте терпению собравшихся пришел конец, и один из завсегдатаев ринга, рокмен, решился прервать таинственное действо.

— Скажите, пожалуйста, мы вам не мешаем? Может быть, нам вообще лучше уйти? — подчеркнуто вежливо начал он.

Ответа со стороны Покровского не последовало. Пение продолжалось.

— Разве вы не слышите? — продолжал рокмен. — Микрофон вроде работает... Или вы пытаетесь создать иллюзию, что находитесь в каком-то своем кругу и до других вам дела нет?... Объясните, что это все значит... Что же молчать? Повернулись к нам спиной, совершенно не обращаете внимания на публику. Тогда при чем здесь «Ринг»? Это как минимум просто неуважение ко всем здесь...

На этом красноречие рокмена иссякло, и он сел. А пение продолжалось.

— Что же это за народное пение спиной к народу? Да еще при галстуках? — язвительно подхватила девушка из соседнего сектора. — Раз уж мы пришли слушать народную музыку, давайте показывайте по всем правилам — с обрядами и в костюмах. Все как полагается.

Следом раздалась и другие голоса:

— Лицом к народу поверните свои песни!

— Телевизионное время транжирят!

— Это черт знает что!...

А пение продолжалось.

Растерявшимся зрителям ничего не оставалось, как обмениваться репликами между собой. Кто-то произнес:

— Будем говорить о главном: волнует эта музыка или нет? Понятны нам эти вещи или мы глухи и слепы к ним? Может, Покровский этого от нас и добивается.

Тут же откликнулся тот самый рокмен:

— Как говорить о том, чего я не вижу? Ко мне стоят спиной. Я не понимаю не единого слова.

— Они поют на диалекте, которого мы не знаем, — заволновались вокруг. — Да еще звук идет в центр круга, а не к нам!..

— Ответьте же! — не унимался рокмен. — Или сказать нечего?

— Ответьте!.. — уже не требовали, а просили заинтригованные зрители.

Пение наконец смолкло, и Дмитрий Покровский, повернувшись лицом к слушателям, взял в руки микрофон.

— Вы знаете, — начал он, — есть анекдот о том, что такое оратория. Если вы просто подходите к человеку и просите: «Дайте мне закурить», — это не оратория. А если вы произносите нараспев: «О—да о—йте о— мне...» и так далее, то это оратория. Но понять, чего вы от него хотите, человек уже не может. Так вот, народная песня, настоящая, от которой все отвыкли, — она поется в кругу. Люди стоят лицом друг к другу, а не спиной. Поэтому, раз уж вы нас на ринг пригласили, то воспринимайте ее так, как она поется, а не так, как вам бы хотелось.

И затянул новую песню — что-то из фольклора Вологодской области. Теперь исполнители развернулись на камеры, и все видели их лица. Это облегчило работу и телеоператорам и Володе, причем он попросил не упускать из виду Покровского и рокмена, интуитивно

почувствовав в начавшемся между ними диалоге драматургическую пружину разворачивающегося на ринге действия.

У рокмена, парнишки лет двадцати или чуть постарше, одного из тех, кого смело можно назвать типичным представителем нынешнего рок-поколения, весь азарт пропал сразу же, как только поединок сменился песней. Медленная, тягучая мелодия, многоголосый распев, очевидно, не то что не нравились ему — просто наводили скуку. Похоже, его даже начинало клонить ко сну, и он явно делал усилия, чтобы «держать лицо», так как опытным взглядом ринговского завсегдатая заметил, что одна из камер взяла его сектор под прицел. Видно, боялся зевнуть на крупном плане: засмеют ведь потом — тоже любитель фольклора нашелся! Но как только песня закончилась, рокмен вновь оживился, потухшие было глаза заблестели. И он начал провоцировать Покровского, стараясь втянуть его в обычную ринговскую дуэль:

Как только песня закончилась, рокмен оживился и начал провоцировать Покровского.

— Скажите, а для кого эти песни? Для кого вы все-таки поете? Для молодежи, для людей пожилых или совсем пожилых? Вот меня, человека молодого, народная песня не задевает. Не захватывает дух от вашего пения — и все тут! Может, у вас зрелищности не хватает? Или еще чего-то? Но вы, мне кажется, и не стараетесь затронуть молодежь. Поете для себя. А мы знаем: те, кто хочет добиться популярности, поступают наоборот — поют для других и делают на сцене что угодно, только бы понравиться публике.

— Вы правы: проституция среди исполнителей — вещь довольно привычная, — спокойно отвечал Покровский. — Но, к счастью, некоторые, представьте, поют еще и для себя. Во всяком случае, народ всегда поет для себя, а не для того, чтобы угодить зрителю.

И, видимо, считая, что разделался с рокменом, Покровский повернулся к другому сектору:

— А теперь я хочу спросить девушку, возмужавшую, отчего мы при галстуках вышли. Откуда вы взяли, что песни, которые мы вам показали, в деревнях поются в косоворотках да поясах расшитых?

— Потому что это музыка народа, — бойко отрапортовала та. — И, вообще, то, что вы тут показываете, это совсем не для широкой аудитории, не для молодежи. Я согласна с предыдущим товарищем, который сказал, что не воспринимает вас. И я тоже отношусь к вашим песням как к экзотике. И только.

— Вы смотрите, до чего мы дожили! — не выдержал Юрий Берендюков, руководитель группы «Яблоко», весь состав которой сидел среди зрителей ринга. — До чего мы с вами дожили, если музыка своего народа, музыка, которая должна быть в нашей душе, в нашем сердце, воспринимается как какая-то экзотика! Словно к нам на ринг пришла группа папуасов и исполняет свой ритуальный танец... так многие здесь, не понимая, не чувствуя, слушают народные песни!

— Слушают — уже хорошо, — вновь подал реплику рокмен. — Может, понять что-то хотят, а вы мешаете!

З р и т е л ь. Существует мнение, что фольклор в деревне уже умер, поскольку молодежь заражена влиянием города и не поддержала фольклорную традицию старшего поколения. Правда ли, что ваш ансамбль хотел бы возродить в городе фольклорное движение, с тем чтобы эта новая волна опять пришла в деревню?

П о к р о в с к и й. Нет, неверно. Мы хотим возродить фольклорную традицию в деревне и считаем это своим долгом. Дело в том, что в течение многих лет насаждалось такое представление, что телевизор — это хорошо, а песня для себя — не очень. Это сегодня продемонстрировала ваша аудитория. Подобный подход привел к гибели деревенской культуры. И не только культуры, а деревни вообще. Теперь мы покупаем хлеб в Аргентине. Почему? А вот потому... Я не утверждаю, что можно возродить деревенскую культуру, что можно восстановить сельское хозяйство, но нужно пытаться это сделать. И мы делаем то, что в наших силах.

З р и т е л ь. Вы живете в городе. А не лучше ли вам быть ближе к деревне?

П о к р о в с к и й. Я был уверен, что сегодня мне зададут этот вопрос. Потому что я сам задаю его себе все годы, сколько мы работаем. Мы довольно много времени проводим в деревне, но при этом остаемся городскими жителями. Мы ведь профессиональные артисты, профессиональные фольклористы, профессиональные ученые. Мы занимаемся изучением сельской культуры, поиском ее закономерностей. И если бы мы уподобились Толстому и стали пахать, пользы от этого для нашей работы было бы меньше.

З р и т е л ь. Вы назвали себя городским человеком. Значит, интерес к деревенской культуре, к народной песне у вас чисто профессиональный? А может, и конъюнктурный? Ведь не так уж много музыкантов-про-

— Я был уверен, что сегодня мне зададут этот вопрос. Потому что я сам задаю его себе все годы.

фессионалов работает в этом жанре, поэтому здесь легче привлечь к себе внимание.

Покровский. Отвечу. В шестидесятые годы я был авангардистом — поклонником Штокхаузена, Пьера Анри. Больше всего я любил конкретную музыку, занимался ею. Мы искали новой творческой свободы, новых средств выражения. И однажды, после долгих поисков, после того как мы ломали роляги и старались изображать из себя свободных людей, я случайно попал в северную деревню и услышал, как там поют четыре бабки. У меня потекли слезы, и я понял, что на этом все, что было раньше, кончилось, а вот это и есть жизнь. И, кстати, это я всегда чувствую после пения в нашем ансамбле, если мы не в ссоре. Когда у нас в ансамбле, как сейчас, царит мир и когда мы все любим друг друга, то пение каждой песни для нас громадное удовольствие. И, в общем, нам можно в этом позавидовать, честно говоря».

— Когда я увидел вас в самом начале, мне хотелось встать в круг...
— Вот ты сам и раскрыл сейчас тайну народной песни...

Пока шел этот диалог, наш рокмен сидел молча. Камера время от времени подлавливала его реакцию. Слушал он внимательно, хотя и без особых эмоций. Но вот на его лице появилась ироническая улыбка, и он снова взял микрофон:

— Вы интересно говорите, и это увлекает. Но почему молчат остальные участники ансамбля? Не потому ли, что они не ваши ровесники, а мои? Эта музыка — не их. Они пропагандируют ее вместе с вами. Такой человек, как вы, может увлечь, я их понимаю. Но я хочу задать вопрос любому из этих ребят. Неужели вы не видите, что ваши песни — это имитация, подделка? Все искусственно, потому что деревенская культура — не для городских людей. И не нужно притворяться!

— Нет, то, что мы поем, это наше, родное, это есть в крови, — отвечала ему одна из девушек. — Разве ты не чувствуешь?

— Не знаю... Когда я увидел вас в самом начале, мне хотелось встать в круг. Но мне не хотелось слушать, — заговорил он каким-то совсем другим тоном, как будто, кроме него и этой девушки, никого вокруг не было. — Мне хотелось подойти к вам, но ваше пение только раздражало. А потом мне вообще стало скучно, когда вы запели вторую песню.

— Вот ты сам и раскрыл сейчас тайну народной песни, — словно пропела девушка. — Ведь это обряд, а в обряде участвует каждый. Понимаешь, здесь, на ринге, у нас и вправду несколько искусственная обстановка. Но ты подожди... ты еще сам войдешь в круг.

— Посмотрим, посмотрим... — прошептал рокмен и хотел продолжить, но то ли не смог, то ли его голос заглушили другие зрители.

В самом деле, не один же он хочет участвовать в действии! У многих вопросы есть. И вообще, хватит этой лирики или мистики. Тут же ринг! Да и песен давно не поют. А пора уж...

Солировала та самая девушка, с которой у рокмена завязалась ниточка. Он и слушал теперь иначе, это было видно по глазам.

Настроение в студии стало меняться. Кто-

то уже слегка покачивал в такт головой. Кто-то плечиком поводил. И когда песня закончилась, аплодировали громче и от души. Изменился и характер вопросов.

З р и т е л ь. Когда ваш ансамбль исполняет песню, возникает особая атмосфера внутри коллектива, которая захватывает, как бы втягивает в себя. Невольно хочется подпевать. А можно ли как-то заранее создавать такую атмосферу, чтобы в ней вот так же хорошо и естественно, как у вас, звучала народная песня? Тогда, может быть, ее чаще будут петь и в городе и на селе? Что вы думаете об этом?

П о к р о в с к и й. Есть серьезные работы о том, как создать праздничную обстановку. Но надо еще уметь в этой праздничной обстановке жить. Ведь на самом деле мы разучились существовать в празднике. И нам совсем не так часто хорошо, как хотелось бы. Может быть, действительно, если сделать так, чтобы людям чаще было хорошо, то все сами запоют? Мы вовсе не отстаиваем только один какой-то путь, только одну какую-то музыку. Просто опыт нашей работы убедил нас в том, что в сельской культуре эта музыка достаточно жива до сих пор. Более того, что она там умирает не естественным образом, а ее убивают. И нужно с этим бороться. Но это вовсе не значит, что всем нужно петь народные песни. Почему мы не стараемся восстановить народную песню в городе? Да потому, что ее истоки — в деревне! В конце концов, город — он и есть город. Здесь и рок и какая угодно музыка может быть.

З р и т е л ь. Насколько, на ваш взгляд, возможна адаптация фольклора к року?

П о к р о в с к и й. Были же Петр Ильич Чайковский, Модест Петрович Мусоргский. . . Они фольклор адаптировали, и ничего!

З р и т е л ь. Каким вы видите дальнейший путь фольклора? Это будет бесконечное воспроизведение старого, уже накопленного материала или появятся какие-то новые произведения, причем именно фольклорные?

Покровский. Было время, когда в каждой подворотне бренчали мальчишки с гитарами. И тогда казалось, что вот-вот эти мальчишки что-то такое запоют — и возникнет новый фольклор, современный. Потом за ними начала гоняться милиция. Сейчас уже в подворотне петь ни к чему — появились разные кружки, клубы. Но фольклор — очень сложное явление, под этим словом подразумеваются совсем разные вещи. Это и культурное наследие прошлого в самой жизни. Это и профессиональная культура, которую представляет наш ансамбль: мы поем песни, которые на самом деле никогда вся деревня не пела. Есть фольклор праздничный, есть обыденный. И каждый раз он принимает новую форму. И нельзя наперед предсказать, какую форму он примет в следующий раз и что именно будут тогда изучать фольклористы, что именно будет считаться фольклорным. Поэтому, конечно, фольклор в любом случае не останется перепеванием старого. Но естественно, что без сохранения традиций не будет просто ничего. Стало быть, и фольклора тоже не будет.

Зритель. Я хочу вернуться к вопросу о роке и фольклоре. Мне кажется, что рок, если и очень нравится, все равно рано или поздно приедается. А наш русский фольклор — это живая музыка, она никогда не приестся. И даже если только вспоминать старое, то и тогда это прекрасно!

Покровский. Мне кажется, что раскол, который мы наблюдаем внутри нашей национальной культуры, — это неестественное явление. Кстати, о нем писал еще Грибоедов. Однажды, увидев поющих крестьян, он подумал, что посторонний мог бы принять его и их за представителей разных народов. Вот он, этот раскол, давний, но неестественный... Когда-нибудь мы все-таки придем к единству своей культуры, к гармонии с самими собой, вылезем из тех нелепых рамок, в которые сами себя загнали и в течение трех веков продолжаем удерживать».

Сказав это, Покровский выразительно посмотрел на рокмена. По заметному оживлению в студии мы поняли, что продолжения их словесной дуэли ждали не только в режиссерской аппаратной. Рокмен к тому моменту, уже освободившись от чар девушки-исполнительницы, готов был снова вступить в спор. Может быть, он решил использовать «домашнюю заготовку».

— Скажите, — спросил рокмен язвительно, — то, что вы делаете, это искусство или ремесло? Вот в Древней Греции ремесла считались искусством, а у римлян, наоборот, ценилось прежде всего мастерство...

— А Гете говорил, что искусство подстерегают два чудовища: художник, который не является ремесленником, и ремесленник, который не является художником. В этом смысле мы придерживаемся позиции Гете, — парировал Дмитрий Покровский.

Но тему уже подхватили. Разговор пошел о подлинности в искусстве, о национальных традициях, о старом и новом в творчестве.

З р и т е л ь. Не считаете ли вы, что в современной музыкальной культуре наступил кризис? И с этой точки зрения не является ли ваш ансамбль хранителем настоящей музыки для будущих поколений, чем-то вроде Ноева ковчега?

П о к р о в с к и й. Я не заметил кризиса ни в китайской музыкальной культуре, ни в центральноафриканской, ни в музыкальной культуре Океании. И говорить, что вся музыкальная культура переживает сегодня какой-то кризис, наверное, нельзя. Можно говорить о ее кризисе на протяжении последнего века в Европе. Вот это видно простым взглядом. И я думаю, что не случайно серьезные западноевропейские музыканты обращаются к культуре других континентов, к русской культуре в поисках выхода из кризиса. А мы обратились к собственным музыкальным традициям. Я лично — после того как потерпел полный крах, работая в русле западноевропейской традиции. Хотя я очень люблю ее. Например,

наш ансамбль поет Телемана, поет Гиббонса. Мы много что поем.

З р и т е л ь. Вы считаете, ваши песни — это часть русской культуры?

П о к р о в с к и й. Наши песни несомненно часть русской культуры.

З р и т е л ь. А что такое русская культура?

П о к р о в с к и й. Русская культура — это русская народная песня. Это русская классическая поэзия. Это икона. Это деревенская и городская архитектура. Это театр Мейерхольда. Это поэзия Мандельштама... А вот, например, матрешка никогда никакого отношения к русской культуре не имела. Матрешка — это японская кукла. Она была привезена в Россию в начале двадцатого века и сразу же стала использоваться как изделие, которое раскрашивалось под народные промыслы и продавалось на экспорт.

З р и т е л ь. Вы вообще отрицаете усвоение культурой каких-то привнесенных элементов?

П о к р о в с к и й. Речь не об усвоении элементов чужой культуры. Потому что та же матрешка — не элемент чужой культуры в России, а просто техническое создание, которое с самого начала существовало у нас как сувенир для продажи иностранцам. Но при этом частью русской культуры матрешка не была раньше и не является сейчас».

И тут микрофоном вновь завладел ищущий реванша рокмен:

— Вы хорошо говорили о русской культуре, и я подумал, как много могли бы вы сделать для возрождения ее традиций среди молодежи. Могли бы, но не делаете, потому что ваш принцип — петь для себя, в свое удовольствие. А что там с культурным уровнем молодежи творится, вам наплевать. Так где же в таком случае ваша активная гражданская позиция?

— Я должен сказать, что петь для себя — это сегодня и есть настоящая активная гражданская позиция, — ответил Покровский.

*Покровский выразительно
посмотрел на рокмена.*

«Зрительница. Но как же нам, поколению, воспитанному на роке, приобщиться к этой музыке? Вот я учусь в художественном училище. Недавно на уроке композиции педагог нам сказал: вспомните, ребята, какую-нибудь русскую народную песню. Ну, может, ту, что вам в детстве пели... И вы знаете, какие глаза растерянные у всех были! Только трое могли вспомнить, больше никто. Так где они, эти наши истоки, о которых вы говорили? Где ребятам их черпать? А многие, я уверена, после «Ринга» захотят узнать русскую песню, потому что это у них в крови. Но что может одна передача? Да и атмосфера здесь какая!.. Передаст ли ее телеэкран?»

Зритель. Кстати, об атмосфере. Я впервые слушаю сегодня русскую песню в

таким прямым контакте с исполнителями. Раньше я слушал по радио, но это на меня не производило впечатления. А сейчас впечатление очень сильное. Не могу сказать, что мне эта музыка понравилась или не понравилась. Но она меня как-то внутренне задела. Что же это за особое воздействие? И почему когда-то она была такой популярной, все пели? Может быть, потому, что она очень сильно влияла на внутренний мир человека? Мы столько говорим об этом, но что это такое, я сегодня почувствовал впервые. Я сейчас испытываю какие-то сложные чувства, мне даже не по себе. (Покровскому.) Ну скажите, может ли народная песня вот так влиять на человека? Вы, наверное, уже сталкивались с такой вещью?

Покровский. Сталкивался. Несомненно, это влияние есть. Но я убежден: телезрители, посмотрев передачу, не поймут многое из того, о чем вы говорите. Можно ли одной передачей дать заряд духовности с экрана телевизора, одним выступлением ликвидировать пробел, который оставлен в душе каждого ребенка детским садом, школой? Я считаю, что, пока не будет введена система обучения русской народной песне, никакие ансамбли, никакая пропаганда ситуацию с общим отношением к фольклору не изменят. А урок пения, один настоящий урок, способен сотворить с каждым человеком чудо! Можем попробовать. Я никого не хочу сейчас насильно поднимать с места, но если кто-то почувствует желание выйти с нами в круг и запеть, я прошу вас: не сопротивляйтесь самому себе!»

Дальнейший ход событий на ринге описать без помощи телезрителей не берусь. Уж слишком необычный результат получился от нашего эксперимента с фольклорной музыкой. Но все по порядку. Пусть рассказ начнет Н. В. Кравченко из Полтавы:

«По телевизору запели «Пчелочу». Сначала только Дмитрий Покровский и его хлопцы и девочки. А потом глазам своим не

верю... и другие пошли в круг. Как во сне: глаза вылупили, рты раскрывают, видать, сами себе надивиться не могут. Что творится! Подпевают ребятаки «Пчелочу». Ну и Покровский!»

«Я слушал эту народную песню, пришедшую от моих предков, и смеялся так радостно, как не смеялся ни от чего, — пишет магаданец Г. И. Янков. — Лежа на диване, я дрыгал ногами и дергал плечами в такт, отчего разбудил лежащую рядом жену и получил от нее недовольный монолог. Что-то вроде: «Ты что, с ума спятил?!» У нас в Магадане уже первый час ночи, а я не пойму, что это на меня ваша передача навела».

«Было поздно, но я включил телевизор на полную громкость. — Это уже Н. И. Назин из города Шахты. — Пусть кто-то услышит, потеплеет душой! И услышали. Подходят под окно соседи-пенсионеры, от жары спасались у подъезда, и говорят: «Спасибо! Нашу исполнили!» Это, говорю, Ленинграду спасибо, покровцам за такой эксперимент, который молодежь нам вернул. Смотрите, как распелись! Частица народного в дом возвращается».

«Этот все разрастающийся круг! — продолжает комментировать действие на ринге мой мурманский коллега из газеты «Комсомолец Заполярья» Валерий Василевский. — Вот Марина Капуρο вышла, поет вместе с Покровским. Какая-то словно оглушенная происходящим: оказывается, люди так радостно принимают то, с чего она начинала в «Яблоке» пять лет назад. И здорово, что ее прекрасный голос влился в общий хор. Вот бы и дальше ей петь только такие песни, а не дешевую эстраду! Пожилые лица на экране — удивленные, просветленные. Ведь возрождается то, что так долго губилось. Они-то помнят, как было... И тот жалкий, жующий жвачку парень, пытающийся закрыть уши, — его ли вина в том, что ему стало неудобно в этой высокого напряжения духовной среде? Как сказал Экзюпери: «Он не виноват. Его просто не научили».

А поэту Ивану Драчу, видно, менее сентиментальному, чем мой молодой коллега из Мурманска, в образе «того впечатляющего юноши, который заткнул уши пальцами и взволнованно жевал Время, материализованное в жевательной резинке», представилось все «рок-поколение, выпестованное последними десятилетиями».

Но не подумайте, что «жующий Время» — это наш рокмен. Конечно, нет! Вы уже догадались, что после всего случившегося с ним в этот вечер он уже не мог остаться в стороне. Как только началась эта самая «Пчелоча»,

стало видно, как хочется ему вступить в общий хор. Но он не решался. И когда Дмитрий Покровский разыскал его в зале и вытащил на середину круга, он был счастлив и смущен одновременно.

Что значит сила воображения! Вот как увидела то, что происходило дальше, девятиклассница из Москвы Ада Аксикаева:

«Тот бедный парень в черной рубашке, задававший усердно вопросы, чуть не свалился с ног под натиском самого Покровского, когда исполнялась какая-то «Пчелка». Покровский всех зрителей под гипнозом стал

«Что творится! Подпевают ребятки «Пчелочу». Ну и Покровский!»

заманивать в круг. Этот Покровский, он мне очень не понравился. Просто вытащил того парня на сцену и как бы говорил в душе своей: «Ты у меня сейчас запляшешь, да так, чтобы больше не осталось слов на вопросы. Я у тебя всю дурь выбью из головы! Вот потрясешься три песни подряд, тогда посмотрим, что скажешь». Вообще, нормальный человек не должен терять чувства меры и такое вытворять, что каблуки подкашиваются, а на лице радость первобытного человека».

Я тоже помню этого парня — камера следовала за ним неотступно. Но я увидела его совсем другим. Первоначальная растерянность на его лице сменилась простотой и ясностью. Волосы закурчавились, глаза округлились, нос стал задорно курносым. Даже черная рокеровская рубашка его теперь походила на русскую косоворотку. С какой-то ухарской удалью он подпевал в лад незнакомой песне и притоптывал, и подмигивал, и бровями играл. И откуда только взялись эти движения рук, плеч...

Да разве только у него! Девчонки в мини и макси, молодые дамы, степенные и совсем юные пары... Какой-то военный и девушка в ярко-желтом платье-плаще отплясывали так, что, я уверена, потом с трудом узнали себя на экране. Такого разгула веселья в студии, такой бесшабашности никто из нас и представить заранее не мог.

Но вот магическим движением руки Покровского буйство прекратилось. Все долго хлопали сами себе, потом стали медленно расходиться по местам и как-то притихли.

— Скажите, мы вам сейчас песню не испортили? — неожиданно спросил кто-то Покровского. — Чтобы вот так встать в круг, что нужно? Овладеть какими-то навыками, какими-то законами жанра?

— Да не трусить, и все! — рассмеялся Покровский.

И тут поднялся наш рокмен:

— Дмитрий Викторович, спасибо вам большое! По-моему, после такого перепляса и

песен действительно почувствуешь себя настоящим русским человеком. Вопросов у меня больше нет.

— Что ж, тогда на прощание станцуем все вместе. Вы как?

Все словно только и ждали этого приглашения. Повскакали с мест, и опять пошел немислимый перепляс, с песнями, хороводами. «Загул на ринге! — смеялись мы в режиссерской аппаратной. — Жаль, пленка скоро кончится. Что-то еще будет?»

«А круг все разрастался, и так хотелось войти в него и тоже «не испортить песню».

Это я опять цитирую коллегу из «Комсомольца Заполярья». Да что скрывать, у меня самой появилось отчаянное желание бежать в студию и вместе со всеми пронестись в этом вихре. Что там такое разбудили в нас Покровский и его ребята? Для меня это до сих пор загадка! А журналист из Мурманска свою загадку имел:

«Вот она, живая вода народа! Из самых истоков, из самых глубин истории несет она целебность нам, нынешним, разобщенным, растерянным и потерянным, вдыхает в наши квартирные клетки могучее движение духа народного, силу его. Его спасение.

Вы не поверите, но вот уже час, как на одном из балконов в доме напротив сидит мужчина и самозабвенно, на всю улицу играет на гармошке. К нему жена несколько раз выходила, стыдила, видать, просила людей постесняться. Но он даже ухом не ведет, разошелся вовсю и играет, играет, играет. И так хорошо от этой гармонии! Вот что ваша передача натворила...»

Рокмен вышел из студии одним из последних. У стены с гигант-анкетой уже почти никого не осталось. Колонка с надписью «Полное равнодушие» была пуста. Три остальных исчерканы крестиками и репликами: «Не любить фольклор — значит не быть русским», «До каких пор все настоящее будет занимать круговую оборону?», «Пришел с больной головой — ухожу заряженный

МИК...ОН
ВК...

токами жизни», «Народная песня не должна быть внесена в «Красную книгу»!!!».

Дальше рокмен читать не стал, а, высмотрев свободное место, поставил свой крестик в столбце, где вверху была такая непонятная раньше фраза: «Зов крови предков». А потом вписал еще одно слово — «кайф», что на жаргоне его поколения означает превосходную степень и высшее качество!

**Он
'СЕКРЕТА'
го ВИАМ ДЖОНА**

После эксперимента с ансамблем Дмитрия Покровского мы стали думать: а не пора ли представить на «Музыкальном ринге» и классику? Но анализ почты последних выпусков вызвал у социологов тревогу. Передача начала терять часть молодежной аудитории.

Нет, количество смотрящих «Музыкальный ринг» не уменьшилось. Изменился характер писем: в них проскальзывали ноты разочарования. И в первую очередь — у авторов до 25 лет. Само появление фольклорной музыки в передаче многие из них все-таки восприняли как желание старших навязать свои вкусы. Правда, реакция молодых на народную песню стала менее категоричной, чем три года назад. Нередко наши корреспонденты проявляли терпимость, но не без оттенка пренебрежения: «Пусть себе поют, если нравится. А плясали даже классно». Это о русских-то хороводах! Заканчивались же письма, как правило, восклицаниями типа «Даешь рок!».

Мы с Володей, конечно, расстраивались, так как втайне рассчитывали, что восприятие телезрителей окажется ближе к реакции участников действия в студии. Но Покровский был прав: одна программа, один концерт — всего лишь капля в море. И выводы социологов это подтверждали.

«У корреспондентов от 12 до 25 лет, — отмечали они, — при отрицательном отношении к фольклору ярко выражено предрасположение к рок-музыке. В возрасте старше 60 лет наоборот: рок — нечто чуждое, попирающее русскую культуру. Здесь тоже ничего после передачи не изменилось. Причем молодежь более активно пытается понять фольклорную музыку и причины своего равнодушия к ней. Со стороны самых старших телезрителей желания разобраться в «чужой» музыке так же мало, как и у самых младших. Начиная с 26 лет в отношении к народному творчеству намечается преобладание положительных эмоций над отрицательными».

Социологи настоятельно рекомендовали выбирать участников ближайшей передачи

с большой осмотрительностью, чтобы, не теряя позиций, завоеванных в экспериментах по «сближению поколений», в то же время вернуть пошатнувшееся доверие к «Рингу» части молодежной аудитории.

Задача не из легких, но решать ее нужно было не откладывая. И мы пригласили на ринг бит-квартет «Секрет» — ленинградский вариант знаменитой «четверки из Ливерпуля». Стремительный взлет этих музыкантов от рок-клуба до профессиональной эстрады, до ведущих популярной телевизионной передачи «Кружатся диски» и героев первого советского шоу-фильма «Как стать звездой» вызывал у зрителей разного возраста не просто интерес, а целую гамму разноречивых чувств. Самым же примечательным в короткой, но бурной биографии бит-квартета стало появление армии поклонников, фанатично преданных не только песням, но и стилю поведения своих кумиров.

Мы пригласили на ринг бит-квартет «Секрет» — ленинградский вариант знаменитой «четверки из Ливерпуля».

Чтобы яснее было, о чем речь, приведу строки из одного письма:

«Здравствуй, «Музыкальный ринг»! Я только что приехал из Таллинна. Сам-то я ленинградец, а ездил в Таллинн потому, что там выступал бит-квартет «Секрет».

Я знаю, вы называете нас «фанатами». Да, мы носим красные галстуки, как «секреты»; да, мы не пропускаем ни одного их концерта; мы ездим за «Секретом» в другие города. Но это все не из-за слепого фанатизма, не из-за моды, а по причине большой любви и огромного уважения к этим четырем ребятам.

...Я говорил с «секретами» о «Музыкальном ринге», и они сказали, что очень хотят выступить и готовятся к решительному бою. Так и сказали: «Будем драться». А я подумал — с кем? Неужели у «Секрета» есть враги? Неужели есть люди, которым эти ребята могут не нравиться?

С нетерпением жду от вас приглашения на «Ринг». Обещаю на сцену не выбегать и стульев не ломать.

Битломан и секретоман
Дмитрий Кузнецов,
20 лет, студент».

Оставалось надеяться, что примеру Дмитрия последуют и триста других «секретоманов», которых мы пригласили для участия в раундах.

Как только молодые люди и девушки в галстуках красного цвета появились в студии, наш ринг стал похож на растревоженный улей. В предвкушении предстоящей встречи «секретоманы» негромко пели, раскачивались из стороны в сторону, перекидывались программами и анкетами опроса, внося в студийную атмосферу необычное оживление задолго до начала съемки. Постоянные посетители ринга с любопытством разглядывали новичков. Поклонников бит-квартета узнавали сразу не только по красным галстукам, но и по аккуратным костюмчикам, подчеркнуто вежливым манерам — в стиле столь любимой ими «великолепной четверки».

Подражая своим кумирам, «фаны» создали даже клуб поклонников «Секрета».

Почему именно эта группа удостоилась такой чести? Ведь в Ленинграде столько других, не менее ярких музыкальных групп. В чем секрет «Секрета»? Разгадку мы и хотели найти на «Музыкальном ринге».

И вот раздались позывные. Погас общий свет, цветные прожектора высветили сценическую площадку. Послышались аккорды буги-вуги, и в длинных тренировочных халатах, в боксерских перчатках и с толстыми книгами под мышкой четверка вбежала в студию. Участники съемки, оценив эту выдумку аплодисментами, условия предложенной игры поддержали. Бокс так бокс!

Зритель:

— Максим, пожалуйста, приготовьтесь к первому удару, который мы вам сейчас нанесем.

Музыканты как по команде скинули халаты и боксерские перчатки, а Николай Фоменко достал вдруг огромную шпартгалку:

— Вот тут три вопроса, которые вы наверняка нам зададите. Мы их предугадали заранее. Первый — почему вы все время кривляетесь? Второй — почему вы подражаете «Битлз»? И третий — почему ваши песни никуда не зовут? Но эти вопросы, нам кажется, нет смысла задавать, потому что мы заранее приготовили на них ответы. Вот они, здесь записаны. Можем прочитать.

Однако зритель, начавший раунд, не растерялся.

З р и т е л ь. Нет, это вопросы, которых вы ждали. А удар будет совершенно с другой стороны. Максим, вопрос лично к вам. Как вы считаете, чем определяется подлинная ценность искусства?

Л е о н и д о в. Ух ты, как сразу серьезно!

З р и т е л ь. А вы думали, что мы сюда пришли в бирюльки играть?

Л е о н и д о в. Вы знаете, мы очень тщательно готовились к сегодняшней встрече. У нас тут с собой Большая Советская энцикло-

педия. В ней все наши ответы. Поэтому еще раз скажите, какой у вас вопрос, а я скажу, в каком томе и на какой странице ответ.

Зритель. Хотите выиграть время? Понимаю и повторяю: чем определяется подлинная ценность искусства? Я думаю, как выпускнику театрального института и бывшему актеру БДТ вам не сложно будет ответить на этот вопрос и без энциклопедии?

Леонидов. Я думаю, подлинная ценность искусства определяется аплодисментами».

Мальчики и девочки в красных галстуках восторженно зааплодировали. Им, безусловно, нравилось, как держались их кумиры. А Максим Леонидов между тем забеспокоился. «Секрет» вышел на ринг вовсе не для того, чтобы обнажать душу перед кем бы то ни было.

В последнее время дела у музыкантов группы шли не так блестяще, как казалось со стороны. С молодежной редакцией Ленинградского телевидения возник конфликт. В результате Максима вместе с его «Секретом» из эфира убрали. Не наилучшим образом складывались отношения с Ленконцертом. Многие звезды ленинградской эстрады, не выдержав тягот общения с этой организацией, «сбегали» на периферию. Последовал их примеру и «Секрет» — в поисках приемлемых условий работы, да и, что скрывать, просто средств к безбедному существованию. Гастроли от Ульяновской филармонии, под опекой которой находился теперь «Секрет», подрывали силы не столько творческие, сколько физические. Четверка побледнела, скоухдела, потускнела. И ребятам стоило немалых усилий по возвращении в Ленинград сохранять свое амплу весельчаков и счастливых чиков.

Как нужен был «Секрету» успех именно на «Музыкальном ринге»! Поэтому так тщательно продумывали всю атрибутику, костюмы, трюки, линию поведения, начиная от театрализованного выхода и кончая тактикой

ответов на вопросы дотошной публики. Поэтому и старался Максим Леонидов при помощи иронии сохранить легкий, шуточный стиль общения с аудиторией. Но зрители были настроены на другой лад. Они хотели откровенности в разговоре. И к концу первого раунда один из них все-таки вынудил Максима отказаться от балагурного тона.

З р и т е л ь. Вы считаете, это подлинное искусство, когда на ваших концертах в проходах творится неизвестно что — крики, шум поклонников, а голосов артистов не слышно?

Л е о н и д о в. Понимаю... На ваш взгляд, если человек на концерте выражает свой восторг свистом, аплодисментами и криком, это далеко от духовности. А вы знаете, как встре-

— Я думаю, подлинная ценность искусства определяется аплодисментами.

чали оперного премьеры в девятнадцатом веке?

З р и т е л ь. Не знаю. Как?

Л е о н и д о в. Ну примерно так же... А если провал, то уж свистели будь здоров — артисты еле ноги уносили из театра. Если на сцене кто-то брал фальшивую ноту, то поднималась целая буря — люди всакивали, шумели... И это было в порядке вещей, потому что все, что идет от чистого сердца, прекрасно.

З р и т е л ь. Максим, а как вы относитесь к тому, что в вашу честь открыли фан-клуб? И каковы его цели?

«**Ф а н а т**». Максим, дайте лучше я объясню, потому что придумали это мы! Некоторые предпочитают иметь хрустальные вазы и прочее барахло. А мы хотим иметь много настоящих друзей. И находим их именно в фан-клубе. Не только среди участников ансамбля, но и среди всех, кто сидит здесь в красных галстуках. Мы нашли друзей и познали радость общения.

З р и т е л ь. И я отвечу — как куратор клуба «Секрет». Если подростки тянутся к этим четырем музыкантам, к их песням, значит, стоит разобраться, в чем тут дело. А многих, я вижу, этостораживает. В самом слове «фананы» им, вероятно, чудится угроза. А вы подумайте, почему «Секрет» стал социальным, я подчеркиваю, социальным лидером молодежи? Ответ на это — в их песнях и в том, какой образ они создали. Дети по своей природе чаще тянутся к хорошему, а не к плохому, как принято у нас считать. Другое дело, что найти это хорошее, способное перекрыть отвратительные стороны нашей жизни, трудно. У ребят, о которых я говорю, переходный возраст, возраст очень сложный. И «Секрет» дал им то, что они ищут в реальности, — дружбу, любовь, истинные человеческие чувства. Дал не только в песнях. То, что проповедует «Секрет» со сцены, есть и в жизни этих четырех ребят, в их отношении друг к другу, к окружающим. Поэтому подростки верят им, идут за ними и хотят подражать им во всем.

З р и т е л ь. Но посмотрите, чем живут ваши трудные ребята: ведь они, кроме «Секрета», ничего в жизни не знают и ничем не интересуются!

Ф о м е н к о. Они знают друг друга и песни, в которых мы стараемся нести идеалы дружбы и добра. И научить их жить именно так, а не иначе. Сегодня в этом наша цель. А если бы мы стали доказывать ценность дружбы теоретически, никто из них и внимания бы на нас не обратил.

З р и т е л ь. Так в жизни есть только буги-вуги?

Л е о н и д о в. Ничего подобного! Для этих ребят самое главное сейчас то, что они вместе. Они не отсиживаются по чердакам и «бункерам», они друг другу говорят: «Вот моя рука — возьми ее». И объединила их песня, а не формальная организация.

«Ф а н а т». Я хочу сказать противникам «Секрета»: если вы считаете, что «Секрет» на нас плохо влияет, попробуйте предложить что-то взамен, создайте что-то лучшее, чтобы мы пошли за вами! Пока же все, что придумывают взрослые, скучно и фальшиво».

И тут разговор повернул в другое русло. Один из зрителей сказал:

— Хорошо, примем тот факт, что подростки воспитываются на вашей музыке. И поговорим о другом, более, на мой взгляд, серьезном, раз уж вы согласились здесь не просто обмениваться остротами и паясничать. Идет?

Четверка переглянулась. Тщательно разработанная тактика летела кувырком. Заготовленные репризы и трюки становились явно неуместны. Хорошо еще, что в музыкальную программу включили не только буги-вуги и рок-н-роллы, а и песенную лирику. Вздохнув, Максим невесело улыбнулся:

— Идет... Продолжайте, продолжайте. Очень даже интересно послушать мнение о себе серьезных людей.

И зритель продолжал:

— Я принадлежу к поклонникам вашего

актерского дарования. Я помню восемьдесят третий год, июль месяц, Моховую улицу, кордоны милиции. Масса народу осаждает театральный институт, потому что в учебном театре идет спектакль «Ах, эти звезды!». Музыкальный руководитель — Максим Леонидов. С театром и связан мой вопрос. Почему вы оставили Большой Драматический театр, мечту каждого актера? А вам ведь, что ни говорите, повезло — вы попали в БДТ после распределения. И второй вопрос. Если бы вам предложили создать театр, чтобы найти какой-то музыкальный синтез, вы бы взяли?

На экране было заметно, как глубоко задели Максима эти вопросы. У него даже в лице что-то изменилось. «Фаны» загудели — таким они своего кумира еще не видели.

«Леонидов. Не важно, из какого театра я ушел, — из Большого Драматического или из Театра имени Пушкина, куда попал после распределения Коля Фоменко. Да, мы ушли на эстраду, потому что здесь мы делаем дело, за которое сами отвечаем. Мы сами авторы, сами исполнители. Это очень сложно. Но это дорогого стоит — сознавать,

Было заметно, как глубоко задели Максима Леонидова эти вопросы. У него даже в лице что-то изменилось.

что ты самостоятелен и за себя отвечаешь сам, а не кто-то сверху. Особенно если к тебе никакого интереса не проявляли там, откуда ты ушел... Вынужден был уйти.

Ф о м е н к о. Я вот что хочу сказать, чтобы у вас не осталось впечатления, что мы остановились в своем творчестве или зазнались. Мы работаем много и трудно, хотя тщательно скрываем это. Ведь, когда видно, как тяжело артисту работается, с каким трудом он достигает результата, это, нам кажется, плохой артист. А впечатление такое у вас могло сложиться еще и потому, что мы у ленинградской публики как бельмо на глазу. Два года нас эксплуатировали на телевидении в передаче «Кружатся диски», два года в одном и том же амплуа. Буги-вуги на телеэкране, буги-вуги на сцене! А ведь мы с Максимом актеры. И неплохие, когда-то говорили.

Л е о н и д о в. Раз уж вы заставили нас сегодня разоткровенничаться, мы скажем вам о самом большом и тайном нашем желании: мы мечтаем о своем театре. Может быть, рок-театре-студии. И даже по ночам пишем пьесу, репетируем сцены. Может, когда-нибудь это сбудется и нам дадут помещение, где мы будем ставить свои спектакли. А пока мы готовим

программу для этих ребят в красных галстуках, сочиняем новые песни для них. Им тоже нельзя давать повод для разочарования.

«Ф а н а т к а». А я хочу сказать спасибо участникам бит-квартета «Секрет» за ту радость, которую они несут людям! У нас так мало радости в жизни, а на их концертах мы эту радость получаем! Когда в конце концерта они, уставшие, взмокшие, отыграв всю программу, садятся на краешек сцены и поют «Пусть нас ждут холода, огонь и вода...», и зрители, не репетируя, а в одном порыве душевном идут друг за другом гуськом и садятся с ними рядом, и поют вместе, и чувствуют себя друзьями, — это разве не высшая награда, которую может получить артист?

Л е о н и д о в. Спасибо, ребята! Мы вас любим искренне, и давайте споем о нашей большой дружбе».

Музыканты сели на краешек круга и запели. И, словно по команде, со всех сторон, как маленькие ручейки, к ним стекались мальчики и девочки в красных галстуках и аккуратных костюмчиках.

Таких, как они, называли «фанатами». А по сути, это были ростки первых неформальных объединений молодежи. Фан-клубы возникали один за другим. Клубы поклонников Валерия Леонтьева и Аллы Пугачевой, панк-рока и «хэви метал»... Ребята искали себя, задыхаясь в том духовном вакууме, который образовался стараниями взрослых, ставящих галочки в отчетах о работе с организациями формальными. Телевидение показало первых неформалов крупным планом. И оказалось, что духовно, нравственно эти ребята здоровее многих своих сверстников.

...Хотя в «Музыкальном ринге» с участием «Секрета» и были лирические эпизоды, он во многом напоминал развлекательное шоу, включающее элементы театрализации. При просмотре отснятого материала мы подумали: если театрализацию усилить, возникнет какой-то новый жанр, отличный от прежней словесной дуэли.

Какого эффекта можно достичь на этом пути, более ясно показала нам следующая передача.

Как только сценарная заявка на «Ринг» с участием «Популярной механики» Сергея Курёхина попала в дирекцию программ, все там стали меня спрашивать: а что собирается Курёхин устраивать на съемке? И зачем ему понадобилось соединять рок-группу, камерный оркестр, джаз, фольклор и какую-то непонятную «индустриальную труппу»?

Мои объяснения насчет того, что Курёхин музыкант синтетический, который сочетает в себе актера, дирижера, постановщика, композитора, известен как один из лучших джазовых пианистов страны, должного впечатления не произвели. Администрацию волновало другое: какую «бомбу» готовит для ринга этот «хулиган-гений»? Именно так был назван Курёхин в одном из номеров «Советского экрана» за 1987 год.

Автор статьи Сергей Шолохов, сейчас самый популярный ведущий «Пятого колеса», а в то время еще мало кому известный кандидат искусствоведения, рассказал в журнале о творчестве такого же мало известного тогда ленинградского авангардиста. Описание его неслыханных импровизаций, в которых «мирно уживаются не только Вивальди, Кобзон и Кинчев, но и гуси, змеи и козлы», сопровождалось неосторожной фразой: «Не прекращается поток возмущенных писем в газеты по поводу того или иного публичного выступления предводительствуемой Капитаном (такой титул был присвоен Сергею Курёхину друзьями) «Популярной механики».

Эти строки и вызвали тревогу у нашего руководства. Напрасно я показывала текст своего вступления к передаче, где говорилось, что, хотя у нас в стране имя Курёхина известно немногим, в Англии, ФРГ, Америке вышло уже пятнадцать его пластинок, журнал «Клавиатура» полностью посвятил свой номер 33-летнему советскому композитору, полторы сотни других зарубежных журналов взалхле

писали о его экспериментах с «Поп-механикой». Страх перед письмами разгневанных зрителей поддерживал непреклонность студийной администрации несколько месяцев.

Выручили коллеги с ЛСДФ, подбросив на телевидение информацию о том, что разрешен к показу документальный фильм Николая Обуховича «Диалоги», где снят концерт «Популярной механики». Было известно, что против выхода картины на экран долгое время возражал сам Е. К. Лигачев. Поэтому информация возымела свое действие,¹ и передачу с Сергеем Курёхиным разрешили, взяв с нас слово, что студию мы разнести не позволим.

Дав такое обещание, мы, однако, в благополучный исход не очень-то верили. Благодаря необузданной фантазии своего создателя «Поп-механика» обладала необыкновенным взрывным эффектом. И, надо признаться, «Музыкальный ринг» дал телезрителям возможность убедиться в этом.

Атаку на стереотипы зрительского восприятия Капитан начал в передаче с легкой артиллерии, выпустив на ринг одного из лучших саксофонистов Москвы Сергея Летова. Босоногий, в белоснежном хитоне, с развевающимся пышным хвостом на затылке, он своим видом сразу же шокировал публику. Некоторые, правда, обрадованно зашептались, так как получили повод для любимого вопроса об одежде артиста.

Начался дуэт Летова и Курёхина. Слушали внимательно и настороженно. Язык музыкального авангарда многих откровенно раздражал. Но всерьез объясняться по этому поводу было куда сложнее, чем повторять привычное. Поэтому атаку повели по старым правилам.

З р и т е л ь. Вы не задумывались над тем, что существует элементарная этика поведения на эстраде?

К у р ё х и н (задиристо). Что такое «этика»? Мы тут делали что-то неэтичное?

З р и т е л ь. Я понимаю, у вас какие-то свои средства самовыражения. Имеете на них

Какую «бомбу» готовит для ринга этот «хулиган-гений»?

право, конечно. Но то, что мы видим, вызывает нездоровые ассоциации.

К у р ё х и н. Вы хотели сказать — «слышим»? Какого рода нездоровые ассоциации появились у вас при исполнении этой музыки? Мне это важно знать, потому что тот же музыкальный язык будет функционировать на протяжении всей нашей программы, усложняясь с каждой новой композицией. Пока что были азы.

З р и т е л ь. Да я имею в виду вовсе не музыку, а внешний вид саксофониста! Во-первых, прическа. Во-вторых, босые ноги. Наконец, эти сумасшедшие одежды. Меня это интересует с точки зрения этики.

Л е т о в. Видите ли, если моя внешность возымела на вас большее воздействие, чем наша музыка, тогда извольте. Моя одежда несет сейчас определенную семантическую нагрузку. Этим обусловлен выбор покроя и белого цвета. Белый цвет в искусстве авангарда — это пустой цвет, символизирующий как бы чистый лист бумаги, на котором может быть все что угодно. А свободные одежды способствуют более полному раскрепощению тела и духа.

З р и т е л ь. Еще со школы мы помним такое изречение: кто ясно мыслит, тот ясно излагает. То, что мы сейчас прослушали, — про что это?

К у р ё х и н. Я думаю, прежде стоит конкретизировать понятие «ясность». Для некоторых максимальный предел ясности — «Во саду ли, в огороде...». Для меня ясность — это определенность того музыкального языка, на котором я изъясняюсь. В нем есть своя мелодичность, своя образность. Вот сейчас мы покажем вам композицию под названием «Альянс». Это пример одного из пределов ясности. А помогут мне камерный оркестр под руководством Юрия Шалыта, группа «Кино» и индустриальная группа «Поп-механики».

Музыканты из симфонического оркестра Ленинградской филармонии заняли свои

места на ринге. Черные фраки, белые манишки, скрипки и виолончели странным образом вписывались в интерьер студии. Но еще более странно выглядели рядом с академической струнной группой рокеры из группы «Кино» в своей мрачной экипировке и с застывшей маской «народных мстителей» на лицах.

По знаку Капитана те и другие пришли в движение, и вот на глазах у растерянной публики стала рождаться музыка, которую традиционное восприятие могло поначалу только отторгнуть. Но спустя некоторое время причудливые переплетения звуков уже не раздражали, а, скорее, удивляли внимательный слух неожиданной возможностью соединения несоединимого.

Потом Курёхин дал команду на выход «индустриальной труппе». Незанятая часть пространства ринга стала заполняться странными фигурами с фантастическими сооружениями на голове: у кого-то — ящерица в клетке, у кого-то — огромного размера рваный башмак в проволочных переплетениях. Некоторые персонажи сомнамбулически бродили среди зрителей, умудряясь никого не задеть, и словно излучали «антиэстетические» флюиды. Другие, в рабочих спецовках и промасленных комбинезонах, с лицами трубочистов, бомжей или просто забулдыг, вытаскивали на середину студии какие-то трубы непомерного диаметра, причудливые металлические и стеклянные конструкции и не спеша, с некоторой скукой и ленцой крушили их. В симфоробочную какофонию, к которой, казалось, большинство слушателей уже адаптировалось, начали вплетаться скрежет, скрип, звон.

Все это вместе создавало такой яркий образ абсурда, что становилось и жутко и смешно. Впрочем, кому как.

З р и т е л ь. Может, я чего-то не понимаю, может, у меня совсем «крыша поехала», но пусть кто-нибудь ответит мне, что это за дегенеративные рожи расхаживают тут во время исполнения музыки?! Или как это называется?

Дуэт Летова и Курёхина у многих вызвал откровенное раздражение.

Зрительница. Простите, а где вы их увидели? Я лично вижу совсем другое: символические образы той продукции, которую выпускают наши предприятия, в том числе и цех искусства. Одним словом — брак!

Зрительница. Если рушится какая-то металлоконструкция, издавая при этом звуки, разве вы не можете наделить ее душой? Она рушится и плачет, и составные ее элементы ходят печальными. Ваше воображение не допускает такого?

Зритель. Да вы все здесь сумасшедшие! Это же просто глумление над музыкой, искусством... Наконец, над всеми собравшимися здесь... Кто-нибудь призовет их к порядку? Пусть уйдут и не пугают детей! Ведь в студии подростки!

Подросток. А кто сказал, что мы боимся? Вы просто не включаете свое воображение, правильно здесь сказали. Я вот тоже вижу, как они разрушают ту ложную культуру, которой нас пичкают с детства, и ту мораль, которая только закомплексовывает.

Зритель. Мне тоже кажется, что это образы того надуманного мира иллюзий, в котором мы еще недавно жили. Так, Сергей, или нет? Что вы все молчите да усмехаетесь?

Курёхин. Вы совершенно правы. То, что мы стараемся передать с помощью «Поп-механики», — это ощущение общего кризиса в нашем обществе. А я певец гибнущей культуры, и в первую очередь музыкальной, потому что она не может развиваться дальше на прежнем уровне. И «Поп-механика» демонстрирует это наглядно, при помощи символов, пытается дать толчок для того, чтобы люди освободились от заученных лозунгов и цитат и их мышление стало более гибким. На основе этого они смогут создать что-то новое, истинное.

Зритель. Почему вы так безапелляционно утверждаете, что музыкальная культура сейчас в кризисе? Вы слышали симфонии Сергея Белимова? Вы знакомы с творчеством Шнитке, Иманта Калниньша?

К у р ё х и н. Этот перечень можно продолжить: Денисов, Губайдулина... Джентльменский набор.

З р и т е л ь. Прекрасно! Тогда я вам напомню кое-что из курса истории: именно в моменты кризиса в обществе происходит взлет духовной культуры. И мне очень странно все, что здесь сегодня происходит. Я хочу вас вернуть к такому понятию, как искусство. Вы говорили о новом музыкальном языке. Но каждое искусство стоит на четырех столпах. Это не я придумал, этому нас учили. Помните? Идейность, правдивость, выразительность и ясность. Разве в том, что показываете вы в «Поп-механике», это есть? Нет. А вы осмеливаетесь еще поднимать вопрос о музыкальном наследии! Так вот, не нам с вами решать здесь, что с этим наследием делать и как с ним быть. По-моему, об этом должны подумать в министерствах, которые занимаются просвещением и культурой, чтобы эфирное время не предоставлять подобным явлениям. Не предоставлять! Пускай себе сходят с ума где угодно, но не в эфире!

З р и т е л ь. Извините, но с точки зрения психотерапевта мне кажется, что речь идет не о гибели, а о возрождении культуры. Тот синтез, который мы видим в «Поп-механике», — это праздник фантазии, спонтанности, произвольности. И главное — раскрепощения. Это, если хотите, революция чувств. И это музыкальное зрелище надо не понимать, а именно чувствовать. Оно производит впечатление, конечно, на людей эмоциональных. И тогда дает катарсис, очищение души. Я, например, как врач-психотерапевт, хотел бы привести своих пациентов, страдающих неврозами, на ваши концерты. Уверен: они бы вылечились, у них все эмоции вернулись бы на свои места. Да потому невроз и возникает у людей, что отрицательные эмоции в обществе преобладают. И им нет выхода. Само наше общество давно и тяжело больно, оно для своего лечения нуждается в хирургическом вмешательстве.

З р и т е л ь н и ц а. Я не пациентка доктора, но поклонница Сергея Курёхина и ни одного концерта не пропускаю. Я зачарована его представлениями. Они бывают редко и всегда разные. Но каждое словно возрождает жизненную энергию, которой так не хватает при нашем сегодняшнем пессимизме.

К у р ё х и н. Тогда для получения положительных зарядов — еще один вариант «Поп-механики»!»

И, дьявольски улыбнувшись, Сергей взмахнул руками и подпрыгнул. Это была его особая манера дирижирования, а знак сей означал начало общего действия.

*Дьявольски улыбнувшись,
Сергей взмахнул руками и
подпрыгнул.*

На этот раз к рок-группе «Кино», струнному оркестру, «индустриальной труппе» присоединилась секция авангардного джаза и футуристов во главе с Африкой (Сергеем Бугаевым, который теперь известен многим как герой фильма С. Соловьева «Асса») и Олегом Гаркушей (тоже героем сегодняшних фильмов о молодежи). Дополняли этот ансамбль гуси и куры, спокойно расхаживавшие среди экзотических цветов, приготовленных на съедение Африке и Гаркуше. Все на ринге двигалось, звучало, существовало одновременно, казалось, создавая модель затягивающего омута массовой культуры.

Единственным, кто не терял ориентировки в этом хаосе, был Сергей Курёхин. «Хулиганский» парил над зрелищем дисгармонии и, подобно магу, заставлял музыкантов по очереди извлекать из своих инструментов крупницы истинного искусства: саксофонные импровизации Сергея Летова, виртуозные пассажи группы струнных под управлением Юрия Шалыта, щемящий душу вокал самого Курёхина, напоминающий заклинание шамана...

Но вот одним жестом Капитана действие было остановлено. И снова выплеснулись эмоции тех, кого этот отказ от всяких канонов в искусстве прямо-таки выводил из себя.

З р и т е л ь. Я хочу спросить дирижера группы струнных. Послушайте, вы ведь классический музыкант, солидный человек, представляете вроде нашу филармонию. Так что же вас заставляет связываться с этой маразматической «Поп-механикой»? С этим патологическим, с позволения сказать, композитором?

Ш а л ы т. Ну, во-первых, вы понимаете, что я так не считаю, раз выступаю здесь. И хочу добавить, что многие музыканты, работающие в разных жанрах, считают за честь играть в «Поп-механике». По зову Курёхина они приезжают из разных городов страны и выступают бесплатно. Попробую объяснить, почему. Мне кажется, что музыканты не должны замыкаться в рамках определенного

стиля. Это все равно что если бы меня как дирижера спросили, какой композитор мне нравится, а я бы сказал: «Рахманинов». Это было бы ерундой, потому что любовь к Рахманинову совсем не значит, что мне не нравится музыка других авторов. Точно так же и тут. Я воспитан на классике, но всегда искал выхода в иную сферу. И вот встреча с человеком такой невероятной энергии, фантазии, музыкальности, такого таланта дала мне возможность выйти за пределы привычного. Я впервые ощутил себя полноценным музыкантом благодаря Сереже. Я стал его соавтором в импровизациях и почувствовал свободу в творчестве и в жизни.

З р и т е л ь. Мне очень странно, что здесь ни разу не прозвучало слово «театр», хотя в том, что мы видели, очень много театральности. Ясно, что ваша задача не только создавать слуховые образы, но и синтезировать их со зрительными. По этому поводу вопрос такой: то, что участники вашей группы здесь творят, или вытворяют, как угодно, — это заранее срежиссировано или это чистая импровизация?

К у р ё х и н. Нет, ни в коем случае не импровизация! Костюмы придуманы заранее...

З р и т е л ь. Ну это понятно, а поведение?

К у р ё х и н. Дальше. То, как действие на сцене будет развиваться, определено тоже заранее. То есть те моменты, когда должен появиться тот или иной человек, тоже срежиссированы мной. Другое дело, что я не очень точно намечаю какие-то нюансы. Допустим, я могу сказать: ты находишься справа от сцены, вот тебе труба — и работай. А то, как он будет работать с ней, это для меня уже не принципиально. Главное, что у него есть функция, которая мне нужна для данной композиции.

З р и т е л ь. Сергей, как вы считаете, кто вы на самом деле — композитор или талантливый организатор звучаний вещей, музыкантов, животных?

К у р ё х и н. Дело в том, что композитором до сих пор назывался человек, который более или менее умело монтирует звуки. А я в общезвуковую ткань включаю область визуальную. И там, где, скажем, музыкальная фраза заканчивается и мне нужен переход в другое качество, я дополняю это качество каким-то визуальным действием. То есть я строю произведение только по психологии формы. Есть определенная форма, есть несколько языков, которыми я пользуюсь в данной программе. И я выстраиваю форму так, чтобы эти языки логично переходили один в другой. Поэтому композитором в традиционном смысле назвать меня трудно. Равно как и режиссером. Это просто я и моя «Поп-механика». Зрелище, которое несет энергетический заряд со знаком плюс...».

...После ринга с Сергеем Курёхиным мы с Володей были просто одержимы идеей такой программы, в которой можно свободно раздвигать границы разных жанров и, смешивая их, создавать феерическое телевизионное действие, ориентирующее зрителей на положительные эмоции.

Нам вообще все чаще хотелось уйти от публицистики, право на которую в музыкальной программе мы с таким трудом завоевали и отстаивали в течение нескольких лет. Многим коллегам, считающим нас серьезными журналистами, это казалось непонятным. Как можно в период, когда ограничения на слово в эфире наконец-то сняты (или почти сняты), бежать от самих себя! И куда? К «развлекаловке»!

Но причины для этого, на наш взгляд, были достаточно вескими. Телевидение из одной крайности стало впадать в другую. Цензурные ворота распахнулись так широко, что эфир все больше захлебывался от собственной левизны. Без острой публицистики, помноженной на выступления рок-групп и «хэви метал», не обходилось теперь дело в самых разных передачах, начиная от общественно-политических и кончая научно-позна-

вательными. Любимой формой общения на экране стали дискуссии, по остроте никак не уступающие ринговским. Даже в детских программах без устали обличали все новые пороки и изъяны нашей и без того тяжелой жизни, сегодняшней и вчерашней. Телевизионные журналисты словно в негласное соревнование вступили — чей материал скандальнее. Один Александр Невзоров своими «600 секундами» ежедневно повергал в панику и ужас миллионы зрителей, принимающих ленинградскую программу. А не смотреть не могли: невзоровский информационный боевик притягивал к экрану даже ребят.

На «Музыкальном ринге» тоже сказывалась эта общая атмосфера. Били наотмашь, без разбора, часто даже не замечая наносимых обид. Особенно несправедливо это было по отношению к «Машине времени», которая зимой 1987 года после трехлетнего перерыва выступила у нас с новой программой.

Перед съемкой в Ленинграде корреспондент «Советской культуры», удовлетворяя любопытство читателей, задал Андрею Макаревичу вопрос: разделяет ли он мнение тех, кто считает, что на телевизионном ринге музыканты себя чувствуют менее уютно, чем на настоящем, боксерском?

Помня изящную дуэль с доброжелательно настроенной публикой на встрече 1984 года, Андрей Макаревич ответил: «Ну что вы, просто нужно соблюдать правила игры. Во-первых, не следует огрызаться. Быть благодушнее. Второе — отвечать быстро, по возможности остроумно и не слишком серьезно. Помнить, что ты проходишь тест не на философское осмысление своей профессии и всей жизни, а, скорее, на то, как ты умеешь держаться на эстраде. Тогда вам это даже может начать доставлять удовольствие, и аудитория это почувствует». И дальше Макаревич добавил, что для предстоящего ринга группа подбирает специальную программу.

«Патриархи советского рока», как их теперь называли, и предположить не могли,

какая встреча их ожидает. Впрочем, как всегда, ринговская аудитория всего лишь выражала общественные настроения на данный момент времени. Поэтому вопросы задавались преимущественно злые, подчас просто жестокие.

З р и т е л ь н и ц а. Когда появилась «Машина времени», это был просто бум для молодежи. Ваши песни переписывали. Они стали гимном свободы и звучали везде. И до сих пор с нами остались именно те, ранние ваши песни — они вечны. А то, что вы сочиняете сейчас, проходит мимо нас, потому что это просто однодневки. И вы не можете этого не чувствовать. Тогда почему же вы до сих пор на эстраде?

М а к а р е в и ч. Совершенно не удивительно, что у вас именно такое восприятие. Каждый человек дорожит своей молодостью. Она у нас одна, и все, что связано с юностью, кажется прекрасным. Все мы взрослеем. Мне думается, просто вы теперь меньше нуждаетесь в «Машине времени», чем десять лет назад. Но даже с сегодняшними нашими поклонниками происходит нечто подобное,

«Патриархи советского рока» и предположить не могли, какая встреча их ожидает.

когда мы меняем полностью свою программу. А делать это приходится раз в год, чтобы «Машина времени» от времени не отставала. И всякий раз им кажется, что старый репертуар был лучше, современнее. А когда через год они привыкают к этим песням и начинают любить их и петь, мы опять все меняем. И вновь история повторяется: они нас ужасно ругают, им кажется, что старое было намного лучше, чем новое. Но это естественный процесс».

И Андрей улыбнулся, как бы пытаясь своей обезоруживающей улыбкой и дружелюбным тоном разрядить возникающую напряженность. Но сидящие в студии этой попытки словно не заметили.

З р и т е л ь. Контингент почитателей «Машины времени» постепенно стареет. Молодые отдают предпочтение «Секрету» или кому-нибудь другому. Вы обратили на это внимание?

М а к а р е в и ч. Если бы мы сами выросли, а зрителями у нас оставались одни подростки, я бы задумался: что-то с нами, пожалуй, не в порядке. Но я не вижу, чтобы молодежь избегала встреч с «Машиной времени». Вот только что у нас закончились концерты в Москве на очень большой площадке — по двенадцать тысяч зрителей собирались каждый день. Мы играли вместе с битквartetом «Секрет», и я не могу сказать, что молодых слушателей стало меньше.

З р и т е л ь. А может, они на «Секрет» пришли?

М а к а р е в и ч. О, об этом я как-то не подумал!»

Видно было, что Макаревич растерялся от такой бестактности. Что случилось с этими ребятами? Лица некоторых из них запомнились ему еще по прошлой ринговской записи. Откуда же вдруг столько недоброжелательности, желания ранить побольнее, словно бы выместить на «Машине времени» свое отношение к неблагоприятно окружающего мира?

Макаревич попытался своей обезоруживающей улыбкой разрядить напряженность.

Сохранять терпение и душевную уравновешенность ему было нелегко.

Так или иначе, Андрей старался сохранить терпение и душевную уравновешенность. Но давалось ему это нелегко.

З р и т е л ь. Слушая ваши песни сегодня, я поймал себя на мысли, что все это прекрасный отблеск того, что было. Это память прошедших лет, когда столько о вас говорили, восхищались только вами. А сейчас ваша программа воспринимается спокойно, даже судя по реакции ринговской аудитории. Ваши песни нравятся, но это уже прошлое. Командные высоты захватывают теперь другие, например ленинградский рок-клуб. Скажите, роль «отцов» в сегодняшней рок-музыке вас устраивает?

М а к а р е в и ч. Было бы странно, если бы мы продолжали играть в детей, несмотря на то, что с каждым годом становимся старше. А то, что нас воспринимают спокойно? Вы знаете, нормальному человеку вообще свойственно воспринимать серьезные вещи спокойно, не орать при этом и не топтать ногами. Это не в обиду ленинградскому рок-клубу и московской рок-лаборатории. Но дело в том, что у нас очень многие не только в музыке — в разных областях искусства до недавней поры обязательно нуждались в каких-то стенах, чтобы было что разрушить. Обязательно надо было против чего-то воевать. И пока было что разрушить, все у них получалось просто здорово. А когда запреты сняли, некоторые оказались в каком-то странном положении. Я сейчас в Москве наблюдаю, как кое-кто из последних сил придумывает себе искусственные барьеры, чтобы потом их ломать. Потому что если просто выпустить этих музыкантов на сцену, то никто на них внимания не обратит. В общем-то, музыки у них нет, поэзии нет — так только, эпатаж да внешняя оболочка.

З р и т е л ь. Как вы относитесь к проблеме «вовремя уйти со сцены»? Есть известное суждение об этом Немировича-Данченко. Жизненный путь творческого коллектива, считал Немирович-Данченко, аналогичен эво-

люции жизни человека. То есть каждый такой коллектив проходит период детства, отрочества, юности, зрелости и в конце концов естественным образом умирает. Скажите, если принять эту точку зрения, на каком этапе своего существования находится ваша «Машина времени»?

М а к а р е в и ч. Месяц назад мы отметили восемнадцатилетие, можете посчитать. А вообще, если быть откровенным до конца, «Машину...» нужно готовить к новому повороту. Мы это и собираемся сделать. Так что можете сказать нам на прощанье: «В добрый час!»

В студии — а там было и много поклонников «Машины времени» — заплодировали, потому что это было название одной из самых популярных песен Андрея Макаревича.

«Меняется все в наш век перемен —
Меняется звук, меняется слог.
И спето про все. Но выйди
за дверь —
Как много вокруг забытых дорог!..
...Лет десять прошло, и десять
пройдет.
Пусть сбудется все хотя бы на
треть.
Нам в жизни везло — пусть вам
повезет,
А значит, не зря мы начали петь!

В добрый час, друзья, в добрый
час!

Наши дни — не зря эти дни.
Я вас жду, я помню о вас,
Знаю я, что мы не одни».

Припев подхватили многие — и в студии и наверняка потом у экранов телевизоров.

Зрители, конечно, не догадывались, что это один из последних «Музыкальных рингов», идущих в видеозаписи. К тому времени мы с Володей окончательно решили, что нашей программе, как и «Машине времени», пора делить крутой вираж и выходить на новый виток.

Подтолкнула нас к этому статья И. Орловой «Параллели пересекаются», появившаяся летом 1987 года в журнале «Телевидение и радиовещание». Автор статьи доказывала, что «Ринг» стал повторять сам себя. Прежде всего — характером вопросов. «Сравните сами, — писала И. Орлова. — Борису Гребенщикову и всему ансамблю «Аквариум»: «Почему вы так ужасно одеты?» Валерию Леонтьеву: «А зачем это у вас булавка на рукаве приколоты?» Михаилу Боярскому: «Почему вы всегда выступаете в черном?» (Ну просто по Чехову!)... Ответы разнятся только формулировкой, зависящей от степени остроумия музыканта-«бойца». Боярский: «Черный цвет лучше всего маскирует недостатки нашей легкой промышленности»; Леонтьев: «Булавка? От сглаза».

«Что же произошло в стандартной (на сегодняшний день) молодежной музыкальной передаче?» — ставила вопрос И. Орлова. И делала вывод: на смену царившей некогда в эфире монополии одного мнения пришел спектр мнений, но — черно-белых, выливающих в «нравоучительное обсуждение». «Повторим, — говорилось в статье, — «Музыкальный ринг» — одна из лучших на сегодняшний день передач о молодежной музыке. Но она же и типичнейшая».

Чтобы о нашей работе сказали «стандартная» и «типичнейшая»!.. Для нас с Володей это было так же обидно, как для Андрея Макаревича, когда на ринге его упрекнули в том, что «Машина времени» отстала от времени.

Нам и раньше профессиональное самолюбие не позволяло продолжать телевизионный цикл, если у него появлялись слишком яркие двойники. Так произошло в свое время с телеигрой «Янтарный ключ», когда мы заметили, что движемся параллельным курсом с программой Владимира Ворошилова «Что? Где? Когда?» (много лет работая в одном с ним жанре, мы одновременно пришли к похожей игровой форме). Не побоялись мы закрыть и

цикл «Лицом к городу», когда убедились, что у «12-го этажа» больше технических возможностей для развития придуманной нами модели.

Теперь по всем правилам следовало бы прекратить и «Музыкальный ринг», затеяв вместо него что-нибудь новенькое. В конце концов, эта передача считалась нашим детищем, и распоряжаться ее судьбой мы считали себя вправе. Но как трудно завоевывать аудиторию новой программе с незнакомым названием! Да и все ли возможности ринговской формы исчерпаны?

Что если старую программу максимально насытить развлекательными элементами, эксцентрикой, трюками и размыть еще больше ее жанровые границы?

Для этого придется поменять и условия встреч на ринге, проводя выступления не одиночные, а парные или нескольких «музыкальных команд». Пусть раунды превратятся в своеобразное соревнование между музыкантами и проходят в виде веселой и красочной игры. Игры, в которую самым активным образом включатся и телезрители. Разве не скучно сидеть перед экраном лишь в качестве наблюдателя? Почему бы, например, зрителю не выступить в роли рефери, решающего судьбу победителя? Или почему бы в роли нападающего не задать звезде вопрос по телефону?

Сделать это можно, конечно, только в прямом эфире. Но здесь препятствий вроде не должно возникнуть: ведь передача развлекательная. Это когда шло в прямой эфир наше политическое шоу «Общественное мнение», где обсуждались острейшие экономические и социальные вопросы, мы всякий раз опасались, что следующего раза не будет. Руководство студии основательно рисковало, когда к свободным микрофонам, установленным в самых оживленных местах города, приезжал кто угодно и открывались вещи самые неожиданные. Например, при обсуждении нового уголовного законодательства выяснилось, что

78 процентов населения готовы самолично привести в исполнение высшую меру наказания — смертную казнь!

Но здесь-то другой случай...

Система прямой телефонно-компьютерной связи с телезрителями была отработана нами в «Общественном мнении», так что мы могли без большого труда перенести ее в «Музыкальный ринг». Для нас было важно, что система эта дает возможность получать судебскую информацию от зрителей после каждого раунда.

При такой модернизации программы менялись и функции ведущего. В его руках оказывалась вся драматургия музыкально-театрального представления в студии. Кроме того, теперь предстояло параллельно вести двойной диалог — с телезрителями, сидящими дома у экранов, и с участниками передачи в студии. Здесь прежний образ ведущей, бесстрастно (пусть и не без иронических нот) произносящей свой текст, уже не годился. Нужен был новый имидж шоумена. Точнее — шоуменши. На нашем телевидении опыта такого рода попросту не было, а зарубежных программ этого жанра нам с Володей никогда видеть не приходилось.

Неожиданно мне помог Билли Джоэл, американский певец и композитор, который в одной из последних передач старой формы — это было в конце 1987-го — открыл серию международных встреч на «Музыкальном ринге». Он дал согласие участвовать в съемке, заинтригованный характером вопросов, какие ему будут задавать, и названием программы. Дело в том, что в юности Билли был боксером, причем хорошим: проиграл всего четыре боя. Наверное, уж очень ему хотелось одержать победу и на этом необычном русском ринге, если, несмотря на усталость и плохое самочувствие, он все-таки приехал на телевидение.

Длительные гастроли и ленинградская погода изрядно измотали Джоэла и тех, кто его сопровождал. И, войдя в залитую ослепи-

тельным светом студию с мигающими надписями на английском «Привет, Джоэл!», «Удачи тебе, Билли!» (тут уж наш художник Леня Пережигин сам себя превзошел), певец в своем скромном черном свитерочке поначалу как-то потерялся среди этого великолепия. К тому же его манеры оказались очень далеки от наших стандартных представлений о супер-стар американской эстрады. Ни упругой походки, ни фирменной голливудской улыбки. На ринге стоял небольшого роста, чуть сутулящийся человек, который и не собирался скрывать свою усталость. Хрипловатым голосом он произнес:

— Извините, у меня очень плохо с горлом. С тех пор как я приехал, у меня все время берут интервью... И эти бесконечные концерты... Я на гастролях в Европе с сентября, так что этой машине — моему горлу — нужна регулировка, нужен технический уход. Нужно сменить свечи зажигания. А тут еще и живот у меня разболелся, так что теперь требуется

Певец в своем скромном черном свитерочке поначалу как-то потерялся среди великолепия студии.

еще и новый глушитель. Но вы не беспокойтесь, я не думаю, чтобы на мою спортивную форму это так уж повлияло. Задавайте свои вопросы и посмотрим, кто крепче.

Никто и не понял, что с первых же шагов, едва подойдя к стоявшему в студии роскошному красному роялю, Билли Джоэл уже начал свое шоу. Никогда раньше не видевший «Музыкального ринга», он словно был создан для этой программы, а наш ринг — для него. За два часа съемки Джоэл ни разу не отошел от рояля, но был само движение. А как мастерски закручивал он драматургическую пружину, хотя ринговская публика, надо признаться, отнеслась к первому иностранному гостю прямо-таки с благоговением. Ответ на вопрос, казалось бы, ничего не предполагающий, кроме занудливых объяснений, он превращал в маленький спектакль. И с каким куражом все это делалось!

З р и т е л ь н и ц а (*преподаватель музыки*). Как вы считаете, нужно ли в детстве учить импровизировать и сочинять или к этому надо приходиться самому в более зрелом возрасте, уже после обучения игре?

Д ж о э л. Когда меня учили играть, об импровизации никто не рассуждал. Нужно было одолевать ноту за нотой и страницу за страницей. И пока мне не исполнилось десять лет, я с этим мирился и был примерным мальчиком, потому что мама всегда сидела в соседней комнате и слушала, как я занимаюсь. А потом я придумал одну хитрость. (*Раскрутившись на стуле, как мальчишка, Джоэл начинает наигрывать на рояле.*) Не правда ли, это очень напоминает классику? Но это уже была моя импровизация! И мама, думая, что я усердно зубрю урок, хвалила меня: «Как быстро ты разучиваешь новые произведения!» А на следующий день, когда нужно было играть то же самое, я никак не мог вспомнить, что же это я придумал вчера. И сочинял, например, такую композицию... Послушайте, я сейчас сыграю. (*Играет.*) Уловили? Вроде бы похожая мелодия. Но у мамы слух

очень тонкий, и она спрашивала: «Бэби, это еще что такое?» А я не моргнув глазом отвечал: «Это вторая часть того, что задал мне учитель!» К концу недели у меня получалось произведение в нескольких частях. Но заданной пьесы я не знал. И на уроке преподаватель орал на меня: «Твоя мать только зря деньги выбрасывает, ты ничего не учишь!» Как я хотел, чтобы мой учитель видел во мне личность и помогал ей развиваться с помощью импровизации! Вашим ученикам, наверное, здорово повезло, раз вы задаете такие вопросы.

З р и т е л ь. Сегодня вы из-за своего горла почти не поете, и мы только смотрим ваши клипы. На что вы теперь больше надеетесь: на музыку, которую пишете, или на те роскошные клипы, в которых ваша музыка представлена?

Д ж о э л. Я не схожу с ума из-за видеоклипов. Раньше их называли просто «рекламные ролики». И они помогали всем, кто хотел рекламировать новые песни. Я не звезда кино, у меня лицо так себе и нос картошкой, так у вас говорят? Поэтому перед камерами я чувствую себя не совсем хорошо. К тому же мой рост... Что тут снимать? Да и вообще нужны ли видеоклип вот к такой музыке? *(Играет.)* Узнали, я вижу... Да, это Пятая симфония Бетховена. Так вот, у Бетховена все было в порядке и без видеоклипов. Я вообще не думаю, что музыку нужно видеть. Ее нужно слушать, опираясь на собственное воображение. Кто может диктовать, как должно выглядеть то, что люди слышат? Разве сам Бетховен... Но хотя я тут и разругал видеоклипы, все же я их делаю. Это уже вопрос бизнеса, часть моей работы.

З р и т е л ь. Вы так тепло отозвались о классике и так блестяще начали играть Бетховена, что я не могу не спросить вас: что вы думаете о русской музыке и насколько, по вашему, она выражает русскую душу?»

Вместо ответа Билли с подчеркнuto сосредоточенным видом начал играть Первый кон-

церт для фортепиано с оркестром Чайковского. Но вдруг, словно споткнувшись, прервал исполнение. И это тоже был его трюк.

— Нет, это я играть не буду. Когда я был двенадцатилетним ребенком, у меня это получалось лучше. Мне пришлось учить много произведений великих русских композиторов. Но я не мог удержаться и, разучивая, превращал их в такие джазовые обработки. Послушайте.

Билли повернулся к роялю. А когда музыка отзвучала, продолжил:

— Я не звезда кино, у меня
лицо так себе и нос картош-
кой...

— Отец, если заставал меня за подобным занятием, страшно сердился: «Ну-ка прекрати сейчас же!» Первая русская музыка, которую я полюбил еще ребенком, это «Петя и волк» Прокофьева. Помните?

Билли одну за другой наигрывает несколько музыкальных тем.

— Это тема Волка... А это — Птички... Это Собака. Узнали?.. А это хороший парень пионер Петя... Первым в жизни балетом, который я увидел, был «Щелкунчик» Чайковского. Это я уже не смогу вам здесь продемонстрировать. А вообще, я учил произведения Мусоргского, Римского-Корсакова, Бородина, Шостаковича. Другими словами, я с детства знаю музыку русских композиторов и советских. Мой отец пианист, исполнитель классической музыки. А мать певица. Она солировала в опереттах знаменитых тогда в Америке постановщиков. Я вырос на бродвейских шоу и, когда стал взрослым, начал

делать свое шоу и писать к нему музыку. Сейчас я вам сыграю одну пьесу. Она из альбома «Серенада жизни на улице». Правда, я уже давно не исполнял эту вещь, поэтому могут быть ошибки. Но это моя музыка — какие хочу, такие ошибки и делаю...

На протяжении всей передачи Джоэл демонстрировал класс ведущего настоящего большого шоу. Такого шоу, о котором думали мы с Володей. И я потом много раз прокручивала видеозапись этого ринга, анализируя каждую реакцию, каждое движение Билли, каждый его трюк, стараясь разгадать чудо импровизации, включающей в действие и лирику и самоиронию. Он не боялся показаться смешным или неловким. На своем стуле перед роялем он все время играл разные роли — маленького Билли, матери, отца, рок-звезды, «своего парня» и вместе с тем неизменно оставался самим собой. Он менял маски, но ему удавалось сохранять собственный стиль.

Он менял маски, но ему удавалось сохранять собственный стиль.

К концу встречи на ринге Билли Джоэл приоткрыл один из своих профессиональных секретов:

— Во время концерта все время надо помнить, что концерт — это шоу, представление, а в любом представлении должна быть доля того, что мы называем «разл дазл». Это непереводаемое выражение, но когда я как заклинание говорю себе и музыкантам: «Разл дазл» — мы знаем, что сейчас начнется каскад выдумки, чудесной импровизации и каждый начнет выдавать все, на что в этот вечер способен, что подсказывают ему интуиция, настроение.

— По-нашему это называется кураж, — заметил один из зрителей.

— Может быть, — согласился Билли. — По звучанию это тоже похоже на магическое слово... Когда я произношу свое заклинание и начинаю делать на сцене разные трюки, иногда даже акробатические, я сам себе удивляюсь: и на что только человек способен! Стараюсь никогда не повторяться. Если только уж очень смешно и публика в восторге... Но при этом помню: любой повтор трюка уже не дает остроты первого впечатления. А доставить людям истинное удовольствие, развлечь их — моя обязанность. Я хочу, чтобы люди от меня получали заряд энергии. Я отдаю ее залу, зал мне возвращает, я снова отдаю. И так идет бесконечный обмен зарядами энергии. В этом я вижу смысл моего шоу.

Так говорил о своей работе Билли Джоэл на «Музыкальном ринге».

А в чем была наша цель, когда мы решили превратить музыкально-публицистическую программу в развлекательную? Наверное, в том же.

Мне часто вспоминался отчаянный выкрик одной из поклонниц «Секрета»:

— У нас так мало радости в жизни!..

Мы спешили обновить программу, и вся творческая бригада «Музыкального ринга» готовилась к премьере, которую назначили на начало 1988 года. Новые декорации сделали в

фантастически короткий для телевидения срок. Технику для суперсовременных световых эффектов раздобыли немислимыми путями на стороне. Первые претенденты на звание победителей «Музыкального ринга»-88 молодые композиторы Виктор Резников и Игорь Корнелюк вместе с их болельщиками уже напряженно ждали поединка, мобилизовав для предстоящей борьбы всю энергию и фантазию. У новой программы сразу же нашлись спонсоры — «Игротехника» в Москве и кооперативы «Флора» и «Гармония» в Ленинграде, которые обещали засыпать ринг подарками и цветами. Кооператив «Гута» при ленинградском заводе художественного стекла предложил изготовить для победителя хрустальный скрипичный ключ. В общем, все шло как по маслу. Мы стучали по дереву, плевали через левое плечо и радовались: новая модель передачи обещала яркое, праздничное телевизионное зрелище.

Оставалось уточнить день выхода в эфир. И тут от руководства студии мы услышали полушутливое-полусерьезное:

— Ребята, пощадите! Нам с вашим «Общественным мнением» хлопот хватает. Каждый раз три часа прямого эфира сидишь как на иголках... Дайте хоть во время «Рингов» пожить спокойно! Пусть идут в записи.

Но в старом варианте, рассчитанном на видеозапись, наша передача свое уже отжила. Новая модель требовала «живого» вещания, без которого просто невозможно установить прямой контакт с телезрителями. К сожалению, убедить в этом наше руководство мы так и не смогли. В результате «Музыкальный ринг» на несколько месяцев исчез из ленинградского телеэфира.

Между тем всесоюзный зритель никаких перемен не заметил. Прежние выпуски нашей передачи регулярно шли по первой программе ЦТ. Однако пятилетний запас видеозаписей быстро таял. Наконец настал момент, когда на полках в Ленинграде оставались всего три программы, неизвестные телеаудитории стра-

ны: с участием Аллы Пугачевой и групп «Браво», «АВИА», «Телевизор», «Кофе», с «Поп-механикой» и еще с «Брейк-дансом». Нужно было находить выход из создавшегося положения. И в апреле 1988 года мы все-таки получили долгожданный прямой эфир. Продолжительность — два с половиной часа.

Шоу-программа «Музыкальный ринг» начала новый этап своей жизни.

Конец, **который**

**МОЖЕТ
стать**

началом

Надеюсь, что название этой коротенькой главки, или, вернее, послесловия, себя оправдает. Но как знать? Может случиться и по-иному. Ведь новая форма «Музыкального ринга», та, что возникла в 1988 году, вызвала много споров. Подчеркнутая зрелищность, шумовые и световые эффекты, взрывы, фейерверки, гирлянды цветов, петухи, коты, переодевания и иногда даже раздевания! И все это — в «живом» эфире, который дал возможность сделать телезрителей участниками шоу. Сидя дома у своего телевизора, люди в любом уголке страны могли при желании вмешаться в студийное действие, задать вопрос соперникам на ринге. От мнения зрительской аудитории теперь зависел и итог встречи претендентов на звание победителя «Музыкального ринга». Стоило лишь сообщить по телефонно-компьютерной связи свой судейский приговор — и счет раунда менялся.

Так были проведены встречи между композиторами Виктором Резниковым и Игорем Корнелюком, группами «Яблоко» и «Кукуруза», командами «Рок-Москва» и «Рок-Ленинград». Оценивали судьи-телезрители и первые «дамские» раунды — между Ириной Отиевой и Ларисой Долиной, между Малгожатой Островской (Польша) и Жанной Агузаровой. Бурную зрительскую реакцию вызвал ринг с участием Сергея Минаева, групп «Рондо», «Аукцион» и «Своя игра». По новой модели было проведено и несколько международных игр: между чехословацкой группой «Стромболи» и советской «Антис» из Литвы; японской «Шоу-Я», «Битлз-Ревайвел-Бенд» (ФРГ) и американскими музыкантами Латойей Джексон и Эдгаром Винтером; встреча между балетной труппой «Фридрихштадт-Паласт» из ГДР и Ленинградским мюзик-холлом.

Рассказывать отдельно о каждой шоу-программе — новая книжка получится. Еще потолще этой.

Чего стоила, например, подготовка к поединку на ринге джазовых певиц Ларисы Долиной и Ирины Отиевой. Двум подругам

пришлось на два с половиной часа эфира стать соперницами. И, хотя соревнование было творческим, поручиться за мирный его исход до последней минуты никто не решался. Даже пианист Леонид Чижик, которому удивительно изящно удавалось разряжать обстановку в самые острые моменты встречи, не мог предсказать финальный джем-сешн, доставивший истинное удовольствие многим любителям музыки. А сколько было волнующих моментов по ходу встречи...

Вот исполнила Отиева песню «Эй, кто-нибудь!..» — в зале тишина. Даже аплодисментов нет, такое сильное впечатление произвели на слушателей музыка и слова. Ирина, склонив голову, стоит на коленях в красных лучах прожекторов. Камера крупно показывает ее глаза. Видно, что из образа она уже вышла. О чем-то тревожится. О чем?

Как тут не рассказать, что, готовясь выступить на «Музыкальном ринге», Ирина мучилась: раскрывать ли перед телезрителями свой псевдоним или нет? Десять лет проработала она на профессиональной эстраде, но публика так и не догадывалась, что Отиева и автор всех ее песен Мария Ангелова — одно лицо. Ирина колебалась, не знала, как ей поступить. Тогда мы с Володей предложили: посмотрим, какая ситуация сложится на ринге. Если зрители отметят достоинства музыки и стихов в одной из лучших песен Отиевой, то я помогу ей раскрыть псевдоним. На том и порешили. И как только песня закончилась, Ирина стала напряженно ждать: что-то сейчас будет?! Но коротко о том, что было дальше, не расскажешь...

А один из новых рингов мы специально устроили 13 мая — в день, для людей суеверных вдвойне «опасный». Обыгрывая эту ситуацию, мы решили партнером «шоуменши», в роли которой я теперь пробовала выступать, сделать черного кота. Вернее, кошку по кличке Ночка.

Каждый раз после короткого появления в кадре Ночка, возмущенно мяукнув, сбегала от

меня и носилась по аппаратной. В последнюю секунду беглянку водружали на место, и я, победоносно улыбаясь, срочно придумывала реплики, чтобы действие на ринге не развалилось. При этом иногда мне удавалось еще извлечь какие-то звуки из «поющего синтезатора», правда, не без ошибок.

Не знаю, насколько заметны были зрителям курьезы той майской передачи. Так же, как и другой, когда на ринге выступали певцы и музыканты из Японии, США и ФРГ.

Многие тогда удивлялись, как странно вели себя в студии девушки из японской группы «Шоу-Я» и знаменитая Латойя Джексон. Под собственные фонограммы они не пели, а только двигали бедром. Больше стоило бы бешеных денег. Продюсеры звезд долго оговаривали условия с устроителями ринга и во время передачи бдительно следили, чтобы ни одного лишнего движения не было снято камерами. Но Латойя не удержалась. Темперамент у нее такой же неистовый, как у

ее брата Майкла Джексона. Да и публика на ринге заводная. Она так раззадорила американскую гостью, что та забыла об условиях контракта.

Если бы к книге была приложена видеокассета с записью фрагментов «Музыкального ринга», читатель (он же и зритель) смог бы сам заново увидеть, как все в тот раз получилось. Ведь запись в сочетании с поясняющим текстом позволяет на многое взглянуть иными глазами, чем при просмотре передачи в эфире. Но пока о такой «видеокниге» можно только мечтать.

Впрочем, так ли уж фантастична эта мечта? Даже история нашей передачи убеждает: невероятное вчера может стать реальностью завтра.

Ну кто мог, например, предсказать несколько лет назад, что в конце восьмидесятых тот самый Борис Гребенщиков, который

нервно крошил папиросу в руках, увидев свой дебют на телеэкране, окажется для американских продюсеров первой советской рок-звездой?

А какой провидец разглядел бы на «Музыкальном ринге» 1986 года в смешной и трогательной девчонке с заплаканными глазами элегантную «бархатную леди» Жанну Агузарову, которая через три года одержит победу в телевизионном соперничестве с «польским соловьем» Малгожатой Островской? Теперь Жанна — покорительница музыкальных аудиторий Европы и Америки.

Осуществились и надежды бит-квартета «Секрет». У ребят есть свой рок-театр-студия. И начали они с музыкального спектакля «Элвис Пресли». В главной роли — Максим Леонидов.

Все эти и многие другие события, радостные для музыкантов, побывавших в разное время на «Музыкальном ринге», произошли в 1989 году. А уже в январе следующего года мы встретились в новой программе — первом советском «Телемарафоне», который, подозреваю, перевернет все планы на ближайшее будущее. И это было бы вполне закономерно. Ведь «Телемарафон» можно считать детищем двух наших программ в «живом» эфире — «Музыкальный ринг» и «Общественное мнение».

В первую очередь я, конечно, имею в виду активную обратную связь с телезрителями, их участие в действии на телеэкране. Правда, теперь действие длилось не два с половиной часа, как на ринге, а сутки, но принципы контакта с многомиллионной аудиторией оставались теми же.

На тот, первый «Телемарафон», отменяя свои гастроли не только в нашей стране, но и за рубежом, съехались сотни артистов. Среди них были почти все, кто в разные годы выходил на наш ринг. Александр Барыкин и Владимир Кузьмин, Михаил Боярский и Марина Капуро, Жанна Агузарова и Андрей Макаревич... Да разве всех перечислишь!

Новая программа стала следующей ступенью в нашей телевизионной работе. Останется ли теперь место для «Музыкального ринга», и если да, то каким он будет?

Прогнозы делать как-то боязно. Тем более что у читателей есть перед нами одно преимущество: они-то уже знают, какая судьба была уготована в 1990 году нашим передачам. Поживем — увидим.

Максимова Т.
М17 Музыкальный ринг. — М.: Искусство, 1991. —
303 с.: ил.
ISBN 5-210-00114-8

Автор и ведущая популярной рубрики Ленинградского телевидения «Музыкальный ринг» Т. Максимова в своей книге воссоздает творческую историю передачи, рассказывает о ее творцах и участниках.

М 4503000000-016 20-90
025(01)-91

ББК 85.38

Максимова Тамара Вениаминовна

Музыкальный ринг

Редактор *А. А. Черняков*. Младший редактор *Н. В. Соколова*. Художественный редактор *М. Г. Егиазарова*. Технический редактор *А. Н. Ханина*. Корректор *М. Л. Лебедева*.

ИБ № 4047

Сдано в набор 16.07.90. Подписано в печать 12.10.90. Формат издания 60×84/16. Бумага тифдручная. Гарнитура таймс. Печать глубокая. Усл. печ. л. 17,67. Усл. кр.-отг. 37,09. Уч.-изд. л. 19,202. Изд. № 6451. Тираж 100 000. Заказ 1506. Цена 5 руб. Издательство «Искусство» 103009. Москва, Собиновский пер., 3. Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфический комбинат Государственного комитета СССР по печати. 170024, г. Тверь, пр. Ленина, 5.

